

ГОУВПО «ЧЕЛЯБИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
ВУЗОВСКАЯ АКАДЕМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ
МЕЖКУЛЬТУРНЫХ КОМУНИКАЦИЙ

LINGUA MOBILIS

Научный журнал

№3 (17) 2009

Выходит 6 раз в год

Издается с 2006 г.

Челябинск

Главный редактор

Селютин Ан. А. - кандидат филологических наук, заведующий лабораторией межкультурных коммуникаций Челябинского государственного университета.

Зам. главного редактора, редактор перевода

Селютин Ал. А. - кандидат филологических наук, ст. преподаватель кафедры теории языка Челябинского государственного университета.

НАУЧНО- РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Шкатова Л. А. - доктор филологических наук, профессор кафедры теории языка Челябинского государственного университета.

Демидов О. В. - кандидат филологических наук, доцент кафедры теории массовых коммуникаций Челябинского государственного университета.

Квашнина Е. Н. - кандидат филологических наук, доцент кафедры теории языка Челябинского государственного университета.

Редколлегия журнала может не разделять точку зрения авторов публикаций. Ответственность за содержание статей и качество перевода аннотаций несут авторы публикаций.

Адрес редакции: 454084, г.Челябинск, пр.Победы, 162-в, к.107

Группа журнала “Lingua Mobilis” на сайте vkontakte.ru

<http://vkontakte.ru/club7687624>

ISSN 1998-1546

© ГОУВПО «Челябинский
государственный университет»

© Лаборатория
межкультурных коммуникаций

© ООО «Энциклопедия»

Формат 60x84 1/16.

Бумага ВХИ 80 гр.

Объем 12,4 усл.п.л.

Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии
“Два комсомольца”.

454084, г.Челябинск,

Комсомольский проспект, 2.

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Бронникова Е. В.* Об особенностях словесного воплощения мотивов памяти и забвения в романе А. Платонова «Чевенгур»7
- Салова Д. О.* Концепты «Достоевский» и «Тургенев» в англо-американской лингвокультуре (научная традиция)14
- Юлдашева Л. Р.* Языковые особенности идиостиля В. П. Некрасова ...22
- Ярина Е. С.* Сюжетно-композиционное своеобразие и жанровая природа романа Э. Елинек «Перед закрытой дверью»28

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

- Алимурадов О. А.* Областная модель концепта BEAUTY, вербализуемая коммуникантами-женщинами36
- Бобырева Е. В.* Характеристики религиозного дискурса54
- Данилова И. С.* О важности диахронических исследований лексических группировок (на материале наименований наркотиков в художественной литературе VIII-XV веков)64
- Декатова К. И.* Специфика ментальной репрезентации признаков объекта косвенно-производной номинации (на материале именных знаков косвенно-производной номинации)72
- Дьякова А. А.* Вторичная репрезентация текстового содержания при интердискурсивной адаптации79
- Исяндавлетова Г. Н.* Этимология слов 'знать' и 'ведать' в исторической лексикологии89
- Кременецкая И. В.* Тематическая группа как парадигматическое объединение слов94
- Кручинкина Н. Д.* Транспозиция отглагольных существительных99
- Малых Д. С.* Определение фразового глагола и проблема послелого104
- Пригарина А. С.* Исповедь в контексте религиозного дискурса: построение и структурные особенности110

ЯЗЫК ПОЛИТИКИ

- Шаймарданова Л. Р.* Реализация представлений русского народа о законе и праве через образы судьи, царя и бога115

ЯЗЫК СМИ

- Каюмова Э. Р.* Особенности организации текста в журнале «Cosmopolitan»131

<i>Малетина О. А., Гариб А. Б.</i> Реализация концепта «мода» в массово-информационном дискурсе (на материале журналов «Vogue», «Yes»)	136
<i>Федосова О. И.</i> Принципы и способы номинации российских средств массовой информации	143
ЛИНГВИСТИКА И ПЕРЕВОД	
<i>Соколова М. Е.</i> Модальные слова и модальные частицы в ракурсе категории модальности и за ее пределами (на материале немецкого языка)	153
<i>Федосова О. В.</i> Эвфемия в испанской разговорной речи	163
<i>Любова А. Н., Федуленкова Т. Н.</i> Вариативность адъективных компаративных фразеологических единиц (на материале английского, немецкого и норвежского языков)	175
МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ЯЗЫКА	
<i>Севрюгина О. В.</i> Формирование культуры общения студентов университета	190
<i>Шакирова Т. И.</i> Текст как одно из основных средств патриотического воспитания в процессе обучения иностранному языку	197
<i>Ширяева Н. Н.</i> Конкретность и комплексность как необходимые требования к определению целей обучения иностранному языку в неязыковом вузе	206
АННОТАЦИИ	212
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	220

CONTENTS

LANGUAGE OF FICTION LITERATURE

- Bronnikova E. V.** About verbal incarnation's peculiarity of motives
of memory and oblivion in the novel "Tchevengur" by A. Platonov7
- Salova D. O.** Concepts "Dostoyevsky" and "Turgenev" in English-American
linguistic culture (scientific tradition)14
- Yuldasheva L. R.** Language peculiarities of idiostyle by V. P. Nekrasov ...22
- Yarina E.S.** Composition's peculiarity and the genre's nature of E. Jelinek's
novel «Wonderful, wonderful times»28

LANGUAGE STUDIES

- Alimuradov O. A.** Regional model of the concept BEAUTY verbalized
by women-communicators36
- Bobyreva E. V.** Characteristics of religious discourse54
- Danilova I. S.** About the significance of diachronic research of lexical groups
(on the basis of words denoting drugs in fiction literature
of VIII-XV)64
- Dekatova K.I.** Specifics of mental representation of features during
secondary nomination (based on nominal features of secondary
nomination)72
- Dyakova A. A.** Secondary representation of textual content in interdiscourse
adaptation79
- Isyandavletova G. N.** The etymology of words of nobility and knowledge in
historical lexicology89
- Kremenetskaya I. V.** Thematic group as paradigm word unit94
- Kruchinkina N. D.** Transposition of verbal nouns99
- Malykh D. S.** Definition of a phrasal verb and postposition problem104
- Prigarina A. S.** Confession in the context of the religious discourse:
composition and structural features110

LANGUAGE OF POLYTICS

- Shaymardanova L. R.** Realization of ideas of the Russian folk about
law and justice in the images of judge, tsar and God115

LANGUAGE OF MASS MEDIA

- Kayumova E. R.** Peculiarities of organization of text in the magazine
"Cosmopolitan"131

Maletina O. A., Garib A. B. Realization of concept “fashion” in mass media discourse (based on magazines “VOGUE”, “YES”)	136
Fedosova O. I. Principles and methods of nomination of the Russian mass media	143

LINGUISTICS AND TRANSLATION

Sokolova M. E. Modal words and modal particles in the light of category of modality and beyond its limits (in German language)	153
Fedosova O. V. Euphemia in the Spanish spoken language	163
Lubova A. N., Fedulenkova T. N. Variantness of ad’ektivnykh komparativnykh phraseological units (on material of the English, German and Norwegian languages)	175

METHODOLOGY OF LANGUAGE TEACHING

Sevryugina O. V. Formation of culture of communication among university students	190
Shakirova T. I. Text as one of the main means of patriotic education in the process of learning of a foreign language	197
Shiryayeva N. N. Specificity and complexity as necessary demands to the definition of purposes for foreign language teaching in a non-linguistic university	206

ABSTRACTS	212
------------------------	-----

INFORMATION ABOUT AUTHORS	220
--	-----

ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ СЛОВЕСНОГО ВОПЛОЩЕНИЯ МОТИВОВ ПАМЯТИ И ЗАБВЕНИЯ В РОМАНЕ А. ПЛАТОНОВА «ЧЕВЕНГУР»

Е.В. Бронникова

В настоящей статье исследуется природа памяти и забвения в романе А. Платонова «Чевенгур». Посредством анализа лексического воплощения соответствующих мотивов в тексте произведения, автор приходит к выводу, что память и забвение образуют два напряженно взаимодействующих полюса творимого художником мира, один из которых олицетворяет собой идею жизни, родства всего со всем, а второй воплощает саму сущность смерти, трагическую разъединенность составляющих бытия.

Ключевые слова: А. Платонов, «Чевенгур», проблема памяти и забвения.

В современном литературоведении существует немало работ, посвященных изучению устойчивых мотивов и образов в произведениях А. Платонова. Как наиболее значимые среди них отметим исследования Л. Фоменко [8], М. Дмитривской [6], Е. Яблокова [11], М. Геллера [5], Л. Карасева [7], А. Щербакова [9], выделяющие в качестве ключевых для понимания платоновской Вселенной следующие концепты: «дом», «дорога», «родство», «сиротство», «странничество», «пустота», «вещество», «смысл», «истина», «жизнь», «смерть» и некоторые другие. Однако этот ряд представляется нам неполным без «памяти» и «забвения». В настоящей статье посредством анализа соответствующих мотивов мы попытаемся раскрыть платоновское понимание природы памяти и забвения, а также определить их место в картине мироздания художника, представленной в вершинном его творении – романе «Чевенгур».

Сразу отметим, что в своем понимании повествовательного мотива мы опираемся на концепцию Б. Гаспарова, согласно ко-

торой, мотивом может быть любое «смысловое пятно», повторяющееся или варьирующееся в тексте [4. С. 30]. Такой подход позволяет рассматривать мотивы памяти и забвения у Платонова сразу в двух аспектах: *лексическом*¹, поскольку в тексте «Чевенгура» неоднократно повторяются слова «память» и «забвение» а также производные от них лексемы, и *конструктивном*, где воспоминания героев анализируются как события и выявляется особый способ организации этих событий в романе.

Поскольку главным стилевым инструментом Платонова является всё-таки слово, ведь «чувствование мира» этого художника, как пронизательно замечает М.Дмитровская, «показывает себя не с помощью языка, а через язык» [6. С. 3], наиболее интересным нам представляется рассмотреть именно лексическое воплощение мотивов памяти и забвения в тексте «Чевенгура».

Начнем с мотива памяти.

Первое, что обращает на себя внимание при чтении романа, – это постоянное соседство слова «память» с глаголами и существительными, имеющими семантику ощущений, причем самых разнообразных: обонятельных, осязательных, вкусовых и даже аудиальных. Например: «Копенкин *ощущал* даже *запах* платья Розы <...>. Он не знал, что подобно Розе Люксембург в *памяти* Дванова *пахла* Соня Мандрова» [1. С. 122]; «Дванов <...> вообразил только одну Софью Александровну. И его сердце наполнилось стыдом и *вязкой тягостью воспоминания*» [1. С. 353]. Или: «В Чевенгуре не было искусства <...>, зато любой мелодический *звук*, даже направленный в вышину безответных звезд, свободно превращался в *напоминание* о революции» [1. С. 282]. На наш взгляд, столь ярко выраженная чувственная природа платоновской памяти неразрывна связана с особым складом личности художника, постигающим мир прежде всего чувственно, на пределе всех душевных сил. Не случайно в одной из своих записных книжек Платонов определяет память и забвение как свойства человеческого сердца, а не разума: «Человеческому *сердцу* свойственны не только совесть, долг и *память*, но также и *забвение*» [2. С. 410]. В связи с этим закономерной представляется необычайно насыщенная эмоциональная

¹Здесь и далее, в том числе и в цитатах, курсивом выделено нами. – Е.Б.

окрашенность платоновской памяти, причем спектр чувственных переживаний, доставляемых воспоминаниями, оказывается очень широким – от нежности до ярости: «Вы сестры, – сказал Дванов с нежностью ясного воспоминания» [1. С. 102]; «А небо над садами, над уездными малыми храмами и недвижимым городским имуществом покоилось трогательным воспоминанием Алексея Алексеевича» [1. С. 178]; «Ты помнишь восемнадцатый и девятнадцатый год?» – со слезами радости говорил Пашинцев. Навсегда потерянное время вызывало в нем яростные воспоминания» [1. С. 129]; «Комиссар тоже спал, лицо его сморщилось – вероятно, он мучился перед сном воспоминаниями о покинутой семье» [1. С. 61].

Как мы могли убедиться из приведенных выше фрагментов текста, эпитеты, относящиеся к слову «память», имеют как негативную, так и позитивную оценочность. Иначе дело обстоит с лексическим окружением слова «забвение». Определяемое Платоновым как «недостаток человеческого сердца» [2. С. 404], забвение наделяется в романе исключительно отрицательной семантикой: «Копенкин не имел сознания и лишь *стонал от грустного, почерневшего чувства забвения*» [1. С. 191]; «Копенкин приподнял голову и, оглядев белыми глазами *позабывтый мир, искренно заплакал*» [1. С. 353]. Думается, это связано с тем, что забвение в мире Платонова представляет собой нечто совершенно чуждое жизни, но родственное смерти, поскольку разрушает единство и целостность бытия. Отсюда – постоянное соседство этого мотива со словами «смерть», «гибель», «мертвый» и т.п. Например: «Чепурный <...> снял с себя шинель, укутал ею Прокофия и, привалившись к нему, *позабылся в отчуждении жизни*» [1. С. 345]; «Копенкин пришел в *самозабвение, которое запирает чувство жизни в темное место* и не дает ему вмешиваться в смертные дела» [1. С. 138]; «Дванов находил различные *мертвые вещи* <...>, поднимал эти предметы, выражал сожаление их *гибели и забвенности* и снова возвращал на прежние места» [1. С. 355].

Ярчайшим примером синонимии «смерти» и «забвения» в платоновском романе является эпизод, изображающий, как посреди «благоденствующего» Чевенгура на руках матери умирает ребенок. Причем наступление его смерти автор передает посред-

ством нагнетания в тексте глагола «забыть» и производных от него лексем. Сначала «мальчик молчал и глядел на мать полуприкрытыми, *позабывшими* её глазами», далее он говорит ей: «Ты завтра разбуди меня, чтобы я не умер, а то я *забуду и умру*», – а после наступления смерти малыша «мать поглядела на *уже забывшегося* ребенка и пожалела его» [1. С. 271]. Интересно, что в финале этого эпизода, мотивы забвения и смерти становятся для Платонова настолько тождественными, что он использует один из них вместо другого, заменяя лексему «умер» словом «забыл»: «Ну и что ж такое, скажи пожалуйста? – с суровой надежностью сказал Чепурный. – Одну минуту пожить сумеет, раз матери хочется: *жил-жил*, а теперь *забыл!*» [1. С. 272].

Другим принципиально важным для раскрытия платоновского понимания уничтожающей жизнь сущности забвения является в романе мотив пустоты. Пустота выступает в «Чевенгуре» как доминантная характеристика образа мира, охваченного забвением: «Над *пустынной* бесприютностью степи всходило вчерашнее утомленное солнце, и свет его был *пуст*, словно над чужой *забвенной* страной, где нет никого, кроме брошенных людей на кургане, жмущихся друг к другу не от любви и родственности, а из-за недостатка одежды» [1. С. 248]. Или: «*Лунное забвение* простиралось от одинокого Чевенгура *до самой глубокой вышины* и там *ничего* не было, оттого и лунный свет так тосковал в *пустоте*» [1. С. 293].

Однако вернемся к мотиву памяти. В отличие от забвения, ощущаемого художником исключительно как разрушительная стихия, воспоминания наделяются им всеобъемлющей силой созидания. В этом несложно убедиться, обратившись к платоновским письмам к жене, литературно-критическим статьям и многочисленным записным книжкам, в одной из которых читаем: «Мы должны *сберечь в памяти* и в образе каждого человека в отдельности, тогда будут *сохранены* и все во множестве и каждый будет прекрасен, необходим и полезен теперь и в будущем, продолжая через память действовать в живых и помогая их существованию» [2. С. 410].

Таким образом, главная задача памяти, по Платонову, – это сохранение жизни. Причем, как справедливо замечает Е.Яблоков

[11. С. 201], идея памяти (движения во времени и «хранения» этого времени) оказывается неразрывно связана у писателя с идеей «странствования» (движения в пространстве и «собираения» мира в свою душу). В этом смысле не случайным представляется тот факт, что в тексте романа слово «память» зачастую соседствует с глаголами движения, а также словами с семантикой пути, дороги, перемещения в пространстве: «Захар Павлович *на ходу вспоминал* прошедшую жизнь и не сожалел о ней» [1. С. 12]; «На дворе дождь, в степи сырость, а малого нет и нет, всё время *хожу и помню* о нем» [1. С. 310]. Или: «<...> Прокофий *попутно памяти* Александра указывал, что горе в русских деревнях – это есть не мука, а обычай» [1. С. 295]; «<...> это Копенкин видел, и его любовь шла дальше по *дороге воспоминаний*» [1. С. 89].

Еще одним характерным свойством памяти в романе Платонова является её возрастающая активность, усиливающаяся пропорционально движению времени, о чем свидетельствует прием восходящей градации, используемый автором при построении предложений, описывающих воспоминания героев. Например: «А я тебя помнил, – ответил Дванов [Прокофию – Е.Б.]. – *Чем больше жил, тем всё больше тебя помнил, и Прохора Абрамовича помню, и Петра Федоровича Кондаева, и всю деревню*» [1. С. 291]. Как видим, память активно накапливает жизнь, «собирает» отдельные элементы мира, сохраняя их в сердце человека. Причем в качестве объектов воспоминания у художника выступают не только люди, его память восстанавливает связь между самыми разнообразными составляющими бытия: предметами, явлениями природы, животными, насекомыми, небесными светилами, умершими людьми и т.д. Более того, в мире Платонова существует даже память о будущем. Так, Гопнер спрашивает у Чепурного о Чевенгуре: «Деревня, что ль, такая *в память будущего* есть?» [1. С. 161]. А коммунист Жеев с одинаковой тоской вспоминает как былое, так и грядущее: «Перед сном Жеев любил *потосковать об интересной будущей жизни и погоревать о родителях*, которые давно скончались» [1. С. 245].

Подводя итог всему сказанному выше, мы приходим к выводу, что память и забвение образуют два полюса платоновского кос-

моса: один олицетворяет собой идею жизни, вечного движения, родства всего со всем, а второй воплощает саму сущность смерти, трагическую разъединенность составляющих мира, всеобщее одиночество и пустоту. Однако эти полюса не изолированы друг от друга, а находятся в постоянном напряженном взаимодействии. Потребность платоновских героев в памяти как в кровно необходимой связи друг с другом и с миром никогда не получает своего удовлетворения, она постоянно оборачивается забвением, разрывом. Об этом свидетельствует тот факт, что как только в тексте возникает один из названных мотивов, тут же появляется и второй. Например: «Мальчик *вспомнил* про удочку, которую сделал ему отец, а он *закинул* её в озеро и там *забыл*» [1. С. 11]. Или: «В них [могилах – Е.Б.] лежали покойные люди, которые жили потому, что верили в *вечную память* и сожаление о себе после смерти, но о них *забыли*» [1. С. 330]. Особенно интересен в этом плане эпизод, описывающий сражение за Чевенгур, в котором автор буквально сталкивает предельную память и абсолютное забвение, подчеркивая таким образом высшую степень драматизма происходящего: «Он [Копенкин – Е.Б.] пронизался без вреда через весь отряд противника, *ничего не запомнив*, и вновь повернул рычащую Пролетарскую Силу обратно, чтобы теперь *всё задержать на счету у памяти*, иначе бой не даст утешения и в победе не будет чувства усталого труда над смертью врага» [1. С. 362].

Подобная диалектика памяти и забвения, связи и разрыва, родства и сиротства, насквозь пронизывающая текст романа, является характерной чертой «драматически-сопрягающего» [3. С. 29] платоновского стиля, который в «Чевенгуре», как справедливо замечает В. Эйдинова, открывается оборотной своей стороной – «принципом разрывов», «сближенных, но не сопрягающихся друг с другом частей» [10. С. 137].

Список литературы

1. Платонов, А.П. Чевенгур: Роман и повести. – М.: Советский писатель, 1989.
2. Платонов, А. Живя главной жизнью. – М.: Правда, 1989.

List of literature

1. Platonov, A.P. Chieviengur: Roman ii poviestii. – M.: Sovietskij piisatieli, 1989.
2. Platonov, A. Zhiivia glavnoj zhiizniju. – M.: Pravda, 1989.

3. Белоусова, Е.Г. Стилевая интенсификация в русской прозе рубежа 1920-1930-х годов: автореф. дис. ... д-ра. филол. наук. – Екатеринбург, 2007.
4. Гаспаров, Б. Литературные лейтмотивы. – М., 1994.
5. Геллер, М. Андрей Платонов в поисках счастья. – М.: «МИК», 2000.
6. Дмитровская, М.А. Язык и мироощущение А. Платонова: автореф. дис. ... д-ра. филол. наук. – М., 1999.
7. Карасев, Л.В. Движение по склону. О сочинениях А. Платонова. – М.: Российск. гос. гуманит. ун-т., 2002.
8. Фоменко, Л.П. «Дом» и «дорога» в романе А. Платонова «Чевенгур» // Андрей Платонов: проблемы интерпретации. – Воронеж: Траст, 1995. – С. 97-103.
9. Щербаков, А. Родство, сиротство, гражданство и одиночество в произведениях А.Платонова // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. – М.: Наследие, 1993. – С. 132-144.
10. Эйдинова, В. О динамике стиля Андрея Платонова (от раннего творчества – к «Котловану») // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. – М.: Наследие, 1993. – С.132-144.
11. Яблоков, Е. О типологии персонажей А.Платонова // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. – М.: Наследие, 1993. – С. 194-203.
3. Bielousova, JE.G. Stilievaja iintensiifikathijia v russkoj prozie rubezha 1920-1930-x godov: Autoref. Of Doctor of Phil. – Jekatierinburg, 2007.
4. Gasparov, B. Liitieraturnyyje liejtmotiivyy. – M., 1994.
5. Giellier, M. Andriej Platonov v poiskax schastija. – M.: «МИК», 2000.
6. Dmiitrovskaja, M.A. Jazyyk ii mirosozierthanijie A. Platonova: Autoref. Of Doctor of Phil. – M., 1999.
7. Karasiev, L.V. Dviizhienijie po sklonu. O sochiinienijax A. Platonova. – M.: Rossijsk. gos. gumaniit. un-t., 2002.
8. Fomienko, L.P. «Dom» ii «doroга» v romanie A. Platonova «Chieviengur» // Andriej Platonov: problemmy iintierprietathihii. – Voroniez:h: Trast, 1995. – pp. 97-103.
9. Shhierbakov, A. Rodstvo, siirostvo, grazhdanstvo ii odiinochestvo v proiizviedienijax A.Platonova // «Strana fiilosofov» Andrieja Platonova: problemmy tvorchiestva. – M.: Nasliedijie, 1993. – pp. 132-144.
10. Ejdiinova, V. O diinamiikie stililia Andrieja Platonova (ot ranniego tvorchiestva – k «Kotlovanu») // «Strana fiilosofov» Andrieja Platonova: problemmy tvorchiestva. – M.: Nasliedijie, 1993. – pp.132-144.
11. Jablokov, JE. O tiipologiihii pieresonazhiej A.Platonova // «Strana fiilosofov» Andrieja Platonova: problemmy tvorchiestva. – M.: Nasliedijie, 1993. – pp. 194-203.

**КОНЦЕПТЫ «ДОСТОЕВСКИЙ» И «ТУРГЕНЕВ»
В АНГЛО-АМЕРИКАНСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ
(НАУЧНАЯ ТРАДИЦИЯ)**

Д. О. Салова

Данная работа представляет собой обзор литературоведческой традиции реализации концептов «Достоевский» и «Тургенев» в англоязычной лингвокультуре. Кроме того, в статье представлены списки спецкурсов, посвящённых Достоевскому и Тургеневу, в колледжах и университетах Великобритании и США.

Ключевые слова: *концепт, лингвокультура, достоевсковедение, тургеневедение.*

Духовные элементы культуры, реализующиеся в языке, получили название лингвокультурных концептов [3, С.1]. Данного определения, принадлежащего Г.Г. Слышкину, мы придерживаемся в нашей работе, посвящённой концептам «Достоевский» и «Тургенев».

В список реалий, которые должен знать каждый образованный американец, в словаре культурной грамотности «Cultural Literacy» И.Д. Хирша входят «Отцы и дети» Ивана Тургенева, «Преступление и наказание» и «Братьев Карамазовых» Фёдора Достоевского [Hirsch, 1987].

Среди англо-американских литературоведческих монографий о Достоевском как самые часто встречающиеся можно выделить работы, касающиеся литературных взаимосвязей и взаимовлияний: «Faulkner and Dostoevsky: Influence and Confluence» («Фолкнер и Достоевский: Взаимовлияния») Дж. Васгербера, 1974; «Dostoevsky, Kierkegaard, Nietzsche and Kafka» («Достоевский, Киркегор, Ницше и Кафка») У. Хаббена, 1997; «Between earth and heaven: Shakespeare, Dostoevsky and the meaning of Christ Tragedy» («Между землёй и небесами: Шекспир, Достоевский значение христианской трагедии») Р. Кокса, 1969; «Dostoevsky and Romantic Realism: A Study of Dostoevsky in Relation to Balzac, Dickens and Gogol» («Достоевский и романтический реализм: Изучение Досто-

евского в связи с Бальзаком, Диккенсом и Гоголем») Д. Тэнджера, 1998; «Existentialism from Dostoevsky to Sartre» («Экзистенциализм от Достоевского к Сартру») У. Кауфмана, 1975; «Consequences of Consciousness: Turgenev, Dostoevsky, Tolstoy» («Последствия осознания: Тургенев, Достоевский, Толстой») Д. Орвина, 2007.

Также можно привести довольно большой список исследовательских работ в области стиля и творческого метода Достоевского. Вот некоторые из них: «Dostoevsky: Language, Faith and Fiction» («Достоевский: язык, вера и вымысел») Р. Уильямса, 2008; «Dostoevsky: The Mantle of the Prophet» («Достоевский: сознание пророка») Д. Оффорда, 2002 – статья из книги «The Modern Language review» («Обзор современного языка»); «Dostoevsky – The Making of A Novelist» («Достоевский – становление романиста») И. Симмонса, 2007; «Dostoevsky: A Study» («Достоевский: Изучение») Дж. Лаврива, 1943. Заметим, что прямому литературоведческому анализу непосредственно произведений Достоевского посвящено немного англо-американских работ (возможно, из-за прочтения их в переводе с русского). Всё же некоторые, заинтересовавшие нас, мы можем указать: «Dostoevsky's «The Idiot» and the Ethical Foundations of Reading, Narrating, Scripting» («Идиот» Достоевского и этические основы чтения, повествования, сюжета») С. Янга, 2005; «A Karamazov Companion: Commentary on the Genesis. Language and Style of Dostoevsky's novel» («Товарищ Карамазова: Комментарий к генезису. Язык и стиль романа Достоевского») В. Терраса, 2002.

Единичными случаями встречаются «Dostoevsky and the Legend of Grand Inquisitor» («Достоевский и Легенда Великого Инквизитора») И. Робертса, 1972 (перевод на английский язык статьи русского критика В.В. Розанова) и «The Dostoevsky Encyclopedia» («Энциклопедия Достоевского») К. Ланца, 2004. Это говорит о накоплении англо-говорящими критиками колоссальных материалов о Фёдоре Михайловиче, в том числе из источников русского литературоведения.

Научная литература, безусловно, делает огромный вклад в представление хорошо образованных носителей английского языка о Ф.М. Достоевском, который раскрыл тайны человеческой

души, что и сближает его во многом в англоязычном сознании с Шекспиром.

Конечно, для носителей английского языка Достоевский прежде всего является автором романов *«Преступление и наказание»* и *«Братья Карамазовы»*, потому что именно эти его произведения имеют широкое признание, считаются одними из самых реалистичных в русской литературе. Вот что по этому поводу говорит Уэйн С. Буф: «Верно, что наше вовлечение в судьбу Раскольникова не отличается от увлечения самыми сентиментальными романами. Но в этой великой работе наши чувства уступают причинам, которые не оставляют нам ни сожаления, ни склонности вернуться даже после мгновенно прочитанного отрывка» [9. С. 130-131].

Нельзя не заметить, что Достоевского часто видят писателем-антисоциалистом и антиутопистом по его произведению *«Записки из подполья»*, которое в своё время было довольно распространено в англо-говорящих странах. По этому поводу пишут Джон и Кэрол Гаррард: «Возможно, «культурная интеллигенция» уже долго изучает уроки, преподанные великими русскими писателями прошлого, особенно Достоевским, который предостерегал, что утопичный социалистический эксперимент неизбежно провалится, потому что он основывался на фальшивой концепции человеческой природы» [5. С. 238].

К научной традиции также относится преподавание биографии и способов анализа произведений Фёдора Михайловича в учебных заведениях. На данный момент существуют различные курсы в университетах Англии и США, посвящённые Достоевскому: *«Tolstoy and Dostoevsky»* («Толстой и Достоевский») в университетах: Райса (Rice Un.), Висконсина (Un. Of Wisconsin), Брандеса (Brandeis Un.), Бакнела (Bucknell Un.), Тэйлора (Taylor Un.), Калифорнии (Un. Of California), Северо-Западном (North-Western Un.), Западного Мичигана (Western Michigan Un.), Миссури (Un. Of Missouri), Помона колледже (Pomona College); *«Dostoevsky and Tolstoy»* («Достоевский и Толстой») в Суарфмор колледже (Swarthmore College). Возможно, в этом спецкурсе главенствующая позиция отводится именно Достоевскому, так как его фамилия использована перед фамилией Толстого,

в отличие от предшествующих примеров, где был применён хронологический принцип; «Dostoevsky» («Достоевский») в: Американском университете Парижа (American university of Paris), Университете Виржинии (University of Virginia), Дартмауф колледже (Dartmouth College); «Russian writers (Gogol, Dostoevsky, Chekhov, and Bulgakov)» («Русские писатели (Гоголь, Достоевский, Чехов и Булгаков)») в: Эмхорст колледже (Amherst College), Тринити колледже (Trinity College); «Dostoevsky's major novels» («Основные романы Достоевского») в Сент Олаф колледже (St. Olaf College); «Philosophy of Dostoevsky and Tolstoy» («Философия Достоевского и Толстого») в Бакнел университете (Bucknell Un.). Заметим, здесь Достоевский также упомянут перед Толстым; «From Gogol to Dostoevsky» («От Гоголя к Достоевскому») в Макалистер колледже (Macalister College); «St. Petersburg of Pushkin, Gogol, Dostoevsky, and Bulgakov» («Санкт-Петербург Пушкина, Гоголя, Достоевского и Булгакова») в Карлтон колледже (Carleton College); «Siberia through Chekhov, Dostoevsky, Shalamov, and Rasputin» («Сибирь у Чехова, Достоевского, Шаламова и Распутина») в Холи Кросс колледже (College of the Holy Cross).

В высших учебных заведениях Великобритании и США студентов знакомят с биографией, мировоззрением и творчеством Достоевского, Россией его времени, причём чаще всего в компаративном анализе с другими русскими писателями, особенно Толстым.

Большее количество литературоведческих работ англоязычных авторов посвящено творчеству, а не биографии Тургенева (в отличие от Толстого и Достоевского). Известны такие работы по биографии Ивана Сергеевича, как «Тургенев» («Turgenev») Э. Гарнет 1974 года; «Тургенев, вопрос веры» «Turgenev, the quest for faith» Р. Дэссокса 1980 года; «Его жизнь и время» («His Life and Times») Л Шапиро 1982 года.

Более всего известными критиками творчества Тургенева, чьи литературоведческие статьи обычно предваряют произведения русского писателя в английском переводе (Introductions), являются Д. Гольдфарб, Ф. Грегори, С. Кэллоу, Дж. Костлоу, Г. Стивенс.

Существуют такие значительные критические работы англоязычных авторов как «Русский революционный роман: от Тургенева к Пастернаку» («The Russian Revolutionary Novel: Turgenev to Pasternak») Р. Фриборна 1985 года в рамках Cambridge Studies in Russian Literature; «Тургенев: чтение его художественных произведений» («Turgenev: A Reading of His Fiction») Ф. Фрайедберг Сили 1991 года; «Читая Тургенева» («Reading Turgenev») У. Тревора 2002 года; «Сумерки любви: Путешествия с Тургеневым» (««Twilight of Love: Travels with Turgenev»») Роберта Десокса 2005 года, где автор ведет читателей через Германию, Францию и Россию Тургенева, а также рассказывает, чему путешествие научило его в любви. («Первая любовь», «Накануне», «Отцы и дети»).

Особо хотелось бы выделить работу под названием «Тургенев и русская культура» («Turgenev and Russian Culture») 2008 года, представляющую собой сборник эссе таких авторов, как Джо Эндрю, Дерек Оффорд и Роберт Рейд, написанный в честь кембриджского специалиста в области русской литературы 19 века Ричарда Писа. Данная работа, имеющая подзаголовок «Изучение славянской литературы и её поэтики» («Studies in Slavic Literature and Poetics»), повествует о значении творчества Тургенева для современников, о подходах рассмотрения таких произведений, как «Рудин», «Дым». Также затрагиваются ключевые темы творчества Тургенева, вопрос о его влиянии на других писателей, в том числе английских, и литературные связи с Белинским, Герценом и Толстым.

Определённое сходство общественной ситуации в России после отмены крепостного права и в Америке после уничтожения рабства негров привлекало внимание американского общества к русскому писателю, который в своё время поднял голос за освобождение крестьян. Сопоставление «Записок охотника» и «Хижины дяди Тома» Бичер-Стоу, которая вышла отдельным изданием в том же 1852 году, стало в американской печати общим местом (в 1856 году в Париже Тургенев был представлен Бичер-Стоу) [1. С. 506].

Зарубежные читатели неизменно отмечали социальный пафос тургеневских произведений. Их важную роль в освободительной борьбе своего времени. Американский литературовед А. Спектор в книге «золотой век русской литературы» утверждал, что «За-

писки охотника» сыграли такую же роль в борьбе за отмену крепостного права в России, какую «Хижина дяди Тома» - за освобождение негров в США.

В целом «Записки охотника» воспринимались как произведение, проникнутое высоким гуманистическим пафосом, раскрывающее внутренний мир крестьянина-труженика, создателя и хранителя материальных и духовных ценностей. Отмечая значение «Записок охотника» для развития художественной мысли своего времени, американский литературовед В. Фелпс указывал, что книга эта «вне сомнения, помогла расширить как эмоциональные и творческие, так и социальные границы современной художественной литературы» [2. С. 26]

Одним из первых публике «The Atlantic» о Тургеневе начал говорить Howells: «Делясь этим замечательным литературным опытом с читателями, я надеюсь представить американской публике более достойный вариант вымысла. В моём представлении «Дмитрия Рудина» я пытаюсь показать такой роман, который единственный может удержать искусство вымысла от усталости зрелых читателей и насмешек». Он восхищается объективностью и методом Тургенева: «Он никогда не взывает к Вам восхищаться тем, как хорошо у него получается; он только делает так, чтобы вас удивила та правдивость и ценность, с которой он это сделал. Метод Тургенева может пойти также далеко, как и само искусство. Его вымысел до последней страницы драматичен» [7. С. 40-41].

Относительно Тургенева, Толстого и других писателей Хоуэллс в книге «European and American Masters» говорит, что «великая красота всегда ассоциируется с величайшей истиной», что они являются «классическими носителями реалистического движения в создании романов» [7. С. 12-20].

Известный американский критик демократического направления Ван Вик Брукс, определяя степень влияния Тургенева на творчество самого Хоуэллса писал: «Хоуэллс... опыт Тургенева поддерживал. Сдержанность и поэтичность произведений Тургенева очаровали Хоуэллса и Джеймса» [4. С. 23].

Миддлтон Мерри писал, что XIX век принадлежал русским, что русские — призванные его истолкователи, прежде всего Тол-

стой и Достоевский, и даже не Тургенев, который более похож на западных писателей. Вот заблуждение, которое, по словам Мерри, препятствовало европейской литературе: «Уже в течение многих лет романисты верят, что XIX столетие принадлежит Флоберу и Тургеневу» [2. С. 101]. Данная позиция Мерри подтверждает наше мнение о том, что Тургенев за рубежом является менее популярным, чем Толстой и Достоевский.

Несмотря на этот факт, вербализация концепта «Тургенев», также как и «Толстой» и «Достоевский», обширно представлена в научно-критическом дискурсе, распространяясь в образовательный. Это означает, что биография и творчество И.С. Тургенева преподаются в высших учебных заведениях Великобритании и США (безусловно, реже упомянутых выше двух писателей). Например, в *Columbic University*, *East Michigan University*, *University of Adelaide Library*, *Valparaiso University*, *Wheaton College* проходит курс «*Russian literature*» («Русская литература»), где И.С. Тургенев изучается наряду с другими русскими писателями (Толстой, Достоевский, Чехов, Гоголь, Пушкин, Замятин, Токарева и др.). В *St. Lawrence University*, *University of Oxford*, *University of Toronto* ведутся отдельные спецкурсы под названием «*Turgenev*» по биографии и творчеству Ивана Сергеевича. *Boston University* предоставляет спецкурс «*Comparative Russian Literature*» («Сравнительная русская литература»), где изучаются ключевые произведения русских классиков. На спецкурсе «*World writers*» («Мировые писатели») в *Worthwestern Connecticut Community College* студенты имеют возможность изучать Шейли, МакКарти, Тургенева, Достоевского, и др. писателей и поэтов. В *Reed College* проводится «*Russia Course*», где Тургенев изучается наряду с другими русскими писателями-классиками в рамках раздела «литература», который в совокупности с другими разделами (политика, история, культура, география и др.) позволяет студентам данного колледжа получить довольно обстоятельное представление о России.

И.С. Тургенев и Ф.М. Достоевский, как и другие русские писатели, широко известны в англоговорящих странах, они стали частью общей мировой художественной культуры за рубежом.

Изучением их творчества занимаются многие литературные критики зарубежных стран, Англии и Америки в том числе (не без опоры на русское литературоведение, безусловно). Являясь неотъемлемой частью русской культуры, концепты «Тургенев» и «Достоевский» проникают и за её пределы, становясь предметом изучения английских и американских студентов, расширяя поле своего функционирования с художественного дискурса в академический. Таким образом, русская литература становится неотъемлемой частью знаний англо-говорящих людей.

Список литературы

1. Литературное наследство И.С. Тургенев. Новые материалы и исследования // М.: Наука. 1907 г., т. 76.
2. Николоюкин А.Н. Взаимосвязи литератур России и США// М.: Наука, 1987 – 352 с.
3. Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты и метакоцепты./ автореф. дис. ... д-ра филол. наук : Волгоград, ВГПУ - 2004 г. – 39 с.
4. Brooks V.W. New England. Indian Summer 1865- 1915// New York: Dalton and Co, 1940 – p. 237 – 238.
5. Garrard John and Carol. Inside the Soviet Writers' Union// London: The Free Press, 1990 – 303 p.
6. Hirsch E.D., Jr. Cultural Literacy. What every American needs to know// Boston: Houghton Mifflin Company, 1987 - 252 p.
7. Howells W. D. European and American Masters// New York: Collier books, 1962 - 225 p.
8. Wayne C. Booth The Rhetoric of Fiction// Chicago: Penguin books, 1987 – 552 p.

List of literature

1. Liitieraturnoje nasliedstvo I.I.S. Turgieniev. Novyuje materiihalyy ii iissliedovaniija // M.: Nauka. 1907, t. 76.
2. Niikoliukiin A.N. Vzaiimosvazii liitieratur Rossiinii ii SSHA// M.: Nauka, 1987 – 352 pp.
3. Slyyshkiin G.G. Liingvokulturnyyje konthieptyy ii mietakonthieptyy./ Autoref. Of Doctor of Phil.: Volgograd, VGPU - 2004 – 39 pp.
4. Brooks V.W. New England. Indian Summer 1865- 1915// New York: Dalton and Co, 1940 – p. 237 – 238.
5. Garrard John and Carol. Inside the Soviet Writers' Union// London: The Free Press, 1990 – 303 p.
6. Hirsch E.D., Jr. Cultural Literacy. What every American needs to know// Boston: Houghton Mifflin Company, 1987 - 252 p.
7. Howells W. D. European and American Masters// New York: Collier books, 1962 - 225 p.
8. Wayne C. Booth The Rhetoric of Fiction// Chicago: Penguin books, 1987 – 552 p.

**ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИДИОСТИЛЯ
В. П. НЕКРАСОВА**

Л. Р. Юлдашева

Идеи постмодернизма как направления в искусстве оказали влияние на языковые особенности идиостиля В.П. Некрасова позднего периода творчества. Главной приметой нового стиля стало стремление к максимальной естественности в передаче речи, создания ощущения реальной жизни, для чего используются следующие языковые средства: разговорная лексика, а также просторечия, жаргонная, пейоративная и ненормативная лексика, фразеология, имеющая разговорный оттенок, аббревиации, иноязычные вкрапления, «разговорный» синтаксис.

Ключевые слова: идиостиль, творчество В. П. Некрасова, поэтика В. П. Некрасова.

В.П. Некрасов вошел в русскую литературу как создатель повестей, правдиво повествующих об ужасах войны. Не изменяет своему принципу он и в поздних произведениях, например, в «Маленькой печальной повести», посвященной проблемам российского общества эпохи перестройки. Автор, детально анализируя процессы изменения в общественно-политическом строе страны и сознании ее граждан, выступает как современник, соучастник событий переходного периода России, хотя повесть была написана и напечатана в Париже в 1984 году.

На творчество В.П. Некрасова, продолжателя традиций русской классической литературы, в последние годы заметное влияние оказали идеи постмодернизма, дискуссии о котором, по словам Н.И. Онуфриевой, «отшумели на Западе уже в 70-80 гг. У нас же постмодернистские тенденции сформировались в недрах так называемого «андеграунда» 60-80-х гг.» [3. С. 269]. В «Маленькой печальной повести» можно выделить следующие элементы постмодернистского искусства: постмодернистская игра, ирония и самоирония, цитатность и реминисцентность. Игровое начало

в повести связано с использованием фрагментов различных жанров, органично вплетенных в ткань повествования, например, анекдот, тост, лозунг, описание экскурсионного маршрута, помогающих читателю окунуться в атмосферу перестроечной советской России.

«Переизбыток информации, невозможность ее систематизации определяют взгляд на мир как нечто раздробленное, фрагментарное <...> Отсюда и другая особенность постмодернистского искусства – повышенная цитатность, реминисцентность» [З. С. 269]. Текст насыщен литературными аллюзиями, цитатами из произведений классической русской литературы, известных большинству носителей русской культуры: *Аркадий, не говори красиво* (И.С. Тургенев), *Правда, в установившейся его жизни, если не в темном, то все же не в достаточно озаренном царстве блеснул было луч света* (Н.А. Добролюбов), *Последуем совету Антона Павловича. В каком-то рассказе у него, не помню каком, говорится: как хорошо, войдя с морозу в теплое помещение, выпить рюмочку водки и... сразу же за ней другую...* (А.П. Чехов) и др. Но игровое начало не стало преобладающим, текст повести не был сведен к пародии, стилизации, коллажу. Личностное начало четко прослеживается в ходе повествования, поэтому нельзя говорить о таком знаковом явлении постмодернизма, как смерть автора. Автор постоянно присутствует в повести, комментируя те или иные поступки героев, события, размышляет о судьбе человека и страны, иронизирует, например: *Как ни странно, но пили мало. То есть пили, конечно, без этого у нас нельзя, но на фоне повального, нарушавшего все статистические нормы злоупотребления в стране алкоголем выглядели они скорее трезвенниками* [С. 332].

В.П. Некрасов стремится к максимальной естественности в изображении современной ему действительности, что обуславливает выбор определенных лексических средств. В повести используется в основном разговорная лексика, уместная в ситуации неофициального общения. Все произведение построено таким образом, что размышления героев о судьбе страны и пути ее дальнейшего развития раскрываются в ходе дружеских бесед, свободных от гнета официальной идеологии и необходимости предвари-

тельной подготовки. – *Парторганизации нет, раз, месткома нет, два. Самой прогрессивной общественности и собраний – три. Никто не стукнет, что пьешь, болтаешь лишнее или левые ходки от жены скрываешь, пардон, мадам<...> Умолкни! Слышать не хочу. Ты знаешь, сколько я унижался, на брюхе перед гадами ползал, чтоб в эти Канны попасть? Плевал я на них, на все эти фестивали – тебя хотел увидеть. <...> Ну, давай за свободу... Мудило!..* Помимо разговорной лексики, составляющей основной пласт повести, в тексте частотны случаи употребления просторечий (*вонючий нос, пронюхать, драпанул, не зарывайся, трахнул, фуйня-муйня, попрешься, шмотки*), жаргонной (*баши, капустник, «гранчаки», «мост»*), оценочной лексики с негативной коннотацией (пейоративной) (*жмот, гад, сволочь, холуй, хмырь, мудило, бухарик*), а также некодифицированной ненормативной лексики (*б...дь, с...ка, у...б*), характерных для обиходно-бытовой сферы общения того времени. Кроме того, использование данных пластов лексики можно рассматривать как выражение реакции на ряд событий, сотрясавших страну в период реформ, как способ освобождения от жестких и тесных рамок официальной идеологии. Следует отметить, что «разговорностью» пронизаны не только диалоги и внутренние монологи героев, но и описания, и авторская речь: *Но осточертевшая политика – всюду, паскуда, сует свой вонючий нос, вызывая, может быть, самые ожесточенные споры, - все же для них была не главным, И забывались осточертевшие Брежневы и Косыгины, борьба за мир, прогрессивные круги и прочая мура* [С. 339].

Нарочитое снижение фразеологии также «приближает повествование к естественной речи, создавая тем самым особый фон ощущения живой, настоящей речи, не придуманной, а реальной жизни» [1. С. 178]. Например: *мать его за ногу, как пить дать, в этом деле ни бум-бум, дадим дрозда, вернемся к нашим баранам* и т. д. В то же время, главными героями «Маленькой печальной повести» являются люди образованные, представители искусства. Нарочитая небрежность в отборе языковых средств, педалированность использования пейоративной лексики снимаются, когда речь заходит о волнующих вопросах смысла собственного

существования, об отношениях с властью, о возможности в этих условиях сказать новое слово в искусстве: – *Все! – вскакивает Ашот. – Слово предоставляется мне. Поговорим об элементарном экзистенцо-эгоцентризме.*

<...>все это ничуть не мешает им вполне серьезно относиться и к поведению обоих подсудимых..., и к тому, что самые великие художники мира так легко купились красивыми словами самой жестокой, коварной и растленной идеологии. Для них это не пустые понятия – Честь, Долг, Совесть, Достоинство... [С. 337]

Приметой реальной жизни определенного временного промежутка можно считать и часто встречающиеся в тексте повести аббревиации и производные от них – наследие советской эпохи (*помреж, ЖЭКовских, зам, завпроизводством, завкадрами, ТЮЗ*). Зависимость отбора языковых средств от авторской интенции прослеживается и в описании заграничной жизни главных героев: для отображения иностранных реалий употребляются иноязычные вкрапления французского происхождения в русской графике («*карт д'идентитэ*», «*бато-муш*», «*деми*», *ж'экут*), а также в родной графике («*Chat echaude craint l'eau froide*»).

На синтаксическом уровне заметно преобладание разговорных конструкций, обусловленных частотностью использования диалогической формы выражения и авторской установкой доверительной беседы с читателем, где автор мыслится как современник, непосредственный участник событий, разделяющий опасения и надежды российского народа. К приметам «разговорного» синтаксиса можно отнести наличие в тексте повести простых конструкций (*На этом дискуссия закончилась. Вышли на улицу, было уже совсем светло. Начинались белые ночи. Зори по всем астрономическим законам спешили сменить друг друга, дав ночи не более часа. По набережным лепились парочки*), а также излюбленного приема В.П. Некрасова – приема парцелляции, как нельзя более отвечающей авторской цели – максимально приблизить текст повести к живой звучащей речи своих современников, причем парцеллированной является речь не только автора, но и героев: – *Ну что вы со своим Парижем! Подай им Париж. Париж это завершение. А Канада – разминка. Проба сил. проверка*

на прочность. С такой Канады и надо начинать или Выпили. Доели виногрет. Сашика опять принялся разминать свои икры. Было жарко, и все сидели в трусах).

Разговорный оттенок привносит также использование в речи героев определенных фразеосхем, например: – *Лето летом, а Канада Канадой; Бегом так бегом* и др. Естественным является употребление неполных конструкций, уместных в процессе диалогического общения: – *Ты когда сегодня освобождаешься? – В восемь, полдевятого. – А ты? – Часам к одиннадцати уже разгримируюсь. – Ясно. Тогда в полдвенадцатого у меня. Можете ничего не приносить. Что надо – есть* [С. 335].

Характерной чертой поэтики В.П. Некрасова является афористичность художественной речи. С одной стороны писатель вводит в текст повести большое количество известных крылатых выражений (*Один за всех и все за одного, Аркадий, не говори красиво, Что наша жизнь? Игра*), с другой герои сами создают собственные (*Французом не стал. И не стану. А парижанином – да; и если б желание могло сдвинуть горы, Арарат возвышался бы над Адмиралтейской иглой; В двадцать пять лет влюбленность не только в кого-то, но и во что-то – необходима*).

Таким образом, культурная атмосфера 70-80-х гг., становление и бурное развитие постмодернизма как направления в искусстве оказали влияние на языковые особенности идиостиля В.П. Некрасова позднего периода творчества. Главной приметой нового стиля стало стремление к максимальной естественности в передаче речи, создания ощущения реальной жизни, для чего используются следующие языковые средства: разговорная лексика, просторечия, жаргонная, пейоративная и ненормативная лексика, фразеология, имеющая разговорный оттенок, аббревиации, иноязычные вкрапления, «разговорный» синтаксис.

Список литературы

1. Каневская О.Б. Лексико-стилистическое своеобразие идиостиля Г. Щербаковой // Прагматика и семантика слова и текста: сбор-

List of literature

1. Kanievskaja O.B. Lieksiiko-stiiliistiichieskoje svojeobraziije iidiihostiilia G. Shhierbakovoj // Pragmatiika ii siemantiika slova ii tieksta:

Язык художественной литературы

- ник научных статей / отв. ред. Л.А. Савелова; Поморский гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. – Архангельск: Поморский университет, 2006.
2. Некрасов В.П. Маленькая печальная повесть. Проза разных лет. – М.: Книжная палата, 1990.
3. Онуфриева Н.И. Русская литература XX века. – Стерлитамак: Стерлитамак. гос. пед. акад., 2007.
- sborniik nauchnyux statij/ ed. L.A. Savielova; Pomorskij gos. un-t im. M.V. Lomonosova. – Arxangielisk: Pomorskij uniiversiitet, 2006.
2. Niekrasov V.P. Malienikaja piechalinaja poviesti. Proza raznyux liet. – M.: Kniizhnaja palata, 1990.
3. Onufriijeva N.I. Russkaja liitiera-tura XX vieka. – Stierliitamak: Stierliitamak. gos. pied. akad., 2007.

**СЮЖЕТНО-КОМПОЗИЦИОННОЕ СВОЕОБРАЗИЕ
И ЖАНРОВАЯ ПРИРОДА РОМАНА Э. ЕЛИНЕК
«ПЕРЕД ЗАКРЫТОЙ ДВЕРЬЮ»**

Е. С. Ярина

В статье исследуются сюжетно-композиционные особенности романа Э. Елинек «Перед закрытой дверью» с точки зрения его жанровой природы. Монтаж, включение структурных элементов воспитательного и детективного романа позволяют говорить о жанровом синтезе, который рассматривается как вариант своеобразной самоидентификации современной романной формы.

Ключевые слова: Э. Елинек, «Перед закрытой дверью», сюжетно-композиционные особенности, жанровая природа, синтез.

Роман Э. Елинек «Перед закрытой дверью» («Die Ausgesperrten», 1980) обращен к проблеме национальной самоидентификации в послевоенной Австрии. В качестве материала для своего произведения писательница избирает реальные события: бандитские нападения группы молодых людей, судебный процесс об убийстве подростком своей семьи. По словам автора, «...уголовные преступления вызывали мой особый интерес потому, что они маркируют самые слабые звенья общественной системы, в которых эта система взрывается» [2. С.235-236]. Именно авторское намерение обозначить разрыв, образовавшийся между официальной картиной австрийского «экономического чуда» и фашистским наследием, формирующим как личностное, так и общественное самосознание, во многом обусловило сюжетно-композиционные особенности романа.

Изначально у автора возник замысел киносценария. Не найдя источников финансирования, писательница переработала его в роман, а позднее совместно с режиссером Ф. Новотны восстановила сценарий, и роман был экранизирован. Однако, не смотря на переработку, в построении романа сохранились кинемато-

графические особенности: устремленность действия к развязке; монтажная композиция; достижение драматизма за счет повтора символических деталей, ключевых фраз.

Сюжет романа представляет собой череду эпизодов, изображающих героев в обыденных ситуациях: вот герои дома, в классе, в кафе, на природе, в гостях у Софи, а вот они совершают бандитское нападение в парке. Характерно, что последние изображаются столь же беспристрастно, спокойно, что и урок физкультуры. Последовательность глав строится как череда эпизодов – сенок, в которых происходит всестороннее раскрытие характеров героев, воссоздается картина мира. При этом позиция повествователя напоминает позицию режиссера, который решает, какую картинку увидит зритель, как долго он будет наблюдать ее, какие детали следует взять крупным планом и т.д.: «Вот перед нами квартира, а вот и родители...» [1. С.15]; «Стоп, не станем покидать трамвай так быстро, побудем здесь еще чуть-чуть» [1. С.95]; «...совершенно сумасшедшая красота этого города здесь настолько бесцеремонно лезет в кадр...» [1. С.337]. Следы сценарного стиля являются и ремарки автора, заключенные в скобки: «(Всеобщее изумление!!!)» [1. С.25]; «(Он ставит ей синяк)» [1. С.294], а также способ оформления реплик героев:

«Райнер: - Послушай, Софи, я опять написал новое стихотворение, посвященное тебе.

Софи: - Пожалуй, это единственное, что выделяет тебя из толпы. Ты ведь не имеешь материальных средств, которые позволили бы тебе возвыситься над нею» [1. С.86].

Несмотря на заурядность описываемых событий, существует некое подспудное напряжение, смутное ожидание чего-то страшного, возникающее благодаря вариации темы смерти. Он появляется в воспоминаниях отца Витковски: «Как сейчас помню, шагали мы по польским деревням в высоких сапогах, а кровь аж до щиколоток доходила» [1. С.19]. Образ природы оказывается чреват смертью, ведь даже в описании ее весеннего пробуждения звучат нотки смерти и тревоги (неудавшееся убийство и самоубийство Райнера и отца во время загородной прогулки). Ряд символических деталей, повторяющихся в романе, связан со смертью

– нож, штык, револьвер. В финале они будут использованы главным героем по назначению и станут орудиями убийства.

Еще одна символическая деталь – старый сундук в доме Витковски. В этом деревенском сундуке хранятся сломанные игрушки, однако, говоря о его размерах, автор отмечает, что в него «... целиком поместилась бы забитая свинья...» [1. С.266]. В результате возникает предчувствие, тревожное ожидание смерти, насилия. В финале в этот сундук Райнер спрячет расчлененный труп своего отца. Этот образ становится своеобразной моделью послевоенного австрийского самосознания, в котором как в старом сундуке запирались воспоминания о нацистском прошлом, чтобы оно не попадалось на глаза и не портило пейзажа австрийских лыжных курортов, благополучных деревень, роскошных венских центральных улиц.

Тревожное настроение создает проходящая рефреном фраза о том, что Райнер чужд своей семье: «Внутренне Райнер уже совершенно отрёшился от своей семьи, внешне же он еще только будет отдаляться от нее...» [1. С.237-238]; «Внутренне Райнер уже совсем отпал от своей семьи, внешне этого пока еще не заметно» [1. С.357]. С каждым последующим повторением напряжение все больше усиливается вплоть до финальной сцены убийства. В этой кульминационной сцене используется манера повествования, напоминающая документальную съемку. Действия Райнера воспроизводятся последовательно, подробно и в настоящем времени: «Сначала наносятся колотые раны отцу в область шеи, груди и живота, потом штык с ожесточением всаживается в мертвую мать, преимущественно в нижнюю часть живота, после чего изо всей силы он колет штыком мертвую сестру» [1. С.378]. Как видно, автор не выражает своих эмоций, не дает прямой оценке событиям.

Приемы кинематографического построения реализуются не только на уровне построения фрагментов, чередования глав. Сама действительность, изображенная в романе, предстает кинематографически структурированной. Автор показывает, как виртуальный мир кино, рекламы, СМИ искажает австрийскую послевоенную действительность, создавая гляцевый образ Австрии из туристического проспекта.

Писательница развенчивает миф об австрийском «экономическом чуде», показывая механизм его формирования: «... в свои права беспрепятственно вступает «экономическое чудо» (выражение это пришло из Германии. И его олицетворением были кинофильмы со стильной мебелью и домашними барами, равно как и множество дебелых блондинок с пышными бюстами, воздетыми горé при помощи лифчиков с проволочными вставками). «Добро пожаловать! – восклицает толпа. Есть, правда, много таких, к кому никто и ничто не ступает на порог, а уж какого-то там чуда нет и в помине» [1. С.34]. Разговоры об «экономическом чуде» выглядят нелепо, теряют всякий смысл, когда изображается жизнь семьи Витковски, Ханса и его матери, зарабатывающей на жизнь изготовлением конвертов. В таком контексте миф об «экономическом чуде» представляется чем-то, не имеющим ни малейшего отношения к действительности.

Деформируется и сознание героев, их самоопределение во многом предзадано этой искусственной реальностью. Ханс мечтает о киношном счастливом будущем, головокружительной карьере в компании отца Софи. В своем поведении он копирует киноактеров, их жесты, мимику, фразы. В его мыслях реальность монтируется, а часто просто вытесняется реальностью кино и рекламы: «Карин Бааль стремглав вбегает в луч света от автомобильных фар. Ханс стремглав гонится за Софи, настигает ее, сбивает с ног и растолковывает ей, что именно честная жизнь – самая долгая, равно как и самая надежная» [1. С.200]. Реальные люди действуют в его воображении рядом с вымышленными персонажами фильмов, так что граница между реальным и виртуальным мирами стирается.

Воплощение гармонии, идеалом, к которому стремится Ханс, выступают именно фрагменты из американских и новых немецких фильмов. В результате текст романа цитирует кинематографический текст, в повествование вклиниваются описания эпизодов из фильмов: «Петер Векк подруливает на новеньком «спорт-кабрио» с откидывающимся верхом. Чтобы тут же умчаться прочь с ветерком... Только что он был одинок, а теперь рядом с ним в авто сидит очаровательная Карни Коллинз с ямочками на щеках» [1.

С.191]. Повествование практически всегда ведется в настоящем времени, часто могут перемежаться несколько повествовательных рядов: например, прошлое начала пятидесятых годов и настоящее конца пятидесятых:

«Среда, семнадцатое сентября: в Вене, Линце, Штайре и других промышленных центрах...проводятся мощные акции протеста и митинги...

Ханс идет за супом, тайком отправляет в тарелку смачный плевок, тщательно перемешивает и отдает матери...» [1. С.201].

Наглядное описание последовательности действий в настоящем времени, монтирующееся с эпизодами из прошлого, выстраивает в сознании читателей некий видеоряд, но в то же время кроит повествование на фрагменты, лишает его плавного, гармоничного течения.

Еще одной сюжетно-композиционной особенностью романа, помимо его кинематографичности, становится использование в нем элементов разных жанров, что составляет характерную черту творчества Э. Елинек. Склонность писательницы к исследованию разных жанров проявляется уже в ее ранних произведениях: «Мы все приманка, детка!» («Wir sind lockvögel baby!», 1968), «Михаэль: Книга для инфантильных мальчиков и девочек» («Michael. Ein Jugendbuch für die Infantilgesellschaft», 1972). В этих текстах автор пародирует жанры научной фантастики, фильмы ужасов, комиксов, внедряет материал рекламы и телепрограмм. Отголоски этой техники отчетливо слышны и в более зрелых произведениях. «Дикость: О! Дикая природа! Берегись!» («Oh Wildnis, Oh Schutz vor ihr», 1985) критически воспроизводит клише романа о родной природе (жанр Heimatroman), «Любовницы» построены как пародия на популярный любовный роман.

В «Отринутых» (другой перевод заглавия «Перед закрытой дверью») Э. Фиддлер справедливо выделяет такие характеристики детективного романа в тексте Э. Елинек, как открытый финал, экономный стиль, точность деталей, лаконичное начало [3. С.95-98]. Однако, произведение Э. Елинек все же довольно далеко от канонического детектива как по структуре, содержанию, так и по особенностям читательского восприятия. Убийство, традиционно

совершаемое в начале детективной истории (либо преступления, повторяющиеся по ходу развития сюжета), у Елинек образует своеобразную развязку, к которой неминуемо устремлялось все действие. Автор отказывается и от типичного пошагового расследования как стержневой интриги. Убийство показано читателю во всех деталях, исполнитель известен, но финал при этом остается открытым, ощущается недосказанность, поскольку мотивы преступления Райнера не столь однозначны, они коренятся во всем предшествующем повествовании, где описывается его повседневная жизнь, увлечения, окружение, в целом австрийская послевоенная действительность.

В связи с этим, «Отринутые» - это, действительно, своего рода роман-расследование, поиск виновных, но не столько описанного в тексте убийства, сколько всех предшествовавших преступлений эпохи нацизма, исследование фашистской идеологии, прорастающей в сознании молодого поколения. Это сложный и запутанный процесс, включающий анализ сознания представителей разных классов, попытки восстановить связи с национальной историей.

Текст Э. Елинек едва ли ориентирован на массового читателя, так как в отличие от популярных детективов, предлагающих захватывающий сюжет и быстрое прочтение, роман «Перед закрытой дверью» предполагает знакомство с австрийской историей, философией, популярной культурой того времени, читается довольно тяжело и медленно.

Еще одной жанровой модификацией, присутствующей в романе Э. Елинек, по мнению Я. Марлиз, является роман воспитания [4. С.38-50]. Классический образец воспитательного романа или романа становления «Годы учения Вильгельма Мейстера» И.В. Гете был создан в 1795/96 годах. В «Отринутых» довольно последовательно воспроизводятся формальные составляющие данного жанра: Райнер, молодой человек, отказывается от опыта своего отца, желает порвать с окружающей его мелкобуржуазной средой и реализовать свое литературное призвание. Схожая, на первый взгляд, сюжетная схема наполняется содержанием, выламывающимся из нее. У Райнера нет литературного дарования, его увлечение литературой – единственная сфера, где он может по-

чувствовать превосходство над окружающими. Вильгельм Мейстер у Гете проходит ряд испытаний, убеждается, что театральное призвание не для него, и выбирает профессию хирурга. В жизни Райнера не происходит сколь-нибудь существенных событий, которые могли бы его изменить, герой остается статичным на протяжении всего действия. Трусость, пассивность, неуверенность, физическая слабость в сочетании с его неумными амбициями порождают хронически уязвленное самолюбие и желание самоутвердиться за счет более слабого. Во время нападений на прохожих он держится в стороне, предоставляя осуществлять свой замысел более спортивному Хансу. По сути, ядро личности Райнера не выходит за пределы мелкобуржуазного класса. Избранная им модель поведения, поза литературного гения вовсе не соответствует его сущности, что обуславливает кризис самоопределения: герой не в силах преодолеть эту дисгармонию, так как не стремится познать и принять себя.

В конечном счете, содержание воспитательного романа составляет становление личности, нахождение своего места в контексте реальной, практической деятельности. Мечты же Райнера лишь отдаляют его от действительности. Убивая своих родителей и сестру, он, по сути, повторяет судьбу отца-нациста, вместо того, чтобы обрести собственный путь, как это происходит с героем канонического воспитательного романа.

Таким образом, мы выявили в романе австрийской писательницы черты кинематографичности, элементы детектива и романа становления. Зачем автору понадобилось совмещать разные структурные компоненты, пародийно переосмыслять их? Однозначно, не с целью игры с читателем, поскольку роман вовсе не воспринимается как развлекательный. Как видно, подобная форма продиктована самой реальностью, которая не вмещается в какую-либо одну жанровую модификацию. «Простым реалистическим повествованием не добьешься точности...», - заявила Э. Елинек в одном из интервью [2. С.232]. Поэтому особый творческий метод австрийской писательницы включает в себя фрагментарное, искаженное воспроизведение мира и человека, позволяющее выявить наиболее проблемные сферы индивидуального сознания и дей-

ствительности в целом, использование элементов других родов искусства (кино, музыка) в структуре текстов, пародирование литературных жанров (роман воспитания, детективный, любовный роман). Вариант своеобразной самоидентификации жанра, предложенный Э. Елинек, безусловно, представляет интерес для дальнейшего исследования.

Список литературы

1. Елинек, Э. Перед закрытой дверью [Текст] / Пер. с нем. И. Ланина под ред. А. Белобратова. – СПб.: «Симпозиум», 2004. – 382 с.
2. Елинек, Э. «Я ловлю язык на слове...»: с Эльфридой Елинек беседует Александр Белобратов [Текст] // Иностранная литература. 2005, № 7. С.232-239.
3. Fiddler, A. There Goes That Word Again, or , Elfriede Jelinek and Postmodernism [Text] / A. Fiddler // Elfriede Jelinek: framed by language / edited by Jorun B. Johns and Katherine Arens. – USA: Ariadne Press, 1994. P. 129-150. P. 136. Fiddler, A. Rewriting Reality. An Introduction to Elfriede Jelinek / A. Fiddler. USA: Berg. Oxford / Providence, 1994. 184 p.
4. Marlies Janz. Mythendestruktion und “Wissen”. Aspekte der Intertextualität in E. Jelineks Roman “Die Ausgesperrten” [Text] / Janz Marlies // Text+Kritik. 117. Jan. 1993. S. 38-50.

List of literature

1. Jeliiniek, E. Piered zakrytoj dveriju [Text] / Pier. s niem. II. Lanina pod ried. A. Bielobratova. – SPb.: «Simpozium», 2004. – 382 pp.
2. Jeliiniek, E. «JA lovliu jazyyk na slovie...»: s Elifriidoj Jeliiniek biesiedujet Alieksandr Bielobra-tov [Text] // Inostrannaja liitieratura. 2005, № 7. pp.232-239.
3. Fiddler, A. There Goes That Word Again, or , Elfriede Jelinek and Postmodernism [Text] / A. Fiddler // Elfriede Jelinek: framed by language / edited by Jorun B. Johns and Katherine Arens. – USA: Ariadne Press, 1994. P. 129-150. P. 136. Fiddler, A. Rewriting Reality. An Introduction to Elfriede Jelinek / A. Fiddler. USA: Berg. Oxford / Providence, 1994. 184 p.
4. Marlies Janz. Mythendestruktion und “Wissen”. Aspekte der Intertextualität in E. Jelineks Roman “Die Ausgesperrten” [Text] / Janz Marlies // Text+Kritik. 117. Jan. 1993. pp. 38-50.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

ОБЛАСТНАЯ МОДЕЛЬ КОНЦЕПТА BEAUTY, ВЕРБАЛИЗУЕМАЯ КОММУНИКАНТАМИ-ЖЕНЩИНАМИ

О. А. Алимуратов

Статья посвящена рассмотрению структуры концепта BEAUTY, репрезентируемой в дискурсе языковой личности женщины. Цель статьи - выделить области рассматриваемого концепта, описать характер связей между ними, представить иерархию выделенных областей, определить, какие из них активизируются чаще в ходе дискурсивной деятельности коммуникантов-женщин. Анализ выборки позволяет утверждать, что концепт BEAUTY представлен единством его макро-областей: physical beauty, spiritual beauty, natural beauty, artificial beauty, которые, в свою очередь, распадаются на микро-области, представленные информацией о каждом предмете оценки, выделенном нами по принципу частотности его репрезентации в сфере оценочной коммуникации.

Ключевые слова: концепт, дискурс, языковая личность, оценочная коммуникация.

Языковое сознание (ЯС) человека является важнейшим, но в то же время наиболее абстрактным компонентом структуры языковой личности, в которую, помимо ЯС, входят: 1) *языковая способность* как ментально-физиологическая возможность овладеть навыками речевого общения и применять их на практике; 2) *коммуникативная потребность*, т.е. потребность во взаимодействии с речевым партнером; 3) *коммуникативная компетенция* как выработанное умение осуществлять общение в его различных видах для оптимального достижения коммуникативной цели; 4) *речевое поведение* как осознанная и неосознанная система поступков, раскрывающих в процессе коммуникативной деятельности человека его характер и образ жизни [6. С. 9].

ЯС представляет динамически функционирующее ментальное пространство индивида, представленное совокупностью *концептов* и смежных им структур знания (фреймов, когнитивных категорий и т.д.). В рамках лингвокогнитивного подхода концепт рассматривается как *ментальная репрезентация воспринимаемого объекта реального или воображаемого мира* [1. С. 176). Объекты или фрагменты окружающего мира фиксируются в сознании носителя языка в виде определенных элементов ментальной системы – концептов, которые, в свою очередь, кодируются языковыми знаками в процессе развертывания дискурсивной деятельности, т.е. концепты опосредуют связь объектов действительности и языковых знаков [8].

Необходимо отметить, что ментальное пространство (концептосфера) языковой личности представляет собой структурированную сферу [1].

Согласно одному из подходов, структура концепта анализируется с учетом «глубины» его содержания. Так, Ю.С. Степанов рассматривает концепт как ячейку, базовую единицу культуры в сознании индивида и социума и выделяет в его структуре три уровня: 1) основной или *актуальный признак* – уровень, на котором концепт одинаково доступен для всех носителей данного языка и культуры; 2) дополнительный или *«пассивный» признак* (признаки), являющийся уже неактуальным, «историческим» – уровень, на котором содержание концепта может быть актуально лишь для отдельных групп лингвокультурного сообщества; 3) *внутренняя форма*, обычно вовсе не осознаваемая в повседневной жизни, запечатленная во внешней, словесной форме, т.е. «глубинный слой» концепта, содержание которого известно лишь специалистам [10].

Другой подход к анализу структуры концепта предлагается В.И. Карасиком. Автор основывается на понимании концепта как «многомерного смыслового образования» [6. С. 132], в котором выделяется *понятийная, предметно-образная и ценностная составляющие*. *Понятийный компонент* представляет собой языковую фиксацию концепта, а также совокупность семантических признаков (основных и дополнительных), идентифицирующих

его в сопоставлении со смежными концептами. Следовательно, данный компонент совпадает с «верхним концептуальным слоем» по Ю.С. Степанову. *Предметно-образная составляющая* концепта невербальна, она представляет собой целостное, обобщенное представление о конкретном предмете, явлении или ситуации в сознании языковой личности. Этот компонент соответствует внутренней форме концепта в интерпретации Ю.С. Степанова. Согласно точке зрения В.И. Карасика, основополагающим компонентом концепта является его *ценностная составляющая*, предполагающая значимость, важность данного концепта как для коллектива, так и для конкретного индивида [6. С. 77]. Иначе говоря, в концепте содержится важная, переживаемая информация, о соответствующем объекте или фрагменте мира, что и обеспечивает концепту статус лингвокультурной, «ценностной» сущности.

Близкий подход к пониманию структуры концепта предлагает С.Г. Воркачев. Автор выделяет *понятийную, образную и значимостную* составляющие. Его интерпретация первых двух компонентов совпадает с интерпретацией В.И. Карасика. Значимость же концепта определяется, согласно автору, разнообразием средств его вербализации, т.е. «номинативной плотностью». Другими словами, ценным для человека является то, что играет существенную роль в его жизни и поэтому получает многостороннее обозначение в языке [2]. Таким образом, рассмотрение структуры концепта предполагает определение объема семантических признаков, формирующих его содержание в целом, а также его отдельные зоны. К таковым относятся ядро (базовый когнитивный слой, отражающий конкретные чувственные ощущения и представления) и периферию (дополнительные когнитивные слои, различающиеся по степени абстрактности).

Все приведенные подходы к пониманию структуры концепта объединяется мыслью о том, что она включает понятийный слой (содержащий семантические признаки концепта) и чувственно-оценочный компонент (внутреннюю форму).

Однако в силу разнообразия концептов подобная интерпретация структуры не может быть в равной степени применима к любому из них. Кроме того, структура концепта обусловлена не только коллективным сознанием, но и индивидуальными характеристиками

носителя языка. Как справедливо замечает Г.Г. Слышкин, индивидуальные концепты богаче и разнообразнее, чем коллективные, поскольку «коллективное сознание и коллективный опыт есть не что иное, как условная производная от сознаний и опыта отдельных индивидов, входящих в коллектив» [9. С. 26]. Другими словами, варьирование черт языковой личности непосредственно отражается на структуре, закономерностях вербализации, а также интерпретации того или иного фрагмента концептосферы.

Совершенно обоснованной в этой связи представляется точка зрения О.А. Алимуродова. Автор вводит в теорию концепта понятие «*фокуса интенциональности*» языковой личности [1. С. 220]. Подвижная точка фокуса интенциональности определяет, во-первых, то, под каким углом субъект восприятия видит тот или иной объект или фрагмент действительности, во-вторых, с каким именно языковым знаком он соотносит соответствующий концепт (или его область) и, наконец, какие именно фрагменты концептосферы слушающего активируются в результате интерпретации языкового выражения говорящего. В связи с этим, уместно вести речь о существовании трех различных фокусов интенциональности (формирования, вербализации и интерпретации концепта) [1. С. 226]. Очевидно, что два первых фокуса характеризуют личность говорящего, а третий – личность слушающего. Таким образом, включение в теорию концепта понятия точки фокуса интенциональности подчеркивает роль языковой личности как субъекта дискурсивной деятельности. Закономерно, таким образом, что, гендерная принадлежность как неотъемлемая характеристика любого субъекта дискурсивной деятельности отражается на процессах формирования, вербализации и интерпретации концептов, а значит – и на процессе протекания дискурсивной деятельности.

Согласно автору, структурно концепт состоит из отдельных, но в то же время «спаянных воедино участков, или *областей*» [1. С. 214]. Это позволяет сделать вывод о том, что концепт не является монолитным, статичным образованием. В этой связи Ж. Делез и Ф. Гваттари вполне обоснованно характеризуют концепт как «фрагментальное целое», подчеркивая его диалектическую природу – единство областей при яркой выраженности составляющих [3].

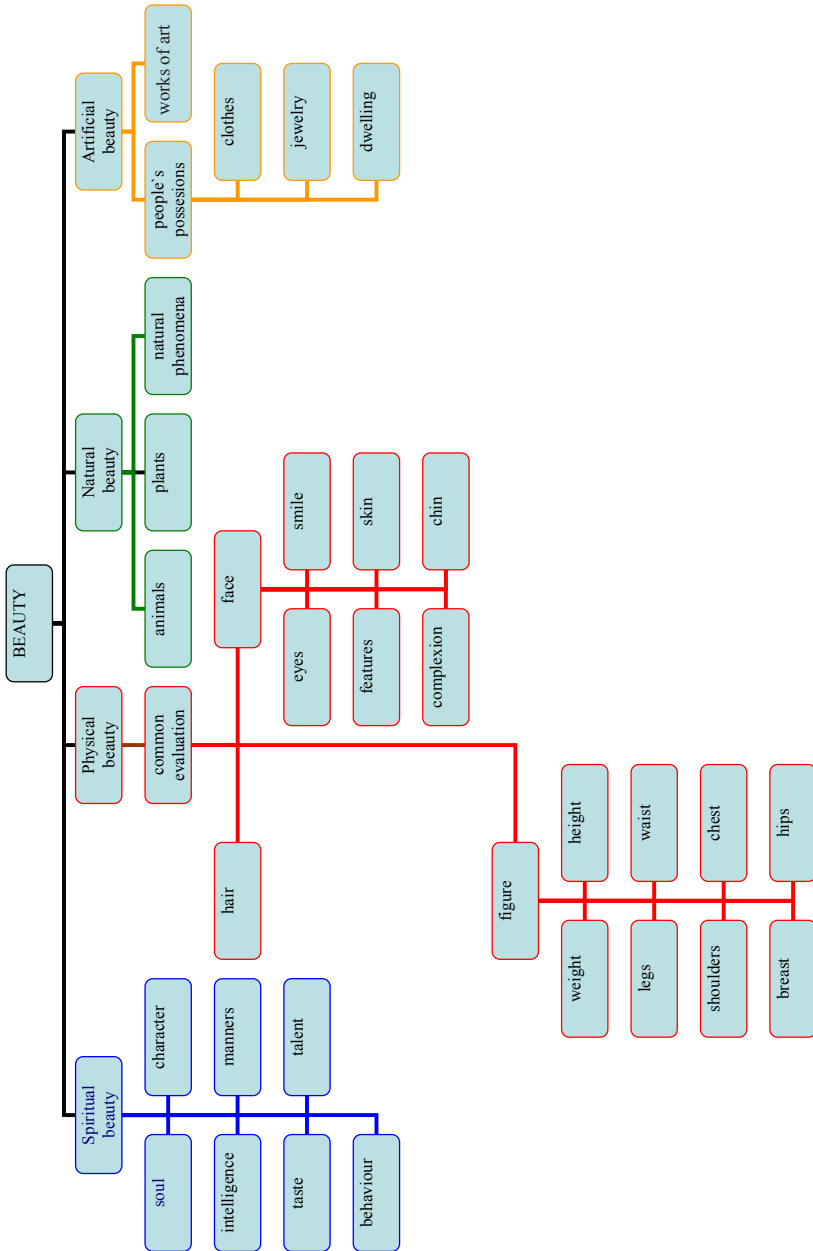
Отношения между концептами и их областями носят различный характер. Одни могут пересекаться, уточняя, конкретизируя или даже дублируя содержание друг друга, другие, напротив, являются взаимоисключающими. Кроме того, отдельные области могут служить базой для формирования других, в связи с чем, можем говорить о существовании иерархии концептуальных областей [1. С. 216-217]. Выделение структурных областей концепта (моделирование концепта) предполагает анализ его языкового воплощения, поскольку сам концепт представляет собой структуру, закрытую от непосредственного лингвистического изучения.

Языковое воплощение рассматриваемого нами концепта BEAUTY реализуется, прежде всего, в сфере так называемой «оценочной коммуникации» при помощи четко ограниченного спектра вербализаторов – слов и словосочетаний, служащих для выражения различных типов оценки – эмоционально-чувственной, эстетической, морально-этической, оценки по качеству [5].

Каждая из групп оценок способна квалифицировать разные по своей природе объекты. Так, в основе характеристики внешности человека лежит эмоционально-чувственная или внешняя оценка, а его нравственные качества оцениваются по морально-этическим критериям. Следует, однако, отметить, что границы между названными типами оценок достаточно условны, поэтому они являются взаимосвязанными и взаимообусловленными.

Анализ вербализаторов концепта BEAUTY, представленных в примерах нашей выборки, позволяет выделить в нем четыре универсальные макро-области, соотносимые с одним из типов оценки, лежащим в основе их формирования и вербализации. Условно мы определили эти макро-области как *physical beauty*, *spiritual beauty*, *natural beauty* и *artificial beauty*. Содержательно информация о каждом предмете оценки представляет собой концептуальную микро-область, входящую в состав макро-областей концепта BEAUTY.

Схематично структуру концепта BEAUTY, репрезентируемую в дискурсе языковой личности женщины можно представить в виде схемы 1.

Рассмотрим предлагаемую схему подробнее.

Как видно на схеме, концептуальная область *natural beauty* репрезентируется в сравнительно небольшом количестве примеров (6%) и ограничивается лексическими единицами, входящими в семантическое поле «nature». Мы полагаем, что этот факт объясняется характером оценки, лежащей в основе описания красоты *природных явлений, растений и животных*. Красота природы предполагает эстетическое наслаждение, доступное лишь ограниченному числу созерцателей.

(1) The view was framed by **two tall black cypresses**, and all round us on the terrace **the orange trees in full flower** exhaled their heady perfume... «**How beautiful nature is**, my God, the scenery one has to play in!» [13. С. 109].

Цитируемый фрагмент демонстрирует по-женски эмоциональную, положительную речевую реакцию на определенную ситуацию, имеющую место в окружающем мире. Типичным маркером эмоциональности в данном случае является восклицательное предложение, начинающееся словами «How beautiful nature is!», которые усиливаются восклицанием «My God!». Существительное «nature», как нам представляется, является центральным «лимитирующим» вербализатором, *ограничивающим* подлежащую языковой репрезентации сферу концепта BEAUTY, активизируемого посредством прилагательного «beautiful», только областью «natural beauty».

(2) There was **the magnificent cedar** in the garden, and its dark branches were silhouetted against the starry sky. **The sea**, almost at our feet, **was marvelously still** [13. С. 114].

В примере (2) оценочный компонент высказывания выражается лексически, посредством адъективных/адverbальных вербализаторов **magnificent** и **marvelously**.

Концептуальная макро-область *artificial beauty* соотносится с оценкой по качеству, которой подвергается широкий круг предметов, являющихся результатом деятельности человека; главным образом, к ним относятся *предметы быта, одежда, украшения, жилище*. К данной макро-области мы также относим *произведения искусства*, однако необходимо отметить, что их характери-

стика, как и характеристика красоты природы, предполагает, в первую очередь, эстетическую оценку. Приведем некоторые примеры вербализации данной макро-области:

(3) Inside was a **deluxe** scrapbook with white leather cover and plastic-encased pages. No card. It was **beautiful**. [18. С. 42];

(4) Our suits are an easy product to sell, Mr. Darling, we have **a handsome, custom-made garment** [13. С. 125];

(5) He'd given her **a very handsome string of pearls** [13. С. 118];

(6) It's **the most beautifully written book** he's ever read [13. С. 96].

Анализ показывает, что с точки зрения гендерного аспекта репрезентации концепта BEAUTY, наибольший интерес представляет оппозиция *physical beauty* – *spiritual beauty*, активизирующая непосредственно те области концепта, которые соотносятся с индивидом (носителем языкового сознания) как представителем определенного пола.

Подгруппа оценки внешнего вида человека представлена в женской речи обширнее других (60%). Большое количество примеров из нашей выборки демонстрируют общую положительную оценку внешности, которая вербализуется чаще всего при помощи таких лексем, как *beautiful, pretty, handsome, nice-looking, lovely, attractive, perfect, amazing, gorgeous, magnificent, ravishing, eye-catching, stunning, dashing* и др. Все эти лексемы объединены интегрирующим семантическим признаком «доставлять удовольствие при созерцании», причем удовольствие при созерцании внешней красоты является чувственным. В большинстве лексических единиц путем компонентного анализа была также выделена сема «sexually attractive». Проанализируем семантику вербализаторов общей эмоционально-чувственной оценки и приведем некоторые примеры вербализации концепта BEAUTY, в которых активизируется данная макро-область:

Лексема **beautiful** имеет следующее значение «someone or something that is beautiful is extremely good to look at and gives you a feeling of pleasure» [11. С. 99]. Она является наиболее употребляемой в нашей выборке. Слово *beautiful* характеризует субъект, которому дается высокая оценка, по параметру внешней привлекательности:

(7) I guess I was jealous of her. She`s **beautiful** and mother is so proud of her [18. С. 122].

(8) You`re the one who gives lovely dinner parties and plays a good game of tennis. You`re **beautiful** [18. С. 58].

Словари подтверждают общепринятое мнение о том, что слово *beautiful* является «женским» словом, т.е. обычно употребляется при оценке женской внешности.

Лексема **pretty** характеризует внешний вид женщин и детей – «good-looking, in an ordinary way, without being very beautiful or impressive» [11. С. 1115], т.е. характеризует человека как приятно-го, привлекательного, но не красивого:

(9) You were very **pretty** last night and Jack looked as if he could eat you up [12. С. 43].

(10) Weight her (a baby) and measure her and make her **look pretty** for her daddy [18. С. 145].

Приведенные примеры демонстрируют очень интересную закономерность, отличающую вербализатор **pretty**: его семантика передает не постоянный признак, как это имеет место в случае с *beautiful*, а временный, что зачастую подчеркивается употреблением дискурсивных уточнителей, как-то: обстоятельств (*last night*) или глаголов-связок (*look*), сужающих в определенной степени семантику лексемы **pretty**.

Следует отметить, что слово *pretty* значительно ниже по интенсивности оценки, чем слово *beautiful*, что демонстрируется следующим примером:

(11) On the stage she was a **beautiful** woman and even in private life... a **pretty** one [13. С. 12].

Лексическая единица **handsome**, как правило, характеризует внешний вид мужчины:

(12) He was so very **handsome** – his body magnificent [21. С. 183];

(13) He was **absolutely, straight-down-the-line, uncomplicatedly, devastatingly handsome** [21. С. 132].

Однако прилагательное *handsome* может также вербализовать оценку внешнего вида женщин, если употреблено в значении «attractive in a strong, healthy way». Следует иметь в виду, что в

таких случаях подразумевается величественность, стать, пропорции, крупные черты, то есть происходит нейтрализация оппозиции мужское/женское в том, что касается характеристик внешности:

(14) She was as spectacularly eye-catching as the huge house she inhabited. Like the manor itself, she was *handsome rather than beautiful* and had been enlarged over the years so that she was now a mismatch of styles [21. С. 68].

Слова *good-looking / nice-looking / good looks* характеризуют человека с привлекательным лицом, красивой внешностью: «someone who is good-looking has an attractive face» [11. С. 615], это слово характеризует как женщины, так и мужчины:

(15) What she hadn't banked on was that he would be quite so young or so *disturbingly good-looking* [21. С. 132].

(16) She could imagine him as a *young* man with film-star *good looks* [21. С. 80].

Примеры 15 и 16 убедительно демонстрируют отмеченную нами тенденцию. Сочетания *good-looking* и *good looks* имеют ограниченную сочетаемость, они обозначают только привлекательную, красивую внешность *молодых* людей.

Лексема *lovely* выражает положительную оценку субъекта, при этом сам субъект смотрит на предмет и видит его привлекательные качества, а не объект «показывает» себя красивым, привлекает к себе внимание, т.е. красота выступает в своей пассивной форме [4. С. 170].

(17) Amanda looked *lovely* in every picture... And she had never looked *lovelier* than she did that day [21. С. 23].

Слово *magnificent*, несмотря на свое общеоценочное значение, довольно часто характеризует внешний вид людей:

(18) Looking at her, Ellen decided that Lady Belling was rather *magnificent*... (Walker, 2007:68); (15) She looked *magnificent* [19. С. 119].

Слово *attractive*, используемое при описании внешности, имеет значение «good-looking especially in a way that makes you sexually interested» [11. С. 71]:

(19) At fifty-one her father was a *good-looking* man whom women found *attractive* and *appealing* [17. С. 43].

Слова *stunning, dashing, smashing, ravishing, amazing* являются синонимами, со значением «extremely attractive in a suprising and unexpected way», они также как и прилагательное *attractive* содержат сему «sex appeal» и обычно употребляется эмоционально-усилительно, чтобы подчеркнуть красоту чьей-то внешности:

(20) You are still absolutely *stunning* [21. С. 398];

(21) Hell's Bells had once undoubtedly been *ravishing*, and in many ways she still was [21. С. 68];

(22) «I've never met anyone as *amazing* as you before» [21. С. 184].

Очевидно, что проанализированные лексемы могут служить и для вербализации других концептуальных областей. Они используются при описании отдельных частей тела, красоты предметов, произведений искусства, природы, а такие лексемы как *lovely, perfect, magnificent, wonderful* и др. – и при описании положительных качеств человека.

Ряд примеров демонстрирует тот факт, что женщинам свойственно подчеркивать красоту отдельных частей лица – *лица, глаз, кожи, улыбки, черт, волос, фигуры*, что еще раз доказывает утверждение о том, что для женщин важны мелочи, составляющие красоту в целом. Показательны следующие примеры:

(23) Arshust smiled and when he smiled *his face was rather beautiful* [12. С. 43];

(24) She gave *a brilliant smile* of hers [13. С. 118]; (25) From the way Lloyd Fenniweather's *shining eyes* were tangled with hers like sticky toffee, she knew he was feeling something similar [21. С. 134].

Примеры 24 и 25 подтверждают отмеченную нами тенденцию – для описания глаз и улыбки женщины часто используют лексические единицы с семой «giving light» - *to gleam, silver, shining, sparkling, dazzling, brilliant*.

Черты лица, как правило, описываются при помощи таких лексем, как - *regular, delicate, exquisite, fine, clear-cut, large*:

(26) She was pretty, in a quiet way, with *delicate features* [13. С. 18];

(25) He was dark and clean-shaven, with very *regular, clear-cut features*...[14. С. 27].

Волосы традиционно относятся к атрибутам именно женской красоты, вербально подчеркивается их структура и цвет:

(27) Her dark hair was **glossy** [13. С. 295].

(28) The hair – a short riot of tight **black curls** – had defied a hundred different hairdressers' attempts to tame it, just as the huge yew hedge that divided the manor's gardens... she had a magical, unexpected **glamour** [21. С. 68].

Однако, как показывает выборка, волосы могут становиться предметом оценки и при описании внешности мужчины. В данном случае акцентируется аккуратная стрижка или блеск волос:

(29) His hair now was always **sleek** [13. С. 67].

Цвет лица для англичан играет очень важную роль, и в английском языке есть специальное слово для его обозначения – *complexion*:

(30) She was an **adorable creature**, her **rosy complexion** was not the least advantage of her appearance [13. С. 145].

Фигура (рост, вес, ноги, талия, и др.) также может становиться предметом оценки женщины, и, следовательно, данную микрообласть вполне правомерно выделить в модели рассматриваемого нами концепта.

По данным экспериментального анализа, проведенного Ю.В. Мещеряковой, красивая женская фигура предполагает следующие характеристики: 1) slim, skinny (not too thin); 2) tall, medium-tall, not too tall; 3) nice legs; 4) wide hips; 5) round and firm breasts [7. С. 113].

Это подтверждается многочисленными примерами из нашей выборки, приведем лишь некоторые из них:

(31) No wonder you are so **gorgeously trim and fit** [21. С. 53];

(32) You've got **exquisite legs**, so **long** and **shapely** and I never ceased to be surprised at them [13. С. 54].

Образ красивого молодого мужчины предполагает такие характеристики как: 1) strong; 2) tall, more than 180 cm height; 3) athletic, well built, muscular body, not too muscular and massive, broad shoulders and chest [7. С. 117]. Приведем примеры вербализации данных характеристик:

(33) He was so **muscular**, he seemed so intend on what he was

doing, so intensely himself [20. С. 28];

(34) He was so very *handsome* – his *body magnificent*... In *purely aesthetic terms*, he was *the most appealing sight* she'd seen in years [21. С. 183].

Анализ выборки, таким образом, позволяет выделить в модели концепта BEAUTY, следующие микро-области: *face, eyes, hair, smile, features, skin, complexion, legs, weight, height, waist, breast, hips, chest, shoulders*. Такие области как *waist, breast, hips, shoulders, chest* являются гендерно маркированными, так как их активизации зависит от того, кто является объектом оценки – мужчина или женщина.

При исследовании специфики вербализаторов макро-области *physical beauty* нами была отмечена следующая тенденция. При активизации микро-областей, представленных информацией об определенной части тела, подлежащей оценке, вербализаторами концепта красота могут становиться лексические единицы, не имеющие в своей семантике компонента «attractiveness». Так, например прилагательные *long, blond, broad, white* и др. не несет в себе оценочного значения. Однако, они могут приобрести оценочность в определенных сочетаниях – *long legs, blonde hair, white smile, broad shoulders*, так как длинные ноги, светлые волосы и ослепительно белая улыбка соответствуют существующим в англоязычном обществе канонам красоты. Таким образом, можно констатировать тот факт, что *степень оценочности лексической единицы определяется контекстом, ее сочетаемостью с другими лексическими единицами*.

В результате проведенного анализа мы выявили, что чаще всего предметом оценки женщины становится лицо и волосы - женщины склонны описывать красоту глаз, улыбки, черт, цвета лица, на втором месте общая оценка внешности, без частных уточнений, реже оценка дается фигуре, эта оценка, как уже было отмечено, является гендерно отнесенной.

Необходимо, однако, отметить тот факт, что при вербализации концепта BEAUTY очень часто активизируется две и более концептуальные микро-области, то есть дается комплексное описание внешности человека, что подтверждает тот факт, что концептуальные области тесно взаимосвязаны между собой:

(35) Look at you – **blonde, blue-eyed, tanned, a figure to die for**. Most women must hate you. You could steal half the husbands in the village if you want to [21. С. 398].

С другой стороны, есть примеры, которые ярко демонстрируют тот факт, что общая положительная оценка внешности складывается не только из привлекательности ее отдельных компонентов:

(36) With his **straight, delicate nose**, his **fine brow** and **well-shaped mouth** he ought to have been **good-looking**. But surprisingly enough he was not [14. С.27].

Таким образом, целое в данном случае не равно, а прямо противоположно сумме своих составляющих. Очевидно, что определенную роль при описании внешности хорошо знакомого человека играет и субъективный фактор – личное отношение к субъекту оценки, его душевным качествам. Это еще раз доказывает тот факт, что концептуальные макро-области «*physical beauty*» и «*spiritual beauty*» находятся в состоянии взаимовлияния и взаимообуславливания. Активация одной из них часто приводит в активное состояние другую.

Анализ выборки позволяет выделить следующие компоненты (микро-области) концептуальной макро-области *spiritual beauty*, содержащейся в концептосфере женщины: *character, soul, intelligence, manners, taste, talent, behaviour*. Приведем примеры, репрезентирующие данные микро-области:

(37) All she wished for right now was time to get over what had happened between her and Richard – Richard who was **so good and honest** [21. С. 128];

(38) He had that same **nobility of soul** that I saw in my mind's eye [13. С.45]; (39) He had **excellent manners** with women [13. С. 15];

(40) Mrs. Albert Forrester's **taste was so perfect**... [13. С. 47];

(41) You have **a great talent** and it looks for me that you are getting a fine husband [21. С. 58].

Как свидетельствует выборка, вербализаторами описываемой макро-области могут выступать как общеэоночные лексемы – *perfect, good, wonderful, sweet, excellent, magnanimous, delightful, terrific*, так и лексемы с более частным значением, например *honest, clever, gentle, frank, loyal, nobility* и др. Процентное соотно-

шение убедительно демонстрирует тот факт, что концептуальная макро-область *spiritual beauty* (13%) вербализуется женщинами реже, чем концептуальная макро-область *physical beauty* (60%), хотя в ряде примеров нашей выборки коммуникант-женщина, оценивая внешность, соотносит ее с наличием/отсутствием у субъекта оценки внутренней красоты:

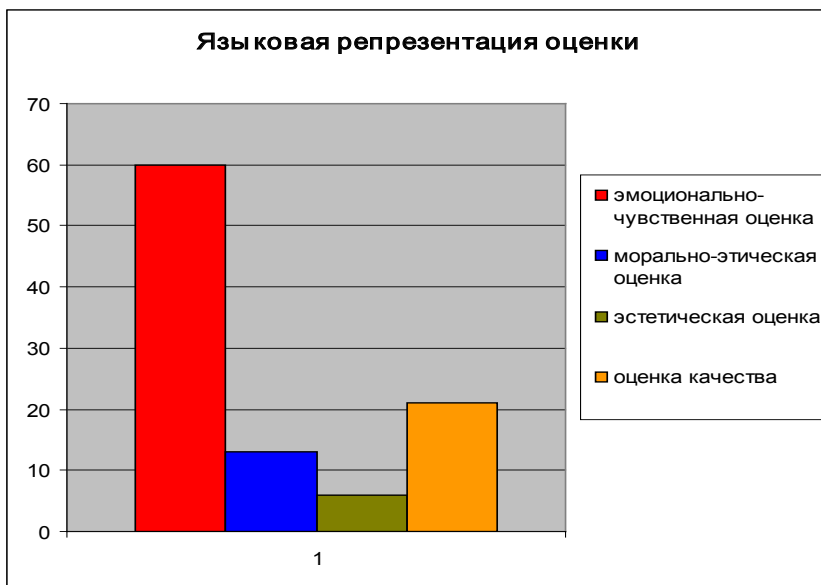
(41) Mr. Bingley was good-looking and gentlemanlike, he had a pleasant countenance and easy, unaffected manners [15. С. 8].

Подводя итог настоящей статьи, отметим, что концепт BEAUTY имеет определенную структурную организацию, представленную единством его макро-областей: *physical beauty*, *spiritual beauty*, *natural beauty* и *artificial beauty*, которые, в свою очередь распадаются на микро-области. В процессе выявления особенностей языковой репрезентации данного концепта был отмечен тот факт, что объектом созерцания и оценки может становиться очень широкий круг предметов и явлений окружающего мира, что позволяет сделать вывод о сложности и объемности рассматриваемого концепта.

В языковом сознании женщин чаще активизируются области *physical beauty* (60%) и *artificial beauty* (21%), в основе которых лежит эмоционально-чувственная оценка и оценка по качеству, реже области *spiritual* (13%) и *natural beauty* (6%), в основе которых – морально-этическая и эстетическая виды оценки соответственно. Диаграмма, отражающая данные закономерности, приведена на схеме 2.

При оценке внешности, женщины склонны описывать красоту отдельных составляющих – глаз, волос, черт лица и др. Большинство вербализаторов концепта BEAUTY содержат в своей семантике оценочный компонент, некоторые приобретают оценочность лишь в определенном контексте.

Таким образом, анализ оценочного речевого поведения представителей разных полов позволяет выявить точки соприкосновения, а также контрастные характеристики структуры и содержания концепта BEAUTY в мужском и женском англоязычном сознании.

Список литературы

1. Алимуратов О.А. Смысл. Концепт. Интенциональность: Монография. – Пятигорск: Пятигорский гос. лингв. ун-т, 2003. – 312 с.
2. Воркачев С.Г. Концепт счастья в русском языковом сознании: опыт лингвокультурологического анализа. – Краснодар: Техн. ун-т Кубанского гос. ун-та, 2002. – 142 с.
3. Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? URL: <http://sociologos.narod.ru/deleuze/DEL2.htm>.
4. Демьянков В.З. Пленительная красота // Логический анализ языка. Языки эстетики: Концептуальные поля прекрасного и безобразного / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова. – М.: Индрик, 2004. – С. 169-209.

List of literature

1. Aliimuradov O.A. Smyysl. Konthiept. Iintientiihonalinosti: Monography. – Piatigorsk: Piatigorskij gos. liingv. un-t, 2003. – 312 p.
2. Vorkachiev S.G. Konthiept schastija v russkom jazykovom soznaniihii: opyyt liingvokulturologii-chieskogo analiiz. – Krasnodar: Tiexn. un-t Kubanskogo gos. un-ta, 2002. – 142 p.
3. Dieliez ZH., Gvattarii F. Chto ta-koje filiosofiiija? URL: <http://sociologos.narod.ru/deleuze/DEL2.htm>.
4. Diemijankov V.Z. Pleniitielnaja krasota // Logiichieskiiij analiiz jazyyka. Jazyykii estietikiikii: Konthieptualinyyje polia priekrasnogo ii bezobraznogo / ed. N.D. Arutiunova. – M.: Iindriik, 2004. – P. 169-209.

5. Заграевская Т.Б. Категория «оценка», ее статус и вербализация в современном английском языке: дис. ... канд. филол. наук. – Пятигорск, 2006. – 286 с.
6. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
7. Мещерякова Ю.В. Концепт «красота» в английской и русской лингвокультурах: дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2004. – 235 с.
8. Павиленис Р.И. Язык, смысл, понимание // Язык, наука, философия: логико-методологический и семиотический анализ. – Вильнюс: Ин-т философии, социологии и права АН Литовской ССР, 1982. – С. 240 – 263.
9. Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты: дис. ... д-ра филол. наук. – Волгоград, 2004. – 314 с.
10. Степанов Ю.С. Семиотика. URL: <http://lib.vvsu.ru/books/semiotika1>.
11. Longman Dictionary of Contemporary English, 2001. – 1666 p.
5. Zagrajevskaja T.B. Kategorieja «othienka», jeje status ii vierbaliizatsiija v sovremiennom anglijskom jazyykie // Diss.of Master of Phil. – Piatigorsk, 2006. – 286 p.
6. Karasiik V.II. Jazykovoij krug: lichnosti, konthiepty, diiskurs. – Volgograd: Pieriemiena, 2002. – 477 p.
7. Mieshhieriakova JU. V. Konthiept «krasota» v anglijskoj ii russkoj liingvokulituras: Diss.of Master of Phil. – Volgograd, 2004. – 235 p.
8. Paviileniis R.II. Jazyk, smysl, poniimaniije // Jazyk, nauka, filosofija: logiiko-mietodologiichieskij ii siemiihotiichieskij analiiz. – Viilinius: In-t filosofihii, so-thihologiihii ii prava AN Liitovskoj SSR, 1982. – P. 240 – 263.
9. Slyyshkiin G.G. Liingokuliturnyyje konthiepty ii mietakonthiepty: Diss.of Doctor of Phil. – Volgograd, 2004. – 314 p.
10. Stiepanov JU.S. Siemiihotiika. URL: <http://lib.vvsu.ru/books/semiotika1>.
11. Longman Dictionary of Contemporary English, 2001. – 1666 p.

Источники примеров

1. Голсуорси Дж. Спасение Форсайта и другие рассказы. – М.: ОАО Издательство «Радуга», 2005. – 192 с.
2. Медовый месяц и другие рассказы английских писателей. – М.: Айрс-пресс, 2006. – 288 с.
3. Моэм У.С. Разрисованный занавес: на английском языке. – М.: Издательство «Менеджер», 2004.

Sources of examples

1. Golsuorsii Dzh. Spasieniije Forsajta ii drugiije rasskazyy. – M.: OAO Iizdatielistvo «Raduga», 2005. – 192 p.
2. Miedovyyj miesiath ii drugiije rasskazyy anglijskiix piisatieliej. – M.: Ajrs-priess, 2006. – 288 p.
3. Moem U.S. Razriisovannyyj zana-vies: na anglijskom jazyykie. – M.: Iizda-tielistvo «Mieniedzhier», 2004.

– 272 с.

12. Остен Дж. Гордость и предубеждение: на английском языке. – М.: Юпитер-Интер, 2004 – 292 с.

13. Рассказы о любви: на английском языке. – М.: Айрс-пресс, 2005. – 352 с.

14. Archer J. Kane & Abele. – N.Y., 2004. – 565p.

15. Gaeddert L. Perfect strangers. – London, 1989. – 173 p.

16. Maurier D. The Scapegoat. – London, 2004. – 320 p.

17. Steel D. Vanished. – N.Y., 2007. – 391 p.

18. Walker F. Lots of love. – London, 2007. – 660 p.

– 272 p.

4. Ostien Dzh. Gordosti ii priedubiezhdeniije: na angliijskom jazykie. – М.: Jupiitier-Iintier, 2004 – 292 p.

5. Rasskazyy o liubvii: na angliijskom jazykie. – М.: Ajrs-priess, 2005. – 352 p.

6. Archer J. Kane & Abele. – N.Y., 2004. – 565p.

7. Gaeddert L. Perfect strangers. – London, 1989. – 173 p.

8. Maurier D. The Scapegoat. – London, 2004. – 320 p.

9. Steel D. Vanished. – N.Y., 2007. – 391 p.

10. Walker F. Lots of love. – London, 2007. – 660 p.

ХАРАКТЕРИСТИКИ РЕЛИГИОЗНОГО ДИСКУРСА

Е. В. Бобырева

Статья посвящена анализу религиозного дискурса и явлений, с ним связанных. И мы считаем, что вся система ценностей религиозного дискурса может быть представлена в качестве своеобразных оппозиций; практически все понятия, относимые к разряду ценностей, имеют свою абсолютную противоположность — «антиценность»: «добро-зло», «жизнь-смерть», «истина-ложь», «земное-божественное». Кроме того, анализируя ценности религиозного дискурса, нам показалось необходимым и до определенной степени интересным выделить различные типы модальности, которые находят реализацию в религиозном дискурсе.

Ключевые слова: религиозный дискурс, церковь, ритуал, концепт, жанр, прецедентный феномен.

Религия - явление, с которым человек сталкивается если не каждый день, то хорошо известное каждому человеку. В узком смысле религиозный дискурс есть совокупность речевых актов, которые используются в религиозной сфере; в широком - набор определенных действий, ориентированных на приобщение человека к вере, совокупность речеактовых комплексов, сопровождающих процесс взаимодействия коммуникантов. Где бы не протекал религиозный дискурс, одну из основных его задач можно сформулировать следующим образом: выразить чаяния, мольбы, надежды верующего человека, найти духовную подпитку, поддержку (либо у последователей той же веры, либо у Всевышнего). Развитие и формы существования религиозного дискурса определяются его целями: а. получить поддержку у Бога, б. очистить душу, в. призвать ближних к вере и покаянию, г. утвердить верующих в вере и добродетели, д. через ритуал осознать свою принадлежность к той или иной конфессии (Карасик 2002: 325).

Центральным институтом религиозного дискурса являет-

ся церковь. Однако, границы религиозного дискурса выходят далеко за рамки церкви и ограничение религиозного дискурса только рамками храма может значительно сузить и исказить сущность религиозного дискурса. Можно выделить ряд подвидов религиозного общения в зависимости от типа ситуации и особенностей взаимоотношений коммуникантов: а. общение в церкви как основном религиозном институте, которое отличается высокой степенью клишированности, ритуализованности и театральности; б. общение в малых религиозных группах – процесс общения имеет место не в храме, а вне его; такое общение характерно для ряда сект, функционирующих в настоящее время в России, а также для ряда религиозных конфессий на Западе; в. общение человека с Богом – те случаи, когда верующий не нуждается в посредниках для обращения к Богу, наиболее ярким примером такого общения является молитва. Но где бы не протекал религиозный дискурс, одну из основных его задач можно сформулировать следующим образом: выразить чаяния, мольбы, надежды верующего человека, найти духовную подпитку, поддержку (либо у последователей той же веры, либо у самого Всевышнего).

Важную роль в религиозном дискурсе играет ритуал. Большая часть вербальных и невербальных действий религиозного дискурса жестко ритуализованы. Если провести эксперимент и попытаться убрать вербальный компонент из любого другого типа дискурса, дискурс просто перестанет существовать – говорим ли мы о политическом, педагогическом, научном или любом другом типе общения. «Лишение» же религиозного дискурса вербального наполнения не прекращает его существования, а лишь переводит данное общение в несколько иную ипостась – безмолвное (основанное на жестах и телодвижениях) общение с Высшим началом – именно поэтому только в религиозном дискурсе выделяется такой жанр как «безмолвная внутренняя молитва», «молитва в душе». В любом другом типе дискурса — педагогическом, политическом, например — на первое место выступает речевая деятельность, а конкретные действия, закрепленный, установленный ритуал лишь подкрепляют ее — «многие политические

действия по своей природе являются речевыми действиями... политическая деятельность вообще сводится к деятельности языковой...» (Шейгал 2004: 27); данное утверждение, сделанное в отношении политического дискурса, верно и для многих других типов общения — научного, художественного, педагогического и др. В религиозном же дискурсе ритуал доведен до своей высшей ступени, возводится в абсолют, являясь основой, базой религиозного общения. Иногда в религиозном дискурсе вербальные действия отступают на второй план по значимости, на первый план выходит ритуал - «совокупность и установленный порядок обрядовых действий при совершении какого-либо религиозного акта; выработанный обычаем порядок совершения чего-либо, церемониал; стандартный сигнальный поведенческий акт» (Топоров 1995: 446).

Говоря об институте религии в целом следует, прежде всего, остановиться на определении центрального понятия данного института — церкви. В наиболее общем виде под церковью понимают «религиозную организацию со сложной, строго централизованной и иерархизированной системой взаимоотношений между священнослужителями и верующими, осуществляющей функцию выработки, сохранения и передачи религиозной информации, организации и координации религиозной деятельности и контроля за поведением людей» (Целуйко 2004: 16). При анализе референтной структуры религиозного дискурса целесообразно выделить четыре основные составные части данной структуры: субъекты религии, религиозные направления (учения, концепции), религиозная философия, религиозные действия.

Как и любой другой вид дискурса, дискурс религиозный оперирует своими собственными знаками. Семиотическое пространство религиозного дискурса формируется как вербальными, так и невербальными знаками. По степени абстракции в рамках религиозного дискурса представляется возможным выделить знаки-копии (или иконы), знаки-символы и знаки-индексы. Приоритетное положение в такой классификации, бесспорно, занимают знаки-иконы – «живописное изображение Святой Троицы, Господа Иисуса Христа, Божьей Матери, Ангельских Сил и

святых. Знаки-символы уже сами по себе олицетворяют определенный образ, отношение, нередко - событие: крест - символ и знамение победы жизни над смертью, наклонная нижняя перекладина на кресте - символ сошествия Господа в ад и его последующее воскресение. Кроме указанных выше типов, в религиозном дискурсе функционируют и многочисленные **знаки-артефакты**. К артефактам, могут быть отнесены: а) обозначения убранства и предметов храма: «*алтарь*», «*аналой*», «*иконостас*»; б) предметы одежды и головные уборы священнослужителей: «*апостольник*», «*мантия*», «*митра*», «*подрясник*», «*риза*», «*ряса*»; в) объекты религиозного культа: «*кадило*», «*крест*», «*икона*», «*ладанка*», «*свеча*»; г) здания и сооружения – как виды храмовых сооружений, так и предметы, части самого храма: «*амвон*»; «*звонница*», «*колокольня*», «*паперть*», «*ризница*». К знакам относятся и разнообразные поклоны. В религиозном контексте поклон (преклонение головы и тела) выражает смирение, благоговение перед Богом. В терминах религии выделяют поклоны великие (или земные) и малые (поясные), которые совершаются в различные, строго определенные моменты церковной службы (Морозова 2003). В некоторых ситуациях в религиозном дискурсе сам священнослужитель выступает как своего рода знак: монах, монахиня, батюшка, поп др. Трудно с высокой долей определенности сказать, что же в большей мере влияет на формирование образа священнослужителя – его социальная позиция, положение в обществе или предписанные данным положением нормы поведения - скорее, в равной мере и то и другое.

Говоря о знаковом характере религиозного дискурса, нельзя не упомянуть и о тех функциях, которые выполняет данный вид общения. Все функции религиозного дискурса можно объединить в два большие класса: общие и частные, последние из которых, в свою очередь, также неоднородны и включают ряд подтипов. Среди общих следует отметить репрезентативную, коммуникативную, апеллятивную, экспрессивную или эмотивную, фатическую и информативную функции. Все, так называемые частные функции религиозного дискурса нам представляется возможным объединить в три класса: 1). функции, регулирующие базовые

принципы существования социума в целом (функция перспективы\интроспекции, функция интерпретации действительности, функция распространения информации, магическая функция); 2). функции, регулирующие отношения между членами данного социума (функция религиозной дифференциации, функция религиозной ориентации, функция религиозной солидарности); 3). функции, регулирующие внутреннее мироощущение, мировосприятие конкретного индивида - прескриптивная, прохибитивная, волюнтаривная, инспиративная, молитвенная, комплиментарная функции.

Религиозный дискурс представляет собой образование, полагающее своими особыми концептами. Представляется возможным говорить о своеобразном делении всей совокупности указанных концептов на группы или классы в зависимости от их отношения к религиозному дискурсу: а) концепты религиозной сферы - те, ассоциативное поле которых так или иначе замыкается сферой религиозного дискурса или неизбежно остается в рамках религиозных ассоциаций: «Бог», «вера», «дух», «душа», «грех»; б) концепты, первоначально возникнувшие в рамках религиозного дискурса, а затем вышедшие за указанные рамки и функционирующие одинаково в религиозном дискурсе и сфере далекой от религии: «ад», «рай», храм»; в) концепты, которые были перенесены в религиозный дискурс из общечеловеческой коммуникации и в настоящее время имеют довольно широкий ассоциативный потенциал: «чудо», «закон», «наказание», «страх», «любовь».

Во многом благодаря своей дидактической направленности, религиозный дискурс остается бесконечным источником ценностных предписаний человеку. Большая часть ценностей религиозного дискурса представлена абстрактными сущностями - акцентируются ценности добра, веры, истины, мудрости, любви и т.д. В религиозном дискурсе находят реализацию и ценности, представленные вполне конкретными субстанциями — ценностно окрашенным, как мы видели, может оказаться любой фрагмент мира — воздух, вода, огонь и т.д. По сути дела, «ценностно окрашенным может стать любой фрагмент мира, например, пу-

стыня. Вся культура есть совокупность абсолютных ценностей, создаваемых человеком, это выражение человеческих отношений в предметах, поступках, словах, которым люди придают значение, ценность» (Маслова 1997: 83).

Применительно к религиозному дискурсу можно говорить о механизме формирования ценностей, с одной стороны, и механизме их функционирования, с другой. Формирование ценностей религиозного дискурса начинается на уровне ценностного идеала или ценностного представления, которые представляют собой ориентиры развития личности. В религиозном дискурсе ценностным идеалом выступает сущность божественного, состояние умиротворения, к которому стремится и которого всю жизнь старается достичь человек. Ценностные мотивы (движущая сила, заставляющая человека стремиться к определенному идеалу), являясь промежуточным звеном, приводят в движение всю ценностную цепочку. «Можно сказать, что люди рождаются дважды: сначала физически — в акте рождения, а затем духовно — в процессе обучения, образования, воспитания, формирования духовных качеств личности, усвоения всех ценностей, созданных человечеством» (Анисимов 1988: 36). Именно такое рождение «нового человека» можно наблюдать при приобщении людей к религиозным нормам жизни и ценностям мироздания.

Вся система ценностей религиозного дискурса может быть представлена в качестве своеобразных оппозиций; практически все понятия, относимые к разряду ценностей, имеют свою абсолютную противоположность — «антиценность»: «добро-зло», «жизнь-смерть», «истина-ложь», «земное-божественное». Кроме того, анализируя ценности религиозного дискурса, нам показалось необходимым и до определенной степени интересным выделить различные типы модальности, которые находят реализацию в религиозном дискурсе и которые дополняют ценностную картину последнего — нами выделены: модальность оценки («Примите учение мое, а не серебро; лучше знание, нежели отборное золото», «Лучше блюдо зелени, и при нем любовь, нежели откормленный бык и при нем ненависть»); модальность побуждения и долженствования («Мы должны запылать всем

нашим сердцем, и волей, и телом, и превратиться в купину неопалимую...», «Поклонитесь Господу во благолепии святыни! Трещи пред лицом Его, вся земля!», «Ходи путем добрых, и держись стезей праведников, уклоняйся от зла»); модальность желания и просьбы («Господи! Услышь молитву мою, и вопль мой да придет к Тебе. Не скрывай лица Твоего от меня...»); модальность предпочтения и совета («Ищите Господа и силы Его, ищите лица Его всегда. Воспоминайте чудеса Его, которые сотворил, знамения Его и суды уст Его, вы, семя Авраамова, рабы Его...»); модальность предостережения и запрета («Крепко держись наставления Моего, не оставляй, храни его; потому что оно — жизнь твоя», «Не уклоняйся ни направо, ни налево; удали ногу свою от зла»); модальность угрозы («...и вы отвергли все мои советы, и обличений моих не приняли.....когда придет на вас ужас, как буря, и беда, как вихрь, принесется на вас; когда постигнет вас скорбь и теснота, тогда будут звать меня и не услышу; с утра будут искать меня и не найдут меня»).

Ценностная картина религиозного дискурса была бы неполной без рассмотрения вопросов прецедентности религиозного дискурса. Представляется возможным говорить о внешней и внутренней прецедентности религиозного дискурса. Под внутренней прецедентностью мы понимаем воспроизводимость хорошо известных первичных образцов религиозного дискурса — фрагментов Священного Писания в процессе построения вторичных жанровых образцов религиозного дискурса — в первую очередь в ходе проповеди и молитвы. Говоря о внешней прецедентности, представляется целесообразным указать традиционно выделяемые классы прецедентных феноменов: прецедентные имена, прецедентные высказывания, прецедентные ситуации, каждый из которых, однако, имеет ряд особенностей построения и функционирования в рамках религиозного дискурса. Статусом прецедентных обладают те индивидуальные имена, которые входят в когнитивную базу, т.е. инвариантное представление обозначаемого ими «культурного предмета» является общим для всех членов лингво-культурного сообщества. В религиозном дискурсе к разряду прецедентных могут быть отнесены как имена нарицатель-

ные: «ангел», «сатана», «бог», «богиня», «папа», так и собственные: «Иисус», «Илья», «Моисей», «Николай Чудотворец», «Магдалина», «Иуда»; а также имена собственные, в силу своего частого употребления, частично и в ряде контекстов перешедшие в разряд нарицательных: «Адам», «Ева», «Господь», «Всевышний». Под прецедентным высказыванием понимается самодостаточная единица, сложный знак. Паремиологический фонд как русского, так и английского языков изобилует функционирующими в нем прецедентными высказываниями, имеющими религиозную основу: «алчущие и жаждущие»; «внести свою лепту», «всему свое время»; «глас вопиющего в пустыне»; «дар божий», «запретный плод», «злота дня»; «камень преткновения»; «за семью печатями»; «корень зла»; «копать яму другому», «краеугольный камень»; «крошки с барского стола»; «кто не работает, тот не ест»; «нести свой крест»; «хлеб насущный» и др. Прецедентные высказывания, функционирующие в рамках религиозного дискурса, могут быть разделены на канонические (употребляющиеся без изменений) и трансформированные (те, в которых присутствуют изменения).

Прецедентная ситуация в отличие от прецедентного высказывания прецедентная ситуация принадлежит когнитивному сознанию и выводится на языковой уровень с помощью различных средств вербальной коммуникации. Ярким примером прецедентной ситуации может служить ситуация предательства Иисуса Христа, ставшая «эталоном» предательства вообще — любое предательство начинает восприниматься как вариант изначального «идеального» предательства, а имя Иуды становится прецедентным и приобретает статус имени-символа.

В отношении религиозного дискурса можно и даже необходимо говорить и о такой категории как прецедентный феномен. К разряду прецедентных феноменов религиозного дискурса относятся: а) разнообразные понятия, характерные для религиозного дискурса, такие как «религиозные заповеди», «церковные таинства», «акт очищения», «исповедь», «схождение священного огня», «пост», «молитва» и др; б) жесты, характерные для религиозного дискурса: «осенение крестным знамением», «земной

поклон и др.; в) абстрактные понятия: «апокалипсис», «грех», «преисподняя», «искушение» и др. Все прецедентные феномены религиозного дискурса позволяют глубже проникнуть в его структуру и понять все детали проявления и функционирования последнего.

Выделение жанров в религиозном дискурсе представляется несколько сложным. Сложность выделения жанров религиозного дискурса определяется: а) сложным характером коммуникации, поскольку осуществляется общение человека с Богом или Бога с человеком, при этом любое высказывание перерастает свои границы и становится событием; б) сложным характером иллокутивного потенциала, совокупности интенций, обнаруживающих довольно сложные конфигурации. Исходя из особенностей порождения и функционирования религиозного дискурса целесообразно и приемлемо выделять первичные и вторичные речевые жанры. К первичным относятся речевые жанры притчи, псалма и молитвы, как индивидуальные типизированные образцы структурно-семантических и ценностных моделей, зародившиеся в религиозном дискурсе, а уже затем получившие широкое функционирование вне религиозного контекста (притчи). В разряд вторичных входят речевые жанры, представляющие собой своеобразную интерпретацию и модификацию первичных религиозных образцов - текстов Священного Писания в целом, опирающихся на них композиционно, ситуативно и ценностно — проповедь, исповедь и т.д.

Религиозный дискурс представляет собой образование со сложной жанровой структурой, богатой системой ценностей и концептов, а также рядом специфических особенностей на языковом уровне.

Список литературы

1. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград, 2002.
2. Маслова В.А. Введение в лингвокультурологию. М., 1997.
3. Топоров В.Н. Миф. Ритуал.

List of literature

1. Karasiik V.II. Jazykovoj krug: liichnosti, konthieptyy, diiskurs. Volgograd, 2002.
2. Maslova V.A. Vviedieniije v liingvokulturologiiju. M., 1997.
3. Toporov V.N. Miif. Riitual. Siim-

- Символ, Образ: Исследования в области мифопоэтического. М., 1995.
4. Целуйко В.М. Психология нетрадиционных религий в современной России. Волгоград, 2004.
5. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. М., 2004.
- vol, Obraz: Iissledovaniija v oblasti miifopoetiichieskogo. M., 1995.
4. Thielujko V.M. Psiixologijja ni-etradiithihonnyux rieligiij v sovremennoj Rossiihi. Volgograd, 2004.
5. Shiejgal JE.II. Siemiihotiika poliitichieskogo diiskursa. M., 2004.

**О ВАЖНОСТИ ДИАХРОНИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ЛЕКСИЧЕСКИХ ГРУППИРОВОК
(НА МАТЕРИАЛЕ НАИМЕНОВАНИЙ НАРКОТИКОВ
В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ VIII-XV ВЕКОВ)**

И. С. Данилова

В статье подчеркивается важность исследования лексических группировок слов в диахроническом аспекте. Рассматриваются случаи употребления наименований наркотиков, описанные в художественной литературе древнеанглийской и среднеанглийской периодов. Обзор охватывает памятники VIII-XV вв. Приводится этимологическая справка выявленных наименований наркотиков. Диахронический анализ показал, что в древней Англии наркотиков не существовало, однако они применялись в качестве лекарства в средневековой Англии.

Ключевые слова: наркотик, лексическая группировка, диахроническое исследование.

Целесообразность и необходимость изучения языка как явления, способного изменяться, было признано в языкознании с самого начала его развития. Историзм стал краеугольным камнем сравнительно-исторического языкознания, которое обязано своими успехами именно историческому подходу к изучению родственных языков. В советском языкознании язык также рассматривался как динамическая система, способная к развитию.

Проблема историзма особенно актуальна в современной науке, так как феномен развития проявляется все отчетливее, его невозможно игнорировать при анализе самых разнообразных явлений.

Основание исследования в области диахронических изменений лексических единиц составляет понятие системности. Системность на лексическом уровне проявляется, прежде всего, в возможности выделения определенных лексических группировок как целостных образований и смысловых связей между членами этих множеств.

Системное описание словарного состава языка представляет собой одну из актуальных задач современной лингвистики. Выявление системных отношений необходимо как для синхронического, так и для диахронического изучения словаря. Так, М.Н. Заметалина отмечает, «... наступило время проводить полевой анализ языка, используя как синхронический, так и диахронический подход. Задача весьма актуальная: проблемная, малоисследованная, методически необеспеченная» [1. С. 89].

Изучая изменения словарного состава, в нем находят немало элементов, обязанных своим появлением разным событиям, переживаемых народом на том или ином этапе своей истории. Именно поэтому, как нам представляется, при рассмотрении различных лексических группировок в диахроническом аспекте важно иметь в виду неразрывную связь языка с историей и культурой народа, обусловленность в той или иной степени его эволюции своеобразием социальной, экономической, культурной жизни данного общества. Однако нельзя игнорировать и роль внутренних причин в языковых изменениях [1. С. 90].

Одной из малоизученных лексических группировок английского языка является группа слов, именующих наркотические средства.

В настоящее время наркомания представляет собой одну из самых острых социальных проблем по всему миру. Потребление наркотиков как социальное явление, достигло огромных масштабов по всему миру, что в свою очередь повлияло на художественную литературу, которая отражает состояние общества и его нравы. Все это обусловило необходимость изучения лексики данной тематической группы в английском языке, которая поможет установить исторические корни и характер развития данного явления в Англии.

Изучением лексики, обозначающей наркотические средства, занимаются такие исследователи, как Н.А. Сребрянская, Л.К. Ланцова, А.М. Кацев и др. В одной из своих статей, посвященных данной теме, Н.А. Сребрянская пишет: «Оказалось, что в художественной литературе имеется немало ссылок на употребление тех или иных наркотических средств в разных целях. Поэтому

представляется интересным исследование общественных точек зрения на потребление наркотиков в разные эпохи, нашедшее отражение в английской и русской литературе» [3. С. 56].

Развитие компьютерных технологий позволило лингвистике продвинуться значительно вперед и выполнять такие задачи, которые раньше были невозможны, в частности проводить диахронические исследования языковых единиц с погружением в глубину веков более, чем на тысячелетие. Компьютерные поисковые программы позволяют быстро и точно осуществлять поиск заданных лексем в электронных корпусах древне- и среднеанглийских текстов, а также в корпусах классической литературы и в текстах последних лет. Таким образом, корпусная лингвистика оказывает огромную помощь не только языкознанию, но и литературоведению, социологии, психологии т.к. дает возможность узнать жизнь, быт, нравы далеких предков.

В рамках данного исследования был проведен компьютерный анализ наиболее заметных художественных произведений древней и средневековой английской литературы с целью выявления лексических единиц, именующих наркотические вещества. С помощью поисковых программ было осуществлено сплошное сканирование текстов с целью поиска лексем, называющих наркотические вещества, а именно: drug (drogge), narcotic (nerkotic), opium (opie), hemp, henbane, morphine, morphia.

Для исследования древнеанглийского периода, который по классификации Т.А. Расторгуевой охватывает временной промежуток с VIII по конец XI веков [2. С. 50], был использован единственный сохранившийся памятник того периода, поэма «Беовульф». Большинство ученых сходятся в том, что произведение было создано в 8 веке английским монахом, знавшим и староанглийскую, и латинскую литературу, однако поэма дошла в единственной рукописи конца 10 века на древнеанглийском языке. Таким образом, анализ текста «Беовульфа» покажет нам состояние наркоупотребления и распространения наркотических средств в Англии в 10 веке.

В результате компьютерного анализа поэмы не было выявлено ни одной лексической единицы со значением наркотического или сильнодействующего вещества.

Как отмечает Т.А. Расторгуева, «древнеанглийский представлял собой типичный древнегерманский язык с преимущественно германским словарем и небольшим количеством заимствований» [2. С. 50-51]. Поэтому учитывая тот факт, что первые, появившиеся в английском словаре номинации, из которых впоследствии развилась исследуемая тематическая группа, были заимствованы из древнефранцузского языка (речь идет о лексемах *drug* и *parcotic*), результат нашего исследования кажется вполне ожидаемым.

Все это позволяет сделать вывод о том, что на тот период (VIII в.) людям не было известно употребление наркотиков ни в медицинских, ни в каких-либо других целях.

Следующим шагом нашего исследования стала компьютерная обработка памятников средневековой английской литературы. Период раннего средневековья начинается, по хронологии Т.А. Расторгуевой, с нормандского нашествия в 1066 году и заканчивается в середине XIV века [2. С. 51]. В рамках данного периода было исследовано политическое соглашение «Магна Карта», написанное в 1215 году. В нем также не было выявлено лексических единиц со значением наркотических средств.

При нормандском правлении официальным языком в Англии был французский, а точнее его вариант, который называется англо-нормандским; он был также доминирующим языком литературы. Местные диалекты использовались в основном для устного общения, в результате чего сложился определенный пробел в английской литературной традиции того времени. И лишь к концу периода их литературный престиж начал расти; английский язык постепенно начал вымещать французский во всех сферах общественной жизни. Между тем период нормандского нашествия оказал значительное влияние на лексику английского языка. Было заимствовано большое количество слов в области медицины, образования, права, военного дела и т.д. [2. С. 51].

Все эти изменения нашли отражение в литературе позднего или классического среднеанглийского языка, который охватывает временной промежуток со второй половины 14 по конец 15 века. В рамках данного периода анализу подверглись следующие произведения: «Кентерберийские рассказы» Джеффри Чосера

(конец 14 века), «Видение о Петре Пахаре» Уильяма Ленгленда (ок. 1362), «Смерть Артура» Томаса Мэлори (1485), а также английские народные баллады средних веков.

В результате анализа в «Кентерберийских рассказах» Дж. Чосера были выявлены 3 лексические единицы исследуемой тематической группы: *drogge*, *nercotiks*, *opie*.

Prologue

Ful redy hadde he hise apothecaries
To sende him **drogges** and his letuaries,
For ech of hem made oother for to wynne,
His friendship nas nat newe to bigynne.

The Knight's Tale

For he hade yeve his gayler drynke so
Of a clarree maad of a certeyn wyn,
With nercotikes and opie of Thebes fyn,
That al that nyght, thogh that men wode him shake,
The gayler sleep, he myghte nat awake.

В «Видении о Петре Пахаре» У. Ленгленда была найдена одна лексема: *drogge*.

20.174: And dryven away deeth with dyas and drogges.

20.175: And Elde auntred hym on Lyf -- and at the laste he hitte

20.176: A phisicien with a furred hood, that he fel in a palsie,

20.177: And there dyed that doctour er thre dayes after.

В переводе, выполненном И.Кашкиным и О.Румером, слово “*nercotik*” имеет соответствие «снотворная трава», а “*opie*” - «опий» [4. С. 44, 70]. Это значит, что слова “*nercotik*” и “*opie*” имеют в данном контексте значение снотворного или одурманивающего вещества и не имеют негативной окраски, что, в свою очередь, дает основание утверждать, что в период XIII-XIV вв. употребление наркотиков не являлось социально негативным явлением, а вещества подобные этим употреблялись лишь как снотворные средства.

Что касается слова “*drogge*”, то в обоих произведениях оно употребляется в значении «лекарство», т.е. вещества, используемого для лечения какого-либо недуга. Никакого указания на наличие у данного вещества одурманивающих или снотворных

свойств контекст не содержит. Поэтому объединить выявленные лексемы в одну тематическую группу на данном историческом этапе не представляется возможным.

Проведя этимологический анализ выявленных слов, мы обнаружили следующее. По данным этимологических словарей *The Barnhart dictionary of etymology* Роберта Барнхарта (1988) и *A Comprehensive Etymological Dictionary of the English Language* Эрнеста Кляйна (1966) все три найденные лексические единицы являются заимствованиями: “drogge” и “necrotik” заимствованы из древнефранцузского: “drogue” и “narcotique” соответственно, “opie” – из латинского языка, “opium”. Это говорит о том, что и снотворные травы, и опий, и лекарство как понятие для людей, населявших Англию того периода, были явлениями новыми, которые были введены нормандцами и римлянами.

Таким образом, лексика, обозначающая наркотические и сильнодействующие средства, развивалась от единичного упоминания этих средств в художественной литературе до разветвленной системы лексических единиц, обнаруживающих себя как в художественной литературе, так и в речи в целом. Первое упоминание наркотических веществ в англоязычной художественной литературе относится ко второй половине 14 века, когда были заимствованы первые слова исследуемой тематической группы из древнефранцузского и латинского языков. В то время выявленные лексемы “necrotik” и “opie” использовались Джефффри Чосером в значении снотворных или одурманивающих веществ, а слово “drogge”, используемое Чосером и Ленглендом, имело значение лекарственного средства. Употребление наркотических средств в качестве снотворных и медикаментозных средств не было широко распространено и не подвергалось какой-либо критике со стороны общества; употребление же их в качестве одурманивающих средств не было применялось вообще.

Таким образом, проведенное диахроническое исследование древне- и среднеанглийской литературы позволило получить сведения о жизни людей далекого прошлого. Исследование показало, что в древней Англии в VIII – X вв. наркотиков не было. Их не употребляли ни как лекарственное средство, ни как одурма-

нивающее зелье, ни как сильнодействующий препарат. Позже в средние века англичане стали прибегать к опиуму и, возможно, другим наркотикам, употребляя их как лекарственные средства, снадобья, т.е. снотворное или какого другого действия, рекомендуемые древнеанглийским лекарем.

Кроме того, проведенное диахроническое исследование позволяет высказать гипотезу о том, что наркотические средства пришли в Англию из Франции, поскольку, как показало наше исследование, древние англичане не знали наркотиков ни в каком виде, а слово “drug” имеет французское происхождение. Известно, что слово заимствуется из другого языка тогда, когда заимствуется реалия из другой культуры. Поскольку в средневековой Англии был период, когда престол занимал король нормандского происхождения и французский язык был языком официального общения и законопроизводства, то вполне логично и закономерно, что в тот период шло массовое заимствование реалий французской жизни.

Дальнейшее изучение развития лексики, обозначающей наркотические и сильнодействующие средства, отвечает возросшим интересам общества к проблеме наркотиков и наркомании. Исследование данного пласта лексики поможет определить время появления наркотиков на Британских островах и их территориальный источник; цели и способы их применения, а также отношение общества к употреблению наркотиков как к явлению социальному.

Список литературы

1. Заметалина М.Н. К проблеме описания функционально-семантического поля в синхронии и диахронии. / М.Н. Заметалина // Филологические науки, Выпуск №5, 2002 г. – С.89-93.
2. История английского языка: учебник / Т.А.Расторгуева. – 2-е изд., стер. – М.: Астрель: АСТ, 2007. – 248, [4] с.: ил. – На англ. яз.

List of literature

1. Zamietaaliina M.N. K problemie opiisaniija funkthiihonalino-siemantiichieskogo polia v siin-xroniitii i diihaxroniitii. / M.N. Zamietaaliina // Fiilologiichieskiiie nauki, Vyypusk №5, 2002 g. – P.89-93.
2. Iistoriija angliijskogo jazyyka: uchiebniik / T.A.Rastorgujeva. – 2-je iizd., stier. – M.: Astrieli: AST, 2007. – 248, [4] p.: iil. – Na angl. jaz.

3. Сребрянская Н.А. Феномен «Наркотик» в английской и русской художественной литературе XVII - начала XX в. / Н.А.Сребрянская // Научный вестник ВГАСУ, Серия «Современные лингвистические и методико-дидактические исследования», Выпуск №4, 2005 г. – С.56 – 61.
4. Чосер Дж. Кентерберийские рассказы. Перевод с английского. / Дж. Чосер. – М.: Изд-во «Художественная литература», 1973. – 527с.
5. Электронная библиотека «Сокровища мировой литературы»: Treasures of World Literature. – 20 КБ – (CD ROM)
6. A comprehensive etymological dictionary of the English language. By Dr. Ernest Klein. In 2 Vol. Elsevier Publishing company. Amsterdam, London, New York, 1966. – 1776p.
7. The Barnhart dictionary of etymology. Ed. By Robert K. Barnhart, The H.W. Wilson Company, 1988. – 1284p.
3. Sriebrianskaja N.A. Fienomien «Narkotiik» v angliijskoj ii russkoj xudozhiestviennoj lii-tieraturie XVII - nachala XX v. / N.A.Sriebrianskaja // Nauchnyj viestnik VGASU, Sierijja «Sovrie-miennyje liingvi-istiichieskiije ii mietodiiko-diidakti-ichieskiije iissliedovaniija», Vyypusk №4, 2005. – pp.56 – 61.
4. Chosier Dzh. Kientierbieriijskiije rasskazy. Pierievod s angliijskogo. / Dzh. Chosier. – M.: Iizd-vo «Xudozhiestviennaja liitieratura», 1973. – 527 pp.
5. Eliكتروnnaja biibliihotieka «Sokroviishha miirovoj liitieraturyy»: Treasures of World Literature. – 20 KB – (CD ROM)
6. A comprehensive etymological dictionary of the English language. By Dr. Ernest Klein. In 2 Vol. Elsevier Publishing company. Amsterdam, London, New York, 1966. – 1776p.
- The Barnhart dictionary of etymology. Ed. By Robert K. Barnhart, The H.W. Wilson Company, 1988. – 1284p.

**СПЕЦИФИКА МЕНТАЛЬНОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ
ПРИЗНАКОВ ОБЪЕКТА КОСВЕННО-ПРОИЗВОДНОЙ
НОМИНАЦИИ**

**(на материале именных знаков
косвенно-производной номинации)**

К. И. Декатова

Статья посвящена анализу проблемы протOVERбального смыслообразования знаков непрямоY номинации. В статье описывается специфика ментальной репрезентации признаков в ходе формирования именных знаков косвенно-производной номинации

Ключевые слова: знаки косвенно-производной номинации, смыслообразование, ментальная репрезентация.

Специфической чертой опознания объекта косвенно-производной номинации является ассоциативное опознание детали/признака объекта. Результатом такого опознания становится формирование комплекс-структуры – когнитивного образования, являющегося единством нескольких взаимосвязанных, но при этом сохраняющих свою структурную самостоятельность представлений об объекте косвенно-производной номинации и его детали. О том, что в результате языкового переноса формируются комплексные ментальные объединения, писал Л. С. Выготский [3. С. 156]. Даже в ходе поверхностного анализа специфики когнитивного основания знаков косвенно-производной номинации можно выявить их комплексный характер: объект номинируется не потому, что обладает определенными категориальными признаками класса однородных объектов, которые соотносятся в сознании с определенным именем, а потому, что лишь похож по какому-то признаку на объекты, оказывающиеся «носителями» данного имени. Такое объединение под одним именем ментальных репрезентаций объектов, не имеющих необходимого набора общих сущностных признаков, возможно только в процессе

формирования мыслительного комплекса. Например, можно предположить, что в результате не понятийного, а комплексного мышления образовалась когнитивная база фраземы **нежный как бархат** – ‘о человеке с мягким, покладистым характером’, – объединяющая в одной группе такие признаки человека, как *покладистость характера*, и такие признаки вещи (*бархата*), как *мягкость материи*, на основании несущественных для понимания человека и вещи-материи признаков (*приятные ощущения при взаимодействии, податливость при воздействии*).

Из всех разновидностей комплексов, которые способны породить человеческое мышление, лишь ассоциативные комплексы, на наш взгляд, становятся основой знаков косвенно-производной номинации. Это объясняется особенностью организации данного вида комплексов: в процессе образования ассоциативного комплекса могут объединяться представления на любом основании. В основе ассоциативного комплекса-множества может находиться «не только прямое тождество признаков, но и их сходство или контраст, их ассоциативная связь по смежности и т.д.» [3. С. 133]. Подтверждение тому можно обнаружить в процессе анализа ассоциативных комплексов, рождающихся в ходе опознания объектов косвенно-производной номинации, между представлениями которых возможны различные ассоциативные связи:

а) ассоциативная связь по аналогии, например, можно предположить, что когнитивным основанием фраземы **избушка на курьих ножках** – ‘небольшое, ветхое, неказистое строение’ – является комплекс-структура, состоящая из связанных по аналогии (связанных сходными признаками – *ветхое, неказистое, маленькое здание*) представлений о *ветхом строении* и о *сказочном обиталище Бабы-яги*; или когнитивным основанием фраземы **вольная птица** – ‘человек, не стесненный в своих поступках, ни от кого не зависящий’ – является комплекс-структура, состоящая из представлений о *птице* и о *человеке*, связанных сходными признаками – *свободное, независимое существо*;

б) ассоциативная связь по смежности, например, когнитивным основанием фразем **большая рука** – ‘влиятельный, значительный по своему положению человек’ и **буйная голова** – ‘удалой, от-

чаянный человек – являются комплекс-структуры, состоящие из связанных по смежности представлений о *человеке* и о части его тела – *руке* и *голове*.

в) ассоциативная связь по контрасту, например, когнитивным основанием фраземы *гигант мысли* – ‘о (*псевдо*)незаурядном человеке, (*псевдо*)мыслителе’ – является комплекс-структура, состоящая из представлений о *человеке-мыслителе* и о *примитивно мыслящем человеке* (о И. М. Воробьянинове, «компаньоне» главного героя романа И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» Остапа Бендера), содержащих взаимоисключающие признаки; или когнитивным основанием фраземы *вумная как вутка* – ‘*об очень глупой, тупой женщине*’ – является комплекс-структура, состоящая из представлений об *умной утке* и о *глупой женщине*, содержащих взаимоисключающие признаки.

Комплекс-структуры могут образовываться в результате ассоциативного опознания разных признаков объектов. Анализ разновидностей признаков ассоциативного опознания в процессе формирования именных знаков косвенно-производной номинации, как представляется, позволяет выявить некоторые закономерности протовербального смыслообразования данных языковых единиц.

Известно, что всякий объект представляет собой сложное целостное образование, находящееся в разнообразных связях и отношениях с другими объектами. Процесс ментального взаимодействия человека с объектом (осмысления) приводит к фрагментации последнего, выделению его признаков (всевозможных характеристик и проявлений) и синтезу выявленных характеристик в когнитивные структуры, становящиеся интериоризированными, ментальными, объектами. Поэтому можно сказать, что в человеческой памяти весь опыт взаимодействия человека с окружающим миром хранится в виде совокупностей признаков объектов. Такая организация опыта является необходимой для восприятия и опознания объектов, поскольку процесс обработки перцептивной информации об отражаемой сущности представляет собой ее идентификацию по признакам разного рода. В современной логике и теории познания существуют различные классификации признаков объектов по форме (структуре) и по содержанию [2].

К основным разновидностям признаков объектов относят такие характеристики, как *качество, свойство, отношение*. Качественным признаком называют «нечто, присущее предмету самому по себе (хотя оно возникло, возможно, в связи с другими предметами)» [2. С. 113]. В отличие от качественного признака, который является присущим объекту фактически, свойство является проявлением «некоторого качества во взаимодействии предмета с какими-либо другими предметами <...> способностью предметов вести себя некоторым образом в определенных ситуациях» [2. С. 113 – 114]. Отношением, как правило, называют реляционное свойство. Наиболее подробный перечень содержательных признаков объекта был предложен Аристотелем, который выделил десять основных характеристик (категорий в терминологии Аристотеля) объекта: сущность или субстанция, качество, отношение, место, время, положение, состояние (обладание), действие, страдание (претерпевание), количество. В нашей работе мы рассмотрим лишь те разновидности признаков, ассоциативное опознание которых привело к формированию комплекс-структур в процессе косвенно-производной номинации. Как показывают результаты исследования, во фразеологическом фонде современного русского языка преобладают именные знаки косвенно-производной номинации, которые номинируют следующие признаки:

1) **качественный** признак объекта номинации (**красный как рак** – ‘о покрасневшем от волнения, смущения и т.п. человеке’, **мозги набекрень** (у кого-то) – ‘о человеке с причудами, со странностями’, **каменный гость** – ‘о человеке (обычно пришедшем в гости), который всегда молчит’, **сладкая парочка** – ‘о влюбленных, которые слишком навязчиво демонстрируют свои отношения’), **балда осиновая** – ‘бестолковый, очень глупый человек’, **умная голова** – ‘очень умный, рассудительный человек’, **тупой как баобаб** – ‘об очень глупом человеке’, **глуп как баран** – ‘очень глупый’, **последняя спица в колесе** – ‘незначительный человек, играющий последнюю роль в обществе’.

2) **динамический признак** (действие): **битва народов** – ‘об историческом движении, в которое вовлечены широкие народные массы’, **наплыв мыслей** (чувств) – ‘интенсивное появление

чего-нибудь (чувств, мыслительного процесса)’, **взрыв** возмущения (негодования) – ‘внезапное сильное и шумное проявление чего-нибудь (чувств, эмоций)’, **разгар** спора (битвы) – ‘наиболее полное проявление, наивысшая точка в развитии чего-нибудь’), к этой же группе отнесем именные знаки косвенно-производной номинации, являющиеся наименованием физического и психического состояния объекта (**цыганская жара** – ‘холод, озноб’, **скука смертная** – ‘состояние большого душевного уныния, тоски от безделья или отсутствия интереса к окружающему’).

3) **количественный** признак:

а) рост, высота объекта косвенной номинации: **аршин с шапкой** – ‘человек очень маленького роста’, **коломенская верста** – ‘об очень высоком, длинном человеке’, **телевизионная башня** – ‘об очень высоком человеке’, **пожарная каланча** – ‘о человеке очень большого роста’, **метр с кепкой** – ‘человек маленького роста’, **телеграфный столб** – ‘об очень высоком человеке’, **верстовой столб** – ‘о человеке очень большого роста, о долговязом человеке’;

б) объем, размер объекта косвенной номинации: **худой как щепка** – ‘худой, тощий (человек)’, **тощ как хвощ** – ‘худой, тощий (человек)’, **толстый как боров** – ‘чрезмерно толстый (человек)’, **толстый как бочка** – ‘об очень толстом человеке’, **худой как вешалка** – ‘об очень худом, тощем человеке’;

в) вес объекта косвенной номинации: **тяжелый как гиря** – ‘очень тяжелый’, **тяжелый как мельничный жернов** – ‘очень тяжелый’, **легкий как пух** – ‘о чем-либо, ком-либо очень легком, невесомом’;

г) численность объекта/ объектов косвенной номинации: **реки крови (слез)** – ‘огромное количество чего-либо текущего, льющегося’, **поток людей (посетителей)** – ‘множество, масса, движущаяся в одном направлении’, **крупная сумма** – ‘множество, большое количество (о деньгах)’.

4) **темпоральный** признак: **смутное время (пора)** – ‘тревожный, неопределенный, нестабильный период, чреватый катаклизмами в жизни общества, страны’, **трудное время (минута)** – ‘полная трудностей, страданий, лишений’, **поворотный**

момент (день) – ‘создающий перелом, изменяющий что-либо’, **седая старина** (времена) – ‘очень далекая, давняя’, **золотой век** – ‘о времени наивысшего расцвета науки и культуры в истории какого-либо народа’, **светлое будущее** – ‘о счастливом грядущем (обычно коммунизме)’, **адмиральский час** – ‘время завтрака или раннего обеда с выпивкой’, **горькая година** – ‘время трудностей, лишений’, **лихая година** – ‘время трудностей, лишений’, **горячие дни** – ‘время напряженной, проходящей в спешке работы’.

5) место действия, расположения объекта: **синее море** – ‘об очень отдаленном месте’, **ад кромеиный** – ‘место мучений, где условия жизни невыносимы’, **красный уголок** – ‘место в заведении для проведения культурно-просветительской работы’, **медвежий угол** – ‘глухое, отдаленное, малонаселенное место’, **лобное место** – ‘место казни’, **теплое местечко** – ‘доходное, прибыльное служебное место’.

Таким образом, когнитивная база знаков косвенно-производной номинации формируется в процессе сложной концептуальной обработки информации об отражаемом объекте номинации, завершающейся формированием комплекс-структуры. Исследование сущности этой когнитивной структуры является перспективным направлением в изучении косвенно-производной номинации, поскольку может приблизить к пониманию особенностей их смыслообразования.

Список литературы

1. Алефиренко Н. Ф. Язык, познание, культура: Когнитивно-семиологическая синергетика слова. Волгоград, 2006.
2. Войшвилло Е.К. Понятие как форма мышления: логико-гносеологический анализ. М., 1989.
3. Выготский Л.С. Мышление и речь. – М., 2005.
4. Гаврин С.Г. Фразеология современного русского языка: учеб. пособие по спецкурсу для филоло-

List of literature

1. Aliefirienco N. F. Jazyk, poznaniije, kulitura: Kogniitiivno-siemiihologiicheskaja siiniergiyetiika slova. Volgograd, 2006.
2. Vojshviillo JE.K. Poniatiije kak forma myyshlieniija: logiiko-gnosieologiichieskij analiiz. M., 1989.
3. Vyygotskij L.S. Myyshlieniije ii riechi. – M., 2005.
4. Gavriin S.G. Frazieologijija sovriemiennogo russkogo jazyuka: uchieb. posobiije po spiethkursu dlia fiilol-

- гов. – Пермь, 1974.
5. Гак В.Г. Языковые преобразования. – М., 1998.
6. Гвоздарев Ю. А. Основы русского фразообразования. – Ростов-на-Дону, 1977.
7. Жуков В. П. Семантика фразеологических оборотов. М., 1978.
8. Копыленко, М. М. Попова, З. Д. Очерки по общей фразеологии. Воронеж, 1972.
9. Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка. М., 1986.
10. Мокиенко В. М. Славянская фразеология. М., 1989.
- ogov. – Piermi, 1974.
5. Gak V.G. Jazykovyyje prieobrazovaniija. – M., 1998.
6. Gvozdariev JU. A. Osnovy russkogo frazoobrazovaniija. – Rostov-na-Donu, 1977.
7. Zhukov V. P. Siemantiika frazieologiichieskiix oborotov. M., 1978.
8. Kopyylienکو, M. M. Popova, Z. D. Ochierkii po obshhiej frazieologiiiii. Voroniezھ, 1972.
9. Kuniin A. V. Kurs frazieologiiiii sovriemiennogo anglijskogo jazyyka. M., 1986.
10. Mokiijenكو V. M. Slavianskaja frazieologiiija. M., 1989.

**ВТОРИЧНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ
ТЕКСТОВОГО СОДЕРЖАНИЯ
ПРИ ИНТЕРДИСКУРСИВНОЙ АДАПТАЦИИ**

А. А. Дьякова

Исследуется зависимость вторичной репрезентации содержания текста при адаптации от условий определенного дискурса, проводится сопоставительный анализ текста юридического дискурса и текста медийного дискурса как результата интердискурсивной адаптации.

Ключевые слова: вторичная репрезентация, интердискурсивная адаптация, юридический дискурс, медийный дискурс.

В повседневной жизни человек постоянно участвует в информационных обменах, а значит, сталкивается с необходимостью обращения к существующим носителям информации (в том числе текстам) и изложения известного содержания в соответствии с новыми целями. Умение выбрать наиболее адекватные языковые средства для передачи (воспроизведения) определенного содержания в новой коммуникативной ситуации, адаптировать его к изменившимся условиям общения входит в коммуникативную компетенцию современного человека. Адаптация является важнейшим прагматическим фактором, без которого невозможно успешное взаимодействие людей. Использование готовых речевых произведений в изменившихся коммуникативных условиях всегда связано с учетом субъектом речи особенностей определенного дискурса, что обуславливает интердискурсивный характер адаптации.

Являясь носителем информации, средством ее хранения и передачи, любой текст создается с установкой на воспроизведение, а значит, необходимо учитывать условия этого воспроизведения, коммуникативную ситуацию. Исследование интердискурсивной адаптации как изменения текста в соответствии с новыми дискурсивными условиями предполагает рассмотрение текста в дина-

мическом аспекте: текст, вписываясь в иную ситуацию общения, приспосабливается к изменившимся компонентам дискурса — меняются автор, его цели и стратегии, адресат текста. В результате языковое представление содержания текста становится иным. Сопоставление исходного и адаптированного текстов позволяет исследовать ментальные процессы порождения, переработки и понимания текста, наблюдать работу активного языкового сознания. Благодаря такому сопоставлению становится возможным описание чрезвычайно важных для осуществления адекватной коммуникации когнитивных механизмов текстовой адаптации — вторичной категоризации и вторичной концептуализации содержания текста. О действии этих механизмов мы можем судить благодаря вторичной репрезентации — языковому представлению известного концептуального содержания за счет использования вторичных языковых средств.

Категоризация — познавательная операция, позволяющая определить объект через его отнесение к более общей категории [1. С. 62]. Поскольку адаптированный текст является продуктом вторичной текстовой деятельности, то следует говорить о вторичной категоризации, под которой понимается способ упорядочения имеющейся информации на разных уровнях шкалы «конкретное — абстрактное» в зависимости от коммуникативной задачи автора текста [2. С. 93].

Чтобы рассмотреть особенности вторичной категоризации мы определили путем сопоставления значимые различия между исходным и адаптированным текстами на лексическом и грамматическом уровнях. Наиболее важными для восприятия этих текстов языковыми единицами являются имена текстообразующих концептов. Выявление текстообразующих концептов осуществляется путем определения ключевых слов, сигналами которых служат частотность и определенные синтаксические позиции в тексте.

Мы выявили следующие типы преобразования поверхностной структуры текста, указывающие на изменение категориального статуса текстообразующих концептов: на лексическом уровне — замены по линиям *род — вид, конкретное — абстрактное, часть — целое, единица — множество*, на грамматическом уровне

не — изменение процента развернутых и свернутых структур в адаптированном тексте по сравнению с исходным текстом. Как показали Л.Н. Мурзин и А.С. Штерн, развертывание содержания текста происходит за счет рематизации предложения, то есть присоединения компонентов, несущих новую информацию. Свертывание связано с темой и является преобразованием, при котором вербализованное выражение концепта заменяется более кратким по объему, вплоть до нулевого [3]. Согласно классификации свернутых и развернутых структур А.С. Затонской, к развернутым структурам относятся простое, главное, придаточное предложения, оборот, вводная конструкция, а к свернутым — определитель (прилагательное или наречие), именная группа, опущения и местоимения [4].

Нами было установлено, что на повышение категориального статуса текстообразующих концептов указывают замена гипонимов гиперонимами, конкретных существительных абстрактными, единичных существительных собирательными, существительных, обозначающих часть объекта, существительными, обозначающими объект в целом, и увеличение процента свернутых структур в тексте. И наоборот, о понижении уровня категоризации информации в адаптированном тексте свидетельствуют замена гиперонимов гипонимами, абстрактных существительных конкретными, собирательных существительных единичными, существительных, обозначающих объект в целом, существительными, обозначающими часть этого объекта, и повышение процента развернутых структур в адаптированном тексте по сравнению с исходным текстом.

Вторичная репрезентация текстового содержания зависит также от основного способа его концептуализации, или способа вторичной концептуализации информации. Вторичная концептуализация информации — процесс познавательной деятельности человека, состоящий в переосмыслении поступающей информации в соответствии с новой коммуникативной ситуацией. Выбор способа представления концептуального содержания (понятийного, образного, оценочного или их различных сочетаний) обусловлен интенциями автора текста читателям [2. С. 93]. При определении

способа концептуализации информации в исходном и адаптированном текстах следует учитывать то, что для понятийного способа характерна насыщенность текста терминами и определениями понятий через ближайший род и видовое отличие и генетически определениями, указывающими на происхождение предмета, для оценочного способа — насыщенность элементами с оценочной семантикой, для образного способа — использование языковых средств с образным значением.

Таким образом, исходный текст и полученный в результате его адаптации к новым дискурсивным условиям вторичный текст могут быть сопоставлены по таким критериям, как категориальный статус текстообразующих концептов (на лексическом и грамматическом уровнях) и способ концептуализации информации (доминирование понятийного, оценочного, образного способов представления содержания и новые варианты их сочетаний в адаптированном тексте). В связи с этим процедура комплексного сопоставительного анализа исходного и адаптированного текстов, по нашему мнению, должна включать в себя следующие этапы: 1) выделение лексических единиц сопоставляемых текстов, позволяющих судить об уровне категоризации текстообразующих концептов, (ключевых слов); 2) определение характера лексических замен, сопровождающих преобразование исходного текста в результате адаптации к условиям иного дискурса; 3) вычисление и сравнение процентов свернутых и развернутых структур в исходном и адаптированном текстах, также являющихся показателями уровня категоризации текстообразующих концептов; 4) выявление способов концептуализации содержания сопоставляемых текстов.

Используя данную процедуру сопоставления исходного и адаптированного к новым дискурсивным условиям вариантов текста, рассмотрим особенности вторичной репрезентации текстового содержания на примере адаптации текста юридического дискурса (текст статьи 220 Налогового кодекса РФ) к условиям медийного дискурса (текст консультации «Налоговый вычет за ипотеку» в газете «Блокнот Волгограда»).

<p>Статья 220 Налогового кодекса Российской Федерации</p>	<p>Налоговый вычет за ипотеку // Блокнот Волгограда. № 84 (169). 1—7 августа 2008 г. С. 3</p>
<p>...Общий размер имущественного налогового вычета, предусмотренного настоящим подпунктом, не может превышать 1000000 рублей без учета сумм, направленных на погашение процентов по целевым займам (кредитам), полученным от кредитных и иных организаций Российской Федерации и фактически израсходованным налогоплательщиком на новое строительство либо приобретение на территории Российской Федерации жилого дома, квартиры, комнаты или доли (долей) в них.</p> <p>Для подтверждения права на имущественный налоговый вычет налогоплательщик представляет:</p> <p>при строительстве или приобретении жилого дома (в том числе не оконченного строительства) или доли (долей) в нем — документы, подтверждающие право собственности на жилой дом или долю (доли) в нем;</p> <p>при приобретении квартиры, комнаты, доли (долей) в них или прав на квартиру, комнату в строящемся доме — договор о приобретении квартиры, комнаты, доли (долей) в них или прав на квартиру, комнату в строящемся доме, акт о передаче квартиры, комнаты, доли (долей) в них налогоплательщику или документы, подтверждающие право собственности на квартиру, комнату или долю (доли) в них.</p>	<p><i>Вопрос:</i> Я приобрела квартиру с помощью ипотеки. Можно ли получить в этом случае налоговый вычет?</p> <p><i>Ответ:</i> Да, действительно такое право у вас существует. Этот момент регулируется ст. 220 Налогового кодекса РФ. Согласно закону, при покупке жилья человек имеет право на налоговый вычет «в сумме, израсходованной на новое строительство либо приобретение на территории РФ жилого дома, квартиры, комнаты... в размере фактически произведенных расходов, а также в сумме, направленной на погашение процентов по целевым займам (кредитам), полученным от кредитных... организаций РФ и фактически израсходованной им на новое строительство либо приобретение на территории РФ жилого дома, квартиры, комнаты...»</p> <p>Вычет предоставляется при условии, что гражданин имеет «белые» доходы, облагаемые по-доходным налогом по ставке 13 процентов. Размер налогового вычета в части стоимости недвижимости не может превышать 1 миллион рублей. По уплаченным процентам подобных ограничений нет.</p> <p>Для получения имущественного налогового вычета следует написать заявление и приложить к нему:</p>

<p>Указанный имущественный налоговый вычет предоставляется налогоплательщику на основании письменного заявления налогоплательщика, а также платежных документов, оформленных в установленном порядке и подтверждающих факт уплаты денежных средств налогоплательщиком по произведенным расходам (квитанции к приходным ордерам, банковские выписки о перечислении денежных средств со счета покупателя на счет продавца, товарные и кассовые чеки, акты о закупке материалов у физических лиц с указанием в них адресных и паспортных данных продавца и другие документы)...</p>	<p>- документы, подтверждающие право собственности на квартиру (дом); - договор о приобретении квартиры (дома) или прав на квартиру в строящемся доме; - акт приема-передачи квартиры покупателю; - платежные документы, подтверждающие факт оплаты расходов, включаемых в налоговый вычет (квитанции к приходным ордерам, расписки продавца квартиры, банковские выписки о перечислении денежных средств в счет погашения ипотечного кредита и т.д.); - кредитный договор. Срока давности для подачи заявления на имущественный налоговый вычет не существует.</p>
--	--

Этап 1. Мы выделили следующие ключевые слова в исходном тексте: *налогоплательщик, имущественный налоговый вычет, налоговый период, собственность, жилой дом, квартира, комната, садовый домик, земельный участок, имущество, общая долевая собственность, общая совместная собственность, фактически произведенные расходы, новое строительство, не оконченный строительством дом, целевые займы (кредиты), налоговый агент.*

Ключевые слова в тексте консультации: *налоговый вычет, жилье, человек, гражданин, недвижимость, имущественный налоговый вычет, квартира, дом, строящийся дом.*

В тексте консультации из ряда имен основных для текста закона концептов *жилой дом, квартира, комната, садовый домик, земельный участок* используется только имя текстообразующего концепта *квартира (дом)*. Это обусловлено жанром текста, полученного в результате адаптации юридического текста к условиям иного дискурса (консультация): круг текстообразующих концептов определяется вопросом читательницы (*Я приобрела квар-*

тиру... Можно ли получить... налоговый вычет?), образующим информационное единство с ответом на него. В результате обращения к рассмотрению конкретной ситуации круг текстообразующих концептов сужается и уровень обобщенности содержания текста при адаптации понижается.

Этап 2. При вторичной репрезентации текстового содержания происходят лексические замены по линии *род — вид*. В адаптированном тексте употребляется существительное *жилье*, которое является гиперонимом по отношению к используемым в исходном тексте *жилой дом, квартира, комната*. Жилье — то же, что жилище (разг.). Жилище — помещение, в котором живут, можно жить: дом, квартира и т.п. (Ожегов 2001: 194—145; Словарь русского языка 1999 1: 485—486). Замена гипонимов гиперонимом указывает на повышение уровня категоризации текстообразующих концептов. Появление в тексте консультации разговорного слова *жилье*, употребление которого в текстах юридического дискурса исключено, закономерно: в текстах медийного дискурса разговорные слова используются довольно часто, поскольку они «не выходят из норм литературного словоупотребления, но сообщают речи непринужденность» (Ожегов 2001: 8).

В тексте консультации употребляются также гипонимы *человек, гражданин*, в то время как в тексте закона используется гипероним *налогоплательщик*. Налогоплательщик — плательщик налога (Ожегов 2001: 386). Налоги — обязательные платежи, взимаемые государством (центральными и местными органами власти) с физических и юридических лиц в государственные и местные бюджеты (Большой энциклопедический словарь 2001: 780). Как видим, в объем понятия *налогоплательщик* включаются не только физические, но и юридические лица (лицо физическое — человек (гражданин) как участник правоотношения; лицо юридическое — предприятие, организация, являющиеся по закону субъектами (носителями) гражданских прав и обязанностей (Большой энциклопедический словарь 2001: 653)). Таким образом, понятие *налогоплательщик* является родовым по отношению к видовым *человек, гражданин*. В результате замен гиперонима гипонимами категориальный статус данного текстообразующего концепта снижается.

При сопоставлении исходного и адаптированного вариантов текста выявлена также лексическая замена, не влияющая на категориальный статус текстообразующего концепта, но отражающая изменение дискурса функционирования текста: типичное для текстов юридического дискурса словосочетание *не оконченный строительством дом* заменяется соответствующим медийному дискурсу *строящийся дом*.

Этап 3. Сравним проценты развернутых и свернутых структур в исходном и адаптированном текстах с помощью таблицы.

Малая синтаксическая группа			Текст		
			Текст закона	Текст консультации	
Всего малых синтаксических групп			315	42	
Развернутые структуры	Простое предложение	Число	18	5	
		%	5,7	11,9	
	Главное предложение	Число	7	1	
		%	2,2	2,4	
	Придаточное предложение	Число	9	1	
		%	2,8	2,4	
	Оборот, вводная конструкция	Число	43	8	
%		13,7	19		
Итого, %			24,4	35,7	
Свернутые структуры	Определитель	Число	192	25	
		%	61	59,5	
	Именная группа	Число	0	0	
		%	0	0	
	Местоимение	Число	46	2	
		%	14,6	4,8	
	Опускание	Число	0	0	
		%	0	0	
	Итого, %			75,6	64,3

При вторичной репрезентации содержания текста увеличился процент развернутых структур, а значит, уровень категоризации информации в результате интердискурсивной адаптации понизился. Это объясняется тем, что адаптированные тексты рассчитаны на адресата, уровень осведомленности которого о предмете речи ниже уровня осведомленности адресанта.

Результаты трех этапов сопоставительного анализа исходного и адаптированного вариантов текста оказались разнонаправленными: понижение уровня категоризации информации по первому критерию; в одном случае понижение, а в другом повышение — по второму критерию; понижение — по третьему критерию. Однако в целом преобразования поверхностной структуры текста свидетельствуют о понижении уровня категоризации его содержания.

Этап 4. Способ концептуализации информации в тексте статьи 220 Налогового кодекса РФ и тексте консультации «Налоговый вычет за ипотеку» в газете «Блокнот Волгограда» понятийный: оба текста содержат юридические и экономические термины (*имущественный налоговый вычет, подоходный налог, фактически произведенные расходы, целевые займы (кредиты), собственность* и др.). В тексте медийного дискурса отмечен единственный случай употребления слова с субъективно-модальным значением: *«белые» доходы*, то есть официальные, облагаемые подоходным налогом доходы (в отличие от «черных зарплат», «зарплат в конверте»), — однако он не меняет общей тональности текста, а иностилевой характер данного слова подчеркивается употреблением его в кавычках.

Как видим, вторичная репрезентация содержания текста связана с преобразованием поверхностной структуры текста, которое отражает изменения, происходящие на его глубинном уровне, и напрямую зависит от условий функционирования текста — целевой установки автора, уровня компетенции адресата, жанровой принадлежности адаптированного текста. Таким образом, дискурсивные характеристики играют определяющую роль при адаптации текста и должны учитываться при исследовании процессов восприятия, понимания и построения текстовых сообщений.

Список литературы

1. Фрумкина Р.М. Психолингвистика : учеб. пособ. — 3-е изд., испр. — М. : Академия, 2007. — 320 с.
2. Ионова С.В. Вторичный текст в концепциях текстуальности и интертекстуальности //

List of literature

1. Frumkiina R.M. Psiixoliingviistiika : uchieb. posob. — 3-je iizd., iispr. — M. : Akadiemiija, 2007. — 320 p.
2. Iihonova S.V. Vtoriichnyyj tiekst v konthiepthiijax tiekstualinostii ii iintiertiektstualinostii // Fiilologi-

- Филологические науки. — 2006. — № 4. — С. 87—95.
3. Мурзин Л.Н. Текст и его восприятие / Л.Н. Мурзин, А.С. Штерн. — Свдловск : Изд-во Урал. ун-та, 1991. — 172 с.
4. Затонская А.С. Объективный прагмалингвистический эксперимент (на материале философской работы Л. Шестова «Апофеоз беспочвенности») // Филол. вест. Рост. гос. ун-та. — 2004. — № 3. — С. 33—37.
- ichieskiije naukii. — 2006. — № 4. — P. 87—95.
3. Murziin L.N. Tiekst ii jego vospriijatiije / L.N. Murziin, A.S. Shtiern. — Sviedlovsk : Iizd-vo Ural. un-ta, 1991. — 172 p.
4. Zatonskaja A.S. Obyjektivnyyj pragmaliiingviistiichieskiiij ekspierimient (na matieriihalie fiilo-sofskoj raboty L. Shiestova «Apofieoz biespochviennostii») // Fiilol. viest. Rost. gos. un-ta. — 2004. — № 3. — P. 33—37.

ЭТИМОЛОГИЯ СЛОВ ЗНАТЬ И ВЕДАТЬ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКОЛОГИИ

Г. Н. Исяндавлетова

Слова, которые мы используем в нашей ежедневной жизни, формируют оригинальный мир, имеющий особенности и законы, тайны, истории. Специальная научная этимология занимается объяснением происхождения слов. В современной языковедческой науке термин “этимология” имеет различные значения. Для начала, это – секция лингвистики, изучающая происхождение слов. Во-вторых, этимология – значение слова. Термин также используется для следующих выражений: этимологизация, этимологизирование, этимологический анализ слова.

Ключевые слова: историческая лексикология, этимология, словоизменение, семантика.

Слова, которыми мы пользуемся в нашей повседневной жизни, образуют своеобразный мир, имеющий свои особенности и закономерности, свои нераскрытые тайны, свою историю. Объяснением происхождения слов занимается специальная наука этимология. В современной языковедческой практике термин «этимология» имеет разные значения. Во-первых, это раздел языкознания, изучающий происхождение слов. Во-вторых, этимология – происхождение слова. В этом же значении употребляются термины: этимологизация, этимологизирование, этимологический анализ слова. Этимологизировать – значит устанавливать первоначальное значение слова, т. е. отыскивать то исходное слово (этимон), от которого произошло рассматриваемое слово. Этимологический анализ слова – определение ранее существовавшего морфологического строения слова и его прошлых словообразовательных связей. При этимологическом анализе производится семантическая реконструкция слова, уточняется первоначальное значение слова.

Рассмотрим значение и происхождение двух слов: *ведать* и *знать*.

Ведать. Основное значение слова *ведать* – «знать, иметь сведения о ком-либо, чём-либо». В этом значении глагол встречается в памятниках различного характера: в деловых актах, в грамотах, в разговорниках, в составе пословиц, в былинах. Слово образовано от общеславянского **вѣсти** – «знать», возникшего из праслав. ***vedti** после изменения $dt > tt > ct$ (Шанский. С. 72). В этимологическое гнездо, образованное от данного глагола, входят и такие слова, как: 1) *ведомость* (фиксируется в памятниках с XIV в., образовано с помощью суффикса *-ость* от **вѣдомый** – «знакомый, известный», первоначально страдательного причастия от **вѣдѣти** «знать»; 2) от **вѣдомый** образовано посредством присоединения суффикса *-ство* также *ведомство* (Шанский. С. 72), 3) общеслав. *ведьма* образовано с помощью суффикса *-м(а)* от **вѣдь** «знание», в свою очередь производно посредством темы *-ь (> i)* от **вѣдѣти** «знать», первоначально «знающая, ведающая», в дальнейшем «колдунья»), 4) общеслав. *невеста*, по одной из версий образованное с помощью приставки *не-* от исчезнувшего существительного **вѣста** «знакомая», производного посредством суффикса *-т-* от **вѣдѣти** «знать», поэтому первоначально *невеста* «неизвестная, незнакомая», 5) *поведать* в результате изменения $d > c$ перед суффиксом *-т-*, 6) *сведетель*, которое было образовано от глагола **ведать**, а в современном русском языке, будучи соотносённым с глаголом *видеть*, приобрело форму *свидетель*; 6) *вежды* (глазные веки, глаза), заимствованное из ст.-сл. языка, было образовано с помощью суффикса *-j-* от **вѣдѣти** в значении «видеть» (**вѣдја** > **вѣжда** > *вежда*); 7) *вежливый* (др.-русское) производное с помощью суффикса *-ьлив-* (совр. *-лив-*) от неупотребительного сейчас *вежа* – «знаток», производного посредством суффикса *-j-* от **вѣдѣти** «знать», где $dj > ж$; первоначально означало «знающий, опытный», с XVI в. употребляется и в современном значении. По наблюдениям Е. И. Зиновьевой, знание, наука, ученость обозначаются однокоренным с глаголом *ведать* существительным *вежество* [Зиновьева]. Люди, обладающие «веданием», недоступным другим, называются *ведун*, *ведунья*, *ведьма*, *вежливец*, они занимаются *ведунством* или *ведовством* – «знахарством, колдовством, ворожкой», способны *веду-*

новать – «подчинять волшебной силе; зачаровывать». (Зиновьева Е.И. С. 49) *Ведьма* – один из основных персонажей демонологии восточных и западных славян, сочетающий в себе черты реальной женщины и демона. По народным представлениям обычная женщина становилась ведьмой, если в неё вселялся злой дух, дьявол, душа умершего; если она сожительствовала с чертом, бесом, змеем или заключала с ними сделку ради обогащения [1. С. 70].

Наряду с глаголом *ведать* в текстах XVI – XVII вв. встречается его синоним – *знать*, но глагол *знать* является в данный период времени гораздо менее употребительным, чем глагол *ведать*. *Знать* – обладать знаниями (знать), иметь сведения о ком-либо или о чем-либо (знание – знакомство), знание – умение. Праслав. *znать образовано с суффиксом -t-ь (как *честь*) от и.-е. *gen-«знать». В его этимологическое гнездо входят следующие слова: 1) восточнославянское *знахарь* – деревенский лекарь-самоучка, умеющий врачевать недуги и облегчать телесные страдания не только людей, но и животных. В памятниках отмечается с XV в. По поводу происхождения существительного *знахарь* авторы «Этимологического словаря русского языка» под редакцией Н.М. Шанского пишут следующее: «Образовано с помощью суффикса -арь от *знати* с интервокальным -х- (вместо *знаарь*), сравните *жить* – диал. *жихарь* «житель», *баять* – диалектное *бахарь* «болтун». Менее убедительна реконструкция словообразовательной цепочки *знать* > *знаха* > *знахарь* <...>, так как *nomen agentis* на -арь не образуется от слов, уже имеющих значение деятеля» (Шанский). Словообразовательная цепочка *знать* > *знаха* > *знахарь* подтверждается рядом диалектных образований, созданных по словообразовательной модели: «основа глагола + суффикс -ах- со значением действующего лица + суффикс -арь с аналогичным значением: *бать* «говорить» > *бах* – «говорун, краснобай» и *баха'* – «человек, ведущий непристойные разговоры» > *ба'харь* – «говорун, краснобай»; *взять* > *взях* – «взяточник» и *взяха* – «взятчица» > *взяхарь* – «взяточник»; *дать* > *дах* > *да'харь* – «тот, кто дает или дарит что-либо» [6. С. 34]. По мнению Л.И. Шелеповой, присоединение к некоторым именам со значением лица, образованным с помощью суффикса -ах-, суффикса -арь- обусловлено

стремлением подчеркнуть значение *nomina agentis* [6. С. 34]. Однако, учитывая современные и более древние особенности в образовании имён деятеля, когда от глагола образовывалось существительное *nomen agentis* мужского рода, а от него – существительное женского рода, можно предположить, что приведённые выше примеры существительных *nomina agentis* образованы от глагола параллельно. Таким образом, можно представить фрагмент этимологического гнезда *знати* в следующем виде: *знати* > *зна-х-арь*, *знати* > *знах-□* // *знах-а*. 2) Общеслав. *знамя* образовано с помощью суффикса **-men* (> *-мя*) от *знати* в значении «отличительный знак, отметина» (Шанский. С. 164); 3) от слова *gnosis* «познание» > *diagnosis* образовался медицинский термин *диагноз* – «распознавание», «определение болезни»; 4) от глагола *знати* в древности образовано с помощью суффа. *-ък-ъ* существительное *знакъ* > *знак*, «черта, рубец», т.е. помета о том, что данный предмет уже видели и отличили его от других; 5) сюда же относится свидетельство словоупотребления активного до сих пор русского *знаться* (с кем-либо) со значением – «быть в близких отношениях, общаться (о людях)»; 6) общеслав. **priznati* > русск. *признать*, которое наиболее употребительно в контекстах типа «признать своё, признать своим, признать за собой, признаться».

Таким образом, этимологический анализ слов позволяет восстановить утерянные промежуточные звенья в процессе образования слов, выстроить цепочку последовательных словоизменений, выявить семантику, происхождение того или иного слова.

Список литературы

1. Виноградова Л.Н. Ведьма // Славянская мифология. Энциклопедический словарь. – М.: Эллис Лак, 1995. – С.70-73.
2. Зиновьева Е.И. Концепт «ведания» в обиходном языке Московской Руси XVI - XVII вв. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 9. 2008. Вып. 1. С.49

List of literature

1. Viinogradova L.N. Viedima // Slavianskaja miifologija. Enthiiklopie-diichieskijj slovare. – М.: Elliis Lak, 1995. – P.70-73.
2. Ziinovijeva JE.II. Konthiept «viedaniiija» v obiixodnom jazyukie Moskovskoj Rusii XVI - XVII vv. // Viestniik Sankt-Pietierburgskogo uniiviersiitieta. Sier. 9. 2008. Vyyp. 1. P.49

3. Смирницкий А.И. По поводу конверсии в английском языке // Иностранные языки в школе. – 1954. - №3. – С.8-16.
4. Цыганенко Г.П. Этимологический словарь русского языка.- 2-е изд, К.: Рад.шк.,1989.
5. Шанский – Шанский Н.М. Краткий этимологический словарь русского языка.
6. Шелеева Л.И. Русская этимология: теория и практика. – М.: Издательский центр «Академия», 2007. – 128 с.
3. Smiirniithkiiij A.II. Po povodu konviersiihii v angliijskom jazyykie // Iinostrannyuje jazyykii v shkolie. – 1954. - №3. – P.8-16.
4. Thyyganiienko G.P. Etiimologičieskiiij slovari russkogo jazyyka.- 2-je iizd, K.: Rad.shk.,1989.
5. Shanskiiij - Shanskiiij N.M. Kratkiiij etiimologiichieskiiij slovari russkogo jazyyka.
6. Shieliiepova L.II. Russkaja etiimologiija: teorriija ii praktiika. – M.: Iizdatieliskiiij thientr «Aka-diemiiija», 2007. – 128 p.

ТЕМАТИЧЕСКАЯ ГРУППА КАК ПАРАДИГМАТИЧЕСКОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ СЛОВ

И. В. Кременецкая

Статья посвящена актуальной проблеме современного языкознания – систематизации словарного состава языка. Рассматриваются структурно-семантические отношения в одном из парадигматических объединений слов – в тематической группе. Предпринимается попытка доказать, что слова объединяются в тематические группы не только на основе экстралингвистических факторов, но и чисто лингвистических признаков.

Ключевые слова: словарный состав, парадигматика, тематические группы слов.

Лексика языка не является простой совокупностью множества отдельных элементов. Каждая лексическая единица, будучи самостоятельной, характеризуется определенными отношениями с другими единицами одного и разных с ней уровней языковой структуры. Парадигматические группировки всего словаря в целом не описаны ни для одного языка. Поэтому и представляются обоснованными исследования в данном направлении с конечной целью создать словарь лексико-семантических парадигм, учитывая предшествующие разработки в этой области.

Тематическая группа слов является одной из парадигматических группировок языка. Тематическая группа – это объединение лексических единиц, используемых при общении на определенную тему без учета особенностей и условий акта общения. Основой интеграции тематической группы служат связи предметов реального мира, являющиеся денотатами словесных знаков, составляющих тематическую группу.

Задача описания значений слов типа “стол, чашка, глаз” вызывает споры о том, что же следует считать собственно семантической информацией, а что – энциклопедической. Отзвуки этих размышлений отражаются в терминологии разных авторов, на-

зывающих подобные имена “денотативными”, лексику “идентифицирующей”, “конкретной”.

Очевидно, что нет никаких оснований при семантическом анализе одних слов стремиться к их исчерпывающему разложению на семантические компоненты, а при анализе других заранее отказываться от таких попыток. Однако, дело в том, что эти попытки приводят в разных случаях к разным результатам. Одни лексические единицы действительно допускают разложение на элементарные семантические признаки, другие явно противостоят такому разложению. Граница между различными частями лексики не вполне совпадает с той границей, которую можно было бы провести на основании априорного исключения из семантического анализа “конкретной” лексики.

Определены три основных критерия объединения слов в тематическую группу. Слова могут объединяться в одной тематической группе при наличии:

- 1) связи между предметами, обозначенными словами;
- 2) отношений между этими словами, типа род-вид, часть-целое;
- 3) соотносимых контекстов.

На основании данных критериев можно объединить английские существительные *face, eye, mouth, nose* в тематическую группу “лицо и его части”. Семантика единиц определяет семантику их отношений, т.е. определяет как внутрипарадигматические, так и межпарадигматические связи. В связи с этим исследование следует начинать с анализа семантики лексико-семантических вариантов.

Слово - это система форм и значений. Единством звучания, морфологического строения, значения и системы форм характеризуется только лексико-семантический вариант, а слово представляется как инвариант нескольких лексико-семантических вариантов (ЛСВ), принадлежащих к одной части речи, имеющих общий морфологический состав и сходные компоненты лексического значения.

Лексико-семантический вариант слова - это двусторонний языковой знак, который определяется единством звучания и значения, сохраняя неизменное лексическое значение в пределах

присущих ему парадигмы и системы синтаксических связей.

Под семой понимается следующее: каждая сема представляет собой отражение в сознании носителей языка различительных черт, объективно присущих денотату, либо приписываемых ему данной языковой средой и, следовательно, являющихся объективными по отношению к каждому говорящему.

Статус ЛСВ определяется с ориентировкой на все слова тематической группы “Лицо и его части”. При этом значениями самостоятельных ЛСВ признаются только те смысловые единицы, которые связаны с остальными отношениями пересечения и семантической омонимии. Например, $mouth_1$ рот - $mouth_2$ обжора - пересечение; $face_1$ наглость - $face_2$ поверхность - семантическая омонимия.

Смысловые единицы, связанные отношениями включения и общей денотативной отнесенности объединяются и рассматриваются в качестве одного ЛСВ: eye -часть лица - орган зрения - общая денотативная отнесенность; $nose$ - нечто, похожее на нос - носик чайника - включение.

Таким образом, определены следующие ЛСВ существительных $face$, eye , $mouth$, $nose$:

$face_1$ - лицо	eye_1 - часть лица-орган зрения	$mouth_1$ - часть лица - орган пищеварения, орган речи	$nose_1$ - часть лица-орган обоняния
$face_2$ - выражения лица	eye_2 - взгляд	$mouth_2$ - гримаса	$nose_2$ - обоняние
$face_3$ - гримаса	eye_3 - зрение	$mouth_3$ - обжора, едок	$nose_3$ - шпион, сыщик
$face_4$ - наглость	eye_4 - нечто похожее на глаз	$mouth_4$ - болтун, оратор	$nose_4$ - нечто похожее на нос
$face_5$ - достоинство, честь		$mouth_5$ - речь, произношение	
$face_6$ - поверхность, лицевая сторона		$mouth_6$ - нечто похожее на рот	

В результате контекстологического анализа изучаемых существительных было обнаружено, что не все семы, составляющие содержание ЛСВ, одинаково участвуют в их реализации. Степень их активности, их соотношение меняется в зависимости от окружения, от сочетания со словами той или иной семантической группы. Причем соотношение сем основных ЛСВ английских существительных, обозначающих лицо и его части, является приблизительно одинаковым в аналогичных синтагматических моделях в сочетаниях со словами одних и тех же семантических групп.

В данной работе установлено, что наиболее значимой для определения семантических компонентов существительных является модель “признак предмета”. Отражая объективную реальность, словосочетания А + N являются единицами языка, в которых прилагательное - “признак” как бы притягивает к себе тот или иной компонент содержания существительного - “предмета”.

Например, *sad face* - печальное лицо, *happy face* - счастливое лицо. Основной компонент прилагательных *sad* и *happy* - эмоциональное состояние.

В словосочетаниях с данными прилагательными раскрывается семантический компонент «отражение эмоционального состояния» существительного *face*.

Более того, среди рассмотренных контекстов употребления существительного *face* обнаруживаются и такие, в которых данное слово употребляется в значении *man, person*.

She was in a group of jolly faces all apparently emitting great clouds of heavy smoke. (F.S.Fitzgerald. Selected Short Stories., p. 12)

Так как существительное *eye* вступает в словосочетания с прилагательными и причастиями, характеризующими человека, то можно предположить, что *eye* также как *face* способно обозначать всего человека в целом.

Для проверки данного предположения рассмотрим контекст существительного *eye*, реализующий модель «субъект - действие», являющуюся диагностической для существительных, обозначающих живое существо.

Those eyes would not kick a dog or beat a child or do anything of that kind. (J.Aldrige. The Sea Eagle.,p. 69)

Глагол to kick (ударить) с существительным eye “часть лица - орган зрения” семантически не совместим. Eye употребляется в данном предложении в значении “человек” и является контекстуальным синонимом существительного man.

Таким образом, можно констатировать, что существительное eye также, как и существительное face способно употребляться в значении man. Оно не фиксируется словарями английского языка, так как не обладает достаточной частотностью употребления в речи, закрепленностью данными существительными. ЛСВ face, eye “человек” находятся в гиперо-гипонимических отношениях с ЛСВ mouth “обжора”₁, «болтун»₂ и ЛСВ pose «сыщик», т.е. они являются членами тематической группы с архисемой «человек».

В целом исследование существительных face, eye, mouth, pose подтвердило гипотезу о том, что слова, обозначающие предметы, связанные между собой, имеют сходные структурные и семантические признаки; общие закономерности функционирования в речи. Они входят в две тематические группы:

1) с семой-доминантой “часть головы, выражающая эмоции”; между членами группы наблюдается отношения “целое-часть”;

2) с архисемой “человек”; между членами группы существуют отношения “род-вид» (гиперо-гипонимические).

Членами первой тематической группы являются ЛСВ: face₁ - передняя часть головы, mouth₁ - часть головы/лица - орган пищеварения, орган речи, pose₁ - часть головы/лица - орган обоняния, eye₁ - часть головы/лица - орган зрения.

Членами второй тематической группы являются ЛСВ: face, - человек, eye - человек, mouth₁ - обжора, mouth₂ - болтун, pose - сыщик.

ТРАНСПОЗИЦИЯ ОТГЛАГОЛЬНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

Н. Д. Кручинкина

Применительно к отглагольным существительным, статья имеет дело с гипотезой, заявляющей, что семантическая история развития вторичных значений производных глаголов зависит от категорического значения мотивирующего слова как часть речи, на его тематическом и лексическом значении, и на степени производного использования слова в разговорном значении.

Ключевые слова: транспозиция, отглагольные существительные, словообразование.

Термин *транспозиция* принадлежит известному швейцарскому лингвисту Ш. Балли [1. С. 130-143]. Этим термином Ш. Балли обозначил явление, тесно связанное с динамическим характером языковой системы. Продолжая разработку идей своего великого учителя Ф. де Соссюра о системной сущности языка, ученый характеризует закономерность транспозиции: «Языковой знак, полностью сохраняя свое семантическое значение, может изменить грамматическое значение, приняв на себя функцию какой-нибудь лексической категории (существительного, глагола, прилагательного, наречия), к которой он не принадлежит» [1. С. 130]. При этом Ш. Балли имел в виду разного рода изменения (суффиксальной и несуффиксальной природы) слова как части речи. Позднее эта идея нашла разную интерпретацию в работах известных лингвистов. Так, Е. Курилович связал ее с соотношением семантической деривации с деривацией грамматической [6. С. 57].

В.Г. Гак отметил, что отглагольные существительные определенной семантики весьма распространены во французском языке [2. С. 67-72]. Наибольший интерес в плане транспозиции для нас представляют отглагольные существительные, которые обозначают процессность (действие, состояние) [4. С. 218-221]: *marcher* → *la marche*; *entrer* → *l'entrée*; *sortir* → *la sortie*; *jeter* → *le jet*, *la jetée*; *partir* → *le départ*; *chauffer* → *le chauffage*; *travailler* →

le travail; doner → le doner; souper → le souper; dūjeuner → le dūjeuner; ÷voluer → l'÷volution; proposer → la proposition; gouverner → le gouvernement и др.

Н.А. Катагощина в свое время обратила внимание на продуктивность идеи опоры на семантическую основу при определении направления производности [3. С. 22-28]. Анализируя процесс установления словообразовательного значения в производном слове, исходящем из значения производящего, семантически мотивирующего слова, Е.С. Кубрякова выявляет свойство двойной референции в производных словах [5. С. 99]. В языковом плане на развитие деривационной семантической истории производного слова, как вполне справедливо замечено, влияет категориальное значение мотивирующего слова как определенной части речи: «общекатегориальное значение прорастает у такой единицы, будучи преломленным через ее собственное уникальное значение»: «в принципе мотивирующее слово выступает в акте наречения и как представитель своей части речи, и как представитель определенного лексико-семантического разряда» [5. С. 112].

Отмеченная Ш. Балли семантическая транспозиция значений может иметь место не только благодаря словообразовательной деривации слов, но и за пределами процесса суффиксального словообразования [7. С. 193-210]. Однако при семантической деривации словообразовательного характера особенно наглядно просматривается системная сущность языка в ее разноуровневых проявлениях.

При отглагольной деривации существительных с одной стороны появляется новое оформление лексической основы производящего слова. С другой стороны на первом этапе появления в языке отглагольного существительного в этой новой частеречной форме сохраняется категориальное значение глагольности – значение процесса. Это означает, что на начальной стадии межкатегориальной отглагольной деривации грамматически транспонированная часть речи еще долгое время сохраняет значение, унаследованное субстантивным транспозитом от производящей словоформы: *bavarder → le bavardage* (процесс болтовни); *÷voluer → l'÷volution* (процесс эволюции); *se rassembler → le rassemblement*

(процесс сбора); *lire* → *la lecture* (процесс чтения); *parler* → *le parlement* (процесс говорения); *lancer* → *le lancement* (процесс запуска); *unir* → *l'union* (процесс объединения).

На основе анализа данных словарей французского языка можно сделать вывод, что в целом новая, грамматически транспонированная форма производящей части речи очень медленно и по-разному семантически транспонирует обретенное от категориального значения мотивирующего слова значение процессности. В идеальном случае новая частеречная форма грамматического транспозита производящей основы должна иметь категориальное значение предметности. Это бы означало соответствие категориального означающего грамматического транспозита его категориальному означаемому: их категориальный изоморфизм. Однако, видимо, сам процесс формирования лексико-семантической парадигмы сигнификативного значения отглагольных существительных, означаемое которых несимметрично в концептуальном плане их означающему, для языкового мышления очень сложен. Поэтому значительные промежутки времени отделяют появление в языке самого производящего глагола и формирование соответствующего отглагольного существительного. Этот временной диапазон мог составлять от 100 до 500 лет.

Когнитивный аспект создания новых словоформ не является простым формальным упражнением. Для создания субстантивных словоформ отглагольной природы необходимо и соответствующее состояние языкового сознания и мышления, и референциальная потребность в таких языковых номинациях. Внутрикатегориальная семантическая транспозиция категориального значения производящего глагола в рамках новой, субстантивной словоформы также могла занимать очень большой диапазон времени.

Например, отглагольное существительное *l'arrivée* зарегистрировано словарем «Lexis» как появившееся в языке через 500 лет после появления глагола *arriver* [8. С. 112]. Первым его значением было категориальное значение производящего слова – действие: *On signale l'arrivée du train* [8. С. 112]. Ассоциативное значение, связанное с процессом движения, позволило актуа-

лизировать в существительном *l'arrivée* значение времени: *A l'arrivée une déception attendait les enfants* (Cocteau): [8. С. 112] и места действия: *Où est l'arrivée?* [9. С. 76].

Идентичные результаты получаем из анализа словарных данных по другим глаголам движения, послужившим производящими словами для образованных от них отглагольных существительных, что подтверждает выше приведенные слова Н.А. Катагощиной о продуктивности семантического подхода к словообразованию и мысль Е.С. Кубряковой о семантико-грамматических закономерностях межкатегориальной транспозиции.

Анализ словарных данных подтверждает также и вторую часть высказывания Е.С. Кубряковой. В частных моментах семантическая транспозиция даже внутри производных лексем одной лексико-семантической группы протекает индивидуально. Например, отглагольная лексема *rentrée* наряду с общим значением *возвращение* приобрела частное лексическое значение *возобновления – начало нового учебного года* (в школах и вузах).

Список литературы

1. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. Пер. с фр. / Ш. Балли. – М.: Изд-во лит. на иностр. яз., 1955. – 416 с.
2. Гак В.Г. Сопоставительная лексикология / В.Г. Гак. – М.: Междунар. отношения, 1977. – 264 с.
3. Катагощина Н.А. Как образуются слова во французском языке / Н.А. Катагощина. – М.: Просвещение, 1980. – 110 с.
4. Кручинкина Н.Д. Особенности семантической деривации при межкатегориальном суффиксальном словообразовании / Н.Д. Кручинкина // Актуальные проблемы истории и теории романских языков. – М.: ООО «Диона», 2008. – С. 218–221.

List of literature

1. Ballii SH. Obshhaja lingviistiika ii voprosyу franthuzskogo jazyuka. Pier. s fr. / SH. Ballii. – М.: Iizd-vo liit. na iinostr. jaz., 1955. – 416 pp.
2. Gak V.G. Sopotaviitielinaja lieksii-kologiiija / V.G. Gak. – М.: Miezhdunar. otnoshieniija, 1977. – 264 p.
3. Katagoshhiina N.A. Kak obrazujutsia slova vo franthuzskom jazyukie / N.A. Katagoshhiina. – М.: Prosvieshhieniije, 1980. – 110 pp.
4. Kruchiinkiina N.D. Osobiennosti siiemantiichieskoj dieriivathiihii prii miezhkatiegoriihalinom suffiiksalinom slovoobrazovaniihii / N.D. Kruchiinkiina // Aktualinyyje problie-my iistoriihii ii teoriihii romanskiix jazyukov. – М.: ООО «Diihona», 2008. – P. 218–221.

5. Кубрякова Е.С. Типы языковых значений. Семантика производного слова / Е.С. Кубрякова / Отв. ред. Е.А. Земская. – М.: Наука, 1981. – 200с.
6. Курилович Е. Очерки по лингвистике / Е. Курилович. – М.: Изд-во лит.на иностр.язык., 1962. – 490 с.
7. Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики / Д.Н. Шмелев. – М.: Наука, 1973. – 280 с.
8. Dictionnaire de la langue française. Lexis. – P.: Larousse, 1994. – 2109 p. В тексте: Lexis.
9. Le Robert mѳthodique. – P.: Larousse, 1983. – 1553 p.
5. Kubriakova JE.S. Tiipyu jazykovykh znachienii. Siemantiika proizvodnogo slova / JE.S. Kubriakova / ed. JE.A. Ziemskaja. – M.: Nauka, 1981. – 200 p.
6. Kuriiloviich JE. Ochierkii po lingviistiikie / JE. Kuriiloviich. – M.: Iizd-vo liit.na iinostr.jazyk., 1962. – 490 p.
7. Shmieliev D.N. Problemyy siemantiichieskogo analiiza lieksiikii / D.N. Shmieliev. – M.: Nauka, 1973. – 280 p.
8. Dictionnaire de la langue française. Lexis. – P.: Larousse, 1994. – 2109 p. V tiekstie: Lexis.
9. Le Robert mѳthodique. – P.: Larousse, 1983. – 1553 p.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ФРАЗОВОГО ГЛАГОЛА И ПРОБЛЕМА ПОСЛЕЛОГА

Д. С. Малых

В статье рассматривается значимость и свойства фразовых глаголов для английского языка, выделяются их характерные признаки и свойства. Дается понятие «послеслог» и сформулирована проблема употребления послелога. Приводятся примеры образования и использования фразовых глаголов, которые соответствуют общей тенденции развития языка.

Ключевые слова: послелог, фразовый глагол, фразеологические единицы, постпозитивы.

Значимость фразовых глаголов для английского языка достаточно велика, поскольку они представляют живой язык общения. Фразовые глаголы широко используются не только в разговорном английском языке. Многие из таких глаголов стали неотъемлемой частью языка газет, юриспруденции и экономики. Это объясняется тем, что многие фразовые глаголы с течением времени изменили «свое лицо», то есть перешли из одного стилистического пласта в другой, обрели новые значения и утратили старые.

Некоторые фразовые глаголы получили более частое употребление, чем «простые» глаголы, являющиеся их синонимами. Употребление фразовых глаголов характерно и для официально-делового стиля.

По мнению А.В. Кунина, фразеологические единицы представляют собой сочетания слов, компоненты которых настолько связаны друг с другом, что значение целого не выводится из совокупности значений, входящих в него частей [А.В. Кунин, 1970; с. 210]. Глагольная фразеологическая единица - это устойчивое сочетание лексем с полностью или частично переосмысленным значением, ядром которого является глагол. Глагол является ядром структуры предложения, именно глагол задает будущий состав предложений, диктует количественный состав участников

называемого глагольного действия.

Дж. Поуви дает следующее определение фразового глагола. Фразовый глагол – это сочетание «простого» глагола (например: *come, put, go*) и адвербиального послелога (например: *in, off, up*), представляющее единую семантическую и синтаксическую единицу [J Povey, 1990; с 4]. Дж. Поуви, подтверждая свое определение, выделила следующие характерные признаки фразового глагола:

1. Фразовый глагол может быть заменен «простым» глаголом. Это характеризует фразовый глагол как семантическое единство:

call up – telephone

come by – obtain

put off – postpone

put up with – tolerate.

Но этот критерий не является общим для всех фразовых глаголов, т.к. эквивалентом многих фразовых глаголов является словосочетание:

break down – stop functioning

make up – apply cosmetics

take off – of a plane – leave the ground.

2. Идиоматичность является еще одним признаком фразовых глаголов. Под идиомой часто понимается сочетание двух или более слов, значение которых не совпадает со значением составляющих. Многие фразовые глаголы обладают значением, которое невозможно вывести из значений его компонентов:

bring up – educate

give up – stop doing, using, etc.

go off – explode; ring

come by – obtain.

Однако данный критерий так же не является общим для всех фразовых глаголов, кроме того, сложно определить, является ли значение глагола идиоматичным. Так, например, глаголы *fall down* и *pull off*, с одной стороны, не обладают идиоматичным значением:

fall down – падать, упасть

pull off – снимать, стаскивать.

Но, с другой стороны, у этих глаголов есть и переосмысленные словарные значения:

fall down – 1) преклоняться (to someone in power)

2) провалиться, неудачно окончиться

pull off – 1) добиться, несмотря на трудности

2) выиграть (приз, состязание).

Итак, данное свойство не является основным для фразовых глаголов, т.к. иногда значение глагола можно вывести из его компонентов. Некоторые фразовые глаголы имеют два и более значения, одни из которых идиоматичны, другие же напротив, легко выводятся из компонентов.

3. Многие лингвисты рассматривают способность фразового глагола к образованию пассивных конструкций как одного из основных его свойств. Дж. Поуви определяет его термином «пассивизация».

Например:

Payments are limited to 10% each month.

This medicine must be measured out exactly.

4. Еще одним свойством фразовых глаголов является то, что вопросы, формируемые с помощью фразовых глаголов, имеют местоименные формы *who (m)* или *what*, а не формы наречий *where* или *when*. **Это свойство фразовых глаголов может использоваться для различения фразовых глаголов от простых глаголов с предлогом** [J Povey, 1990; с. 8 – 11].

Несмотря на то, что все свойства фразовых глаголов, описанные выше, могут использоваться при определении, является ли комбинация фразовым глаголом или нет, ни одно из них не является абсолютно достоверным. Поскольку всегда существует множество исключений и пограничных случаев, что не удивительно, учитывая огромное количество подобных образований и их вариантов. Многие ученые соглашались с тем, что невозможно провести четкую грань между фразовыми глаголами с одной стороны и глаголами с «чистыми» наречиями и предлогами с другой.

Процесс образования фразовых глаголов в английском языке соответствует общей тенденции развития языка. В основе этой тенденции лежит семантический анализ, состоящий в том, что

каждый отдельный элемент сложной идеи выражается отдельным словом. Также Л. П. Смит полагает, что фразовые глаголы соответствуют приставочным глаголам синтетических языков, например *fall out* – *excidere*, *ausfallen* [Л. П. Смит, 1959; с. 100].

В этих сочетаниях глагол должен быть обязательно исконно английским, а вот о характере второго компонента существует несколько мнений. Так, А. В. Кунин полагает, что второй компонент представляет собой некое неполноценное слово, находящееся на полпути между морфемой и лексемой; в этом случае, однако, сочетание подобного типа также оказывается где-то между словом и словосочетанием. По мнению Н. Н. Амосовой, второй компонент — самостоятельное слово, выполняющее функции служебной части речи [Н. И. Амосова, 1963; с. 134]. Это мнение совпадает с точкой зрения А. И. Смирницкого, называющего второй компонент предложным наречием [А. И. Смирницкий, 1956; с. 212]. Принятые в отечественной лексикологии наименования «послелог», или «постпозитив», указывают на позицию элемента в сочетании. Исторически послелогии восходят к предлогам и наречиям, и это объясняет принятое английское наименование *ad-verb*. В современном языке, однако, постпозитивы отличаются от наречий тем, что не имеют ни описательного характера, ни самостоятельной функции в предложении, но вместо этого влияют на семантику глагола, что не свойственно наречию.

В англистике принято называть предлог или наречие, стоящее после глагола, «послелогом» или «постпозитивом». Хотя Н. Н. Амосова критикует термин «послелог» и говорит о том, что «послелог – формат, выражающий отношение между словами в словосочетании и помещаемый в исходе управляемого им слова или в постпозиции к нему. Здесь на лицо терминологический промах, не имеющий отношения к определению языковой сущности явления» [Н. И. Амосова, 1963; с. 133]. А. А. Керлин дает такое определение послелога – это словообразовательный неизменяемый элемент, который стоит после глагола и образует с ним единое смысловое целое (составной глагол). Утратив свое реальное вещественное значение или сохранив его в ослабленном виде, послелог изменяет, уточняет, дополняет значение глагола, к которо-

му он относится [А. А. Керлин, 1956; с.8]. Анализ послелогов показывает, что они многозначны: многие из них имеют несколько значений и могут осуществлять различные типы связей.

Постпозитивы – это служебные слова особого рода. Их функция средства направительного, видового и усилительного уточнения значения глагола и составляет их значение и языковое назначение.

Будучи служебными словами, постпозитивы находятся в одном ряду с предлогами, союзами, частицами, артиклями, отличаясь от них всех своими функциями и сочетаемостью.

Список литературы

1. Амосова Н. И. Основы английской фразеологии. - Л., 1963.
2. Керлин А. А., Кузнец М. Д. Составные глаголы в современном английском языке. – Л.: Учпедгиз, Ленинградское отделение, 1956.
3. Кунин А.В. Английская фразеология (теоретический курс). – М.: Высшая школа, 1970.
4. Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка. - М, 1986.
5. Смирницкий А. И. Лексикология английского языка. - М, 1956.
6. Смит Л. П. Фразеология английского языка. Перевод [с англ.] И. С. Игнатъева. – М.: Учпедгиз, 1959
7. J. Povey. Phrasal Verbs and How to Use Them. - М, 1990

Используемые словари

1. Мюллер В. К. Новый англо-русский словарь/ Изд-во «Русский язык», В. К. Мюллер, В. Л. Данилевский и др. – 9-е изд. – М.: Русский язык, 2002.

List of literature

1. Amosova N. I. Osnovyvy anglijskoj frazieologii. - L., 1963.
2. Kierliin A. A., Kuznieth M. D. So-stavnnyje glagoly v sovriemiennom anglijskom jazykie. –L.: Uchpiediizd, Lieniingradskoje otdielieniije, 1956.
3. Kuniin A.V. Anglijskaja frazieologiiija (tieorietiiichieskiiij kurs). – М.: Vyysshaja shkola, 1970.
4. Kuniin A. V. Kurs frazieologiiihii sovriemiennogo anglijskogo jazyuka. - М, 1986.
5. Smiirniithkiiij A. II. Lieksiikologiiija anglijskogo jazyuka. - М, 1956.
6. Smiit L. P. Frazieologiiija anglijskogo jazyuka. Pierievod [s angl.] II. S. Iignatijeva. – М.: Uchpiediizd, 1959.
7. J. Povey. Phrasal Verbs and How to Use Them. - М, 1990.

List of the used dictionaries

1. Miullier V. K. Novyyj anglo-russkiiij slovori/ Iizd-vo «Russkiiij jazyuk», V. K. Miullier, V. L. Daniilievskiiij ii dr. – 9-je iizd. – М.: Russkiiij jazyuk, 2002.

2. Cambridge international dictionary of phrasal verbs. – 8th print. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2004. – XVI.

3. Longman phrasal verbs dictionary: over 5000 phrasal verbs - Harlow: Longman. 2000 – XIII.

4. Oxford Advanced Learner's Dictionary. – 6th edition. – Oxford: Oxford Univ. Press, 2000. – XII.

2. Cambridge international dictionary of phrasal verbs. – 8th print. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2004. – XVI.

3. Longman phrasal verbs dictionary: over 5000 phrasal verbs - Harlow: Longman. 2000 – XIII.

Oxford Advanced Learner's Dictionary. – 6th edition. – Oxford: Oxford Univ. Press, 2000. – XII.

ИСПОВЕДЬ В КОНТЕКСТЕ РЕЛИГИОЗНОГО ДИСКУРСА: ПОСТРОЕНИЕ И СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

А. С. Пригарина

*Каждая составная часть исповеди имеет свое назначение и призвана создать правильный настрой, пробудить душу и со-
весть кающегося, почувствовать незримое присутствие Бога. Все молитвы читаются в строгой последовательности, но в на-
стоящее время не всегда соблюдается данный идеал проведения
таинства.*

Ключевые слова: исповедь, религиозный дискурс, христианство.

Под исповедью, или «таинством исповеди» понимают «одно из семи таинств церкви, в котором кающемуся христианину прощаются содеянные им грехи и дается “благодатная помощь на исправление жизни” (Практическая энциклопедия православного христианина 2003: 131). Исповедь в христианском религиозном учении считается и называется «таинством». Христианское вероучение содержит и дает трактовку семи таким таинствам: *крещение, миропомазание, покаяние (исповедь), причащение, свящичество, брак и елеосвящение (соборование).*

Каясь в грехах, верующий молит о прощении и твердо верит, что получит его. Необходимость исповеди обуславливается изначальной греховностью природы человека. Но, прежде всего, для того, чтобы человек мог или желал покаяться, должен возникнуть и присутствовать объект покаяния, т. е. объективная причина порождения речевого акта покаяния. В сознании верующих существует понятие о моральных нормах поведения, которые закладываются и регулируются хорошо известными заповедями: не укради, не убий, не прелюбодействуй и т.д.

В самом общем смысле исповедь можно разделить на коллективную (общую) и индивидуальную (частную). Соответственно у каждого из этих типов будет своя структура, т.е. построение, схема. Для каждого из упомянутых типов характерна своя единая

общая структура, однако, внутри каждого элемента возможны вариации, поскольку исповедь творится людьми, и никому не дано предугадать, как мысль человека повернет в следующий момент. Существуют рекомендации и стандарты, как должно проходить таинство, но нельзя не учитывать личностные особенности каждого из участников.

Для структуры общей исповеди характерны следующие составляющие:

1. Вступление – это так называемый зачин, который должен с самого начала приковать внимание слушателей, задать определенный тон и настрой всему последующему рассуждению-повествованию. Обозначается тема – повод, с которым связано данное событие. Как правило, это определенный церковный праздник, в день которого и проводится коллективная исповедь: *«Сегодня мы празднуем память преподобного Иоанна Лествичника, который нам напоминает о главной линии христианской жизни»*. Сразу четко обозначено событие – день Иоанна Лествичника и переход на тему исповеди – качества, которыми должен обладать истинный христианин. Возможны и вариации – описание сути таинства покаяния (соединение с Богом через искренне раскаяние) и определение четкого настроения человека и пути, по которому он должен идти: *«Итак, снова нас Господь собрал, чтобы мы могли принять участие в Его Тайной Вечере, с Ним соединиться, к Нему приблизиться — настолько близко, насколько мы можем по своей человеческой немоци. На самом-то деле это и есть главное, к чему стремится человек»*.

2. Основная часть исповеди - призвана развивать установленную тему. Данная часть содержит перечень разного рода грехов. Она строится по цепочке, одна мысль вытекает из другой, соединенные темой, как звенья у цепи. Рефреном в течение всей исповеди может повторяться просьба о прощении, либо самоуничижительные формулы, типа «...мы, получившие Слово Христово о любви, забыли, что это такое, потому что постоянно полны зла, недоброжелательства, зависти, превозношения, гордыни, раздраемся мелкими ничтожными страстями, похожими на каких-то маленьких паразитов, которые изъедают нашу душу...». В неко-

тором смысле ряд фрагментов исповеди напоминают проповедь и могут содержать отрывки из Писания и притч.

3. Заключение, завершение исповеди. Во многих случаях в завершении есть возврат к началу, к теме. Это емкое заключение, подводящее итог, как правило в нем содержится итоговая просьба о прощении, которая уже звучала в начале исповеди. Таким образом, можно говорить о некоем кольцевом построении исповеди.

Как было указано выше, исповедь в самом общем виде делится на коллективную и индивидуальную. Индивидуальная исповедь по своему содержанию и смыслу кардинально отличается от коллективной, поскольку ход ее развития невозможно предугадать, все зависит от кающегося человека, кающегося, от того насколько глубоко и проникновенно его покаяние. Что касается общей структуры, в общих чертах она будет схожа - в любом случае, это ритуализованное действие, имеющее свои законы. Глобальные остаются неизменны, но внутри каждой может и должна наблюдаться вариативность. Итак, структурные части индивидуальной исповеди следующие:

Подготовительный этап исповеди абсолютно индивидуален. Существует множество рекомендаций по подготовке к исповеди. Однако очень многое зависит от человека, его мировоззрения, духовности, понимания совершенного греха и степени покаяния в целом. Каждый, кто идет на исповедь, должен проанализировать свою жизнь на предмет совершения «дурных» поступков и не только действий, но и мыслей; осознать и искренне раскаяться в том, что было им совершено. Феофан Затворник пишет по этому поводу: «Войди в себя и займись рассмотрением жизни своей и всего, что в ней неисправно. Конечно, всякий готов говорить и говорит, что он грешен, и нередко чувствует себя таковым. Но эта греховность представляется нам в нас в виде смутном и неопределенном. А этого мало. Приступая к исповеди, надо определенно разъяснить себе, что именно в нас нечисто и грешно и в какой мере. Надо знать грехи свои ясно и раздельно, как бы численно. Для этого вот что сделай: поставь с одной стороны Закон Божий, а с другой — собственную жизнь и посмотри, в чем они сходны, а в чем не сходны. Бери или дела свои и подведи их под Закон, чтобы

видеть, законны ли они, или бери Закон и смотри, исполнялся ли он, как следует, в жизни твоей или нет. Так пройди и Закон весь, и всю жизнь свою. А чтобы ничего не упустить в этом важном деле самоиспытания, хорошо держаться в нем какого-либо порядка... Перебирай заповеди Десятословия, одну за другой, со всеми частными предписаниями, в них содержащимися, и смотри, исполнил ли ты все требуемое в них.... Всмотрись во все это, как в зеркало, и увидишь, где в тебе есть какое пятно или безобразие» (Архимандрит Лазарь: 1995: 46.).

Необходимо набраться смелости и мужества поведать о своем грехе, искренне и твердо вознамериться больше не совершать богонеугодных поступков. В подготовительные к исповеди дни христиане, как лекарство, «вкушают труд обличения самих себя». Они устанавливают согласие между своей жизнью и истинным учением Церкви. В нем пытаются они найти для себя те крупинки покаянного чувства, которые столь необходимы для возрождения духовной жизни и обновления в душе стремлений к добру, чистоте, правде Божией.

В Требнике четко прописана классическая структура проведения таинства исповеди. Начальная ее часть наиболее ритуализированна, она содержит вынесение креста и Евангелия к месту исповеди, обращение к кающемуся перед исповедью: «Благословен Бог наш...». Обычное начало – чтение молитвы «Отче наш...», 50-го покаянного псалма, тропарей, а также молитв о кающихся. К кающемуся обращаются, как правило, «чадо» и читают «Символ веры». Каждая составная часть исповеди имеет свое назначение и призвана создать правильный настрой, пробудить душу и совесть кающегося, почувствовать незримое присутствие Бога. Все молитвы читаются в строгой последовательности, но в настоящее время не всегда соблюдается данный идеал проведения таинства. Во время больших церковных праздников или при наличии огромного количества желающих исповедаться, часто проводится коллективная исповедь.

В основной части основным субъектом выступает кающийся. Основная часть может строиться либо как монолог самого кающегося, либо как диалог, состоящий из вопросно-ответных единств.

Существуют общие типовые вопросы, которые различаются по группам и типам людей, которым они задаются. Заключительная часть исповеди содержит отпущение грехов, читается разрешительная молитва, после чего кающемуся отпусаются грехи.

Любая исповедь имеет внутреннюю и внешнюю стороны. Внутренняя сторона исповеди состоит в раскаянии человека и его стремлении к прощению и очищению души; данная часть исповеди доступна только кающемуся человеку и Всевышнему, к которому он мысленно обращается; она содержит совокупность мыслей, чувств человека, сентенций, обращенных им к Богу. Вторая, вербальная часть исповеди, доступна непосредственному восприятию — человек через медиума обращается к Всевышнему с просьбой о прощении грехов.

Список литературы

1. Архимандрит Лазарь Грех и Покаяние последних времен. Издание Московского подворья Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря. 1995. – 112 с.
2. Бобырева Е.В. Религиозный дискурс: ценности, жанры, стратегии (на материале православного вероучения). – Волгоград: Перемена, 2007. – 375 с.
3. Карасик В.И. Религиозный дискурс // Языковая личность: проблемы лингвокультурологии и функциональной семантики: межвуз. сб. науч. тр. – Волгоград: Перемена, 1999. - С. 5—19.
4. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – 476 с.
5. Практическая энциклопедия православного христианина. Основы церковной жизни. - СПб.: Сатись-Держава, 2003. – 330 с.

List of literature

1. Arxiimandriit Lazari Griex ii Pokajaniije posliedniix vriemien. Iizdaniije Moskovskogo podvorija Sviato-Uspenskogo Pskovo-Piechierskogo monastyria. 1995. – 112 p.
2. Bobyrieva JE.V. Rieligiiohzoynyj diiskurs: thiennostii, zhanryy, stratiegiihii (na matieriihalie pravoslavnogo vierouchieniija). – Volgograd: Pieriemiena, 2007. – 375 p.
3. Karasiik V.II. Rieligiiohzoynyj diiskurs // Jazykovaja liichnosti: problemiyy liingvokuliturologiuhii ii funkthiihonalinoj siemantiikii: miezhvuz. sb. nauch. tr. – Volgograd: Pieriemiena, 1999. - P. 5—19.
4. Karasiik V.II. Jazykovoj krug: liichnosti, konthieptyy, diiskurs. – Volgograd: Pieriemiena, 2002. – 476 pp.
5. Praktiichieskaja enthiiklopediija pravoslavnogo xriistiihaniina. Osnovyuy thierkovnoj zhiizni. - SPb.: Satiisy-Dierzhava, 2003. – 330 p.

ЯЗЫК ПОЛИТИКИ

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ РУССКОГО НАРОДА О ЗАКОНЕ И ПРАВЕ ЧЕРЕЗ ОБРАЗЫ СУДЬИ, ЦАРЯ И БОГА

Л. Р. Шаймарданова

Настоящее исследование позволяет отметить некоторые особенности русской правовой культуры: 1) на протяжении всей российской истории в народе бытовало недоверие к органам правопорядка, поэтому русскому народу оставалось уповать только на Божий суд; 2) в России не было сильных правовых традиций: правитель всегда стоял над законом, а законы просто служили инструментом правления; 3) во многих русских пословицах и поговорках прослеживается мысль о том, что сами законы не виноваты, а справедливыми или несправедливыми их делают служители закона.

Ключевые слова: право, закон, суд, наказание, милосердие, справедливость, Фемида, Бог, Божий суд, поле, царь, судья.

Настоящее исследование посвящено изучению концептосферы «Право – Закон – Суд – Наказание – Милосердие» в русской языковой картине мира на материале фразеологии. В ходе исследования была разработана разноаспектная коннотативно-тематическая классификация отобранной фразеологии. В данной статье мы рассмотрим такие тематические группы, как «Божий суд. Закон. Божья правда», «Царь, правитель», «Суд. Судья», и попытаемся объяснить через представления о роли Бога, царя и судьи отношение русского народа к закону и праву.

Существует множество подходов к интерпретации понятий *право* и *закон*. Одно из концептуальных объяснений этих понятий даёт философия. В современном философском словаре *право* определяется как «общая мера свободы, равенства и справедливости, выраженная в системе формальноопределённых и охраняемых публичной (государственной) властью общеобязательных

норм (правил) поведения и деятельности социальных субъектов» [14. С. 539]. Но право не может эффективно функционировать как регулятор и форма общественных отношений без своего рода защиты, то есть без чёткого, ясного и общедоступного формирования требований принципов справедливости, правового равенства и независимости «в виде конкретизированных и определённых норм общеобязательного закона и санкций за их нарушение...» [14. С. 540].

Вопрос о соотношении права и закона очень сложный и вызывает много споров в философской и юридической литературе. Право и закон – неотъемлемые условия существования человека в сообществе людей – близкие, но не тождественные понятия. Наиболее точно разграничение *права* и *закона* выражает формула «Право создаётся обществом, а закон государством». отождествление или различие права и закона «обозначает принципиальное отличие между двумя противоположными типами правового понимания, которые можно назвать соответственно юридическим (от лат. *jus* – право) и легистским (от лат. *lex* – закон)» [11. С. 28].

Совершенно очевидно, что в юридическом понимании концепты «Право» и «Закон» неотделимы друг от друга и взаимосвязаны. Что касается лингвокультурологического содержания концептов «Право» и «Закон», то «концепт «Закон» существует в трёх различных сферах культуры и соответственно слово *закон* имеет три различных основных значения – 1) закон юридический, 2) закон божеский, 3) закон науки» [15. С. 572].

Концепт «Закон», сложившийся в русской духовной культуре, лучше всего определён в словаре В.И. Даля: «Закон – предел, поставленный свободе воли или действий: неминуемое начало, основание, правило, постановление высшей власти» [6. С. 588]. «Закон есть предел» – вот ядро концепта «Закон» в русском сознании» [15. С. 571]. Это понимание концепта «Закон» отчётливо проступает в этимологии слова *закон*. «Рус. *за-конъ* происходит от *конъ* «начало» и «конец», первоначально, вероятно, «кол, столб» (служащий для различных целей, например, как веха земельного участка или коновязи). Таким образом, *кон* – это граница между «началом» и «концом», а *за-кон* – это «предел» [15. С. 572 – 573].

«В любой европейской культуре понятию *закон, законность* противостоит *беззаконие*. Но в русском менталитете *закону* противопоставлено и ещё нечто, не скверное (*беззаконие*), а нечто хорошее, доброе, положительное. За сферой закона, по русским представлениям, лежит ещё – более обширная – область добра, совести и справедливости, хотя и не «регламентированная». Это и есть особенное русское противопоставление. <...> Закону формальному, юридическому противостоит *правда* – внутренняя справедливость, ощущаемая и знаемая в душе, *совесть*» [15. С. 578].

Русский народ иначе, чем другие народы, относится к греху и преступлению, он сомневается в справедливости наказания и часто называет осуждённых по закону несчастными. Так, в Энциклопедическом словаре российской жизни и истории даётся следующее определение: «*Несчастные* – в сознании народа, ощущающего себя отчуждённым от власти, враждебным государству – все сидевшие в острогах, сосланные на поселение и на каторгу. Для них в тюрьмы несли калачи, бублики и пр., а для беглых в Сибири на ночь за окно выставлялось продовольствие» [1. С. 425]. Таким образом, «когда закон торжествует, когда появляется наказанный преступник, то к концепту «Закон» присоединяется в русском сознании не ощущение торжества справедливости, а ощущение несчастья наказанного. «Осуждённый = несчастный» – вот краткая формулировка этого понятия» [15. С. 578]. *Милосердие*, в отличие от представления о Высшей правде – Божеском суде, отдалённом и высоком, проявляется в данный момент, сейчас и заключается в сочувствии преступнику, понимании мотивов его поступка.

Слово *право* имеет один и тот же корень с такими словами, как *правый, правда* (в значении *истинный*). Более того, *право* и *правда* этимологически производны от слова *правый* (в значении *истинный*). Однокоренными со словом *право* будут и слова *правило, правильный*. То есть, исходя из этимологии, понятно, что право – это то, что истинно, правильно, справедливо.

В латинском языке *право* – *jus, juris*. Отсюда *justis* – *справедливый* и далее *justitia* – *справедливость, правосудие*. Таким образом, справедливость восходит к праву и по смыслу, и по этимологии

и обозначает наличие в социальном мире правового начала и выражает его правильность, императивность и необходимость. Латинское слово *justitia*, прочно вошедшее во многие языки, в том числе и в русский, переводится на русский язык то как «справедливость», то как «правосудие», что по существу означает одно и то же. Надо сказать, что все эти аспекты правового смысла справедливости нашли своё отражение в образе Фемиды, богини правосудия, изображающейся с повязкой на глазах (символ беспристрастия), с весами в одной руке (символ абстрактноформального равенства, т.е. равный правовой подход ко всем) и мечом в другой (символ императивности). Все эти символические средства (повязка на глазах, весы правосудия и меч) выражают представления о присущих праву и справедливости значимостях.

С точки зрения лингвистики каждый из этих концептов по отдельности сложился в сознании русской языковой личности, для которой первостепенную роль всегда играл «Закон», а не «Право» [2. С. 13]. Слова-концепты *право* и *закон* имеют свои лингвистические особенности. *Право*, в отличие от *закона*, имеет, в основном, положительные коннотации, что связано с этимологией этого слова: *пра-* в Этимологическом словаре русского языка А.Г. Преображенского означает «какой должен быть» [12. С. 121]. «Различия между *правом* и *законом* видны на примерах следующих словоупотреблений: *закон запрещает* (нельзя сказать «*право запрещает*»), а *право даёт возможность делать что-либо*; мы боремся за свои права, но не за закон; мы говорим о правах человека, а не о законах человека. Право – антропоцентрично, его может иметь и пользоваться им только человек» [2. С. 13].

Наиболее ярко представления русского народа о законе и праве выражаются через образы судьи, царя и Бога. Исходя из принципа диахронической последовательности, обратимся сначала к наиболее раннему явлению – Бог, существование которого связано с религиозной картиной мира и, более того, с мифологической, если принять во внимание языческих славянских богов. Представление о царе-государе как о самодержавном хозяине Земли Русской складывалось постепенно – параллельно с развитием народного самосознания. От призванных «*володети и княжити*»

князей-дружинников, которым нередко приходилось слышать увековеченные летописью слова: «*А мы тебе кланяемся, княже, а по твоему не хотим!*», – оно выросло до представления о великом князе – «*Божьем слуге*», «*страже Земли Русской от врагов иноплемённых и внутренних*». Однако нужно было пройти векам, чтобы великий, старейший над князьями уделов, князь встал в глазах народа-пахаря на высоту царя – «*государя всея Руси*», каким является он в палатах Москвы Белокаменной на исходе XVI столетия [9. С. 84].

В рамках данного исследования представляется возможным сравнение обозначенной концептосферы в русской и латинской языковых картинах мира, так как именно сравнительный метод позволяет выявить и объяснить особенности каждой из них. Попутно заметим, что обращение к латинской фразеологии в нашей работе не является случайным. Классическая латинская языковая картина мира представляет для нас интерес в связи с тем, что она служит образцом для сравнения с русской языковой картиной мира, так как Римское право, основанное на приоритете частной собственности и личных прав граждан, является главным достижением цивилизации Древнего Рима. Оно складывается в V – VI вв. до н.э. и лежит в основе государственного строя всех Западных цивилизаций, то есть римское право было признано (и до сих пор признаётся) этими цивилизациями как наиболее подходящее, лучшее. Несмотря на то, что современная Российская система права принадлежит к Романо-германской правовой семье [17. С. 15] и примыкает к системам континентально-европейского типа [8. С. 223], имеющим римское право одним из главных своих источников, она обладает своими особенностями и отличиями, обусловленными историческим развитием российской государственности.

На протяжении всей российской истории в народе бытовало недоверие к органам правопорядка. «*Язва лихоимства*» в судебном ведомстве разрасталась до таких размеров, что правосудие люди называли «*кривосудием*» [8. С. 221]. Из-за недоверия к служителям закона русскому народу оставалось уповать только на Божий суд. Так, в составе тематической группы «Суд, судья» нами была выделена подгруппа «Божий суд, закон. Божья правда», в

которую вошла фразеология, репрезентирующая представление русского народа о Божьем суде как о суде Высшем, справедливом, о Высшей правде. В силу этого все фразеологизмы здесь только с положительной коннотацией: *Мир один Бог судит; На суде Божьем право пойдёт направо, а криво налево; Оправь Бог правого, выдай виноватого*. Словосочетание *Божий суд* в данной фразеологии представлено в двух значениях: 1) по религиозным представлениям: возмездие от бога за совершённый грех, преступление; 2) (ист.) поединок или испытание огнём, водой и т.п. как способ разрешения спора в Древней Руси [16. С. 282].

По мнению Ю.А. Гвоздарёва, поэтические корни русской фразеологии, где словосочетание *Божий суд* употреблено во втором своём значении, восходят к далёким временам славянского языка, когда существовала идея так называемого «божьего суда», при котором подозреваемых в поступках испытывали огнём и водой [3. С. 114, 118]. Английский этнограф Э. Тейлор писал: «... Одним из самых известных испытаний для ведьм было испытание плаванием. Обвиняемую связывали по рукам и ногам и бросали в глубокую воду. Она должна была пойти ко дну, если невинна, или остаться на воде, если была виновна. В последнем случае она должна быть повешенной только за то, что не утонула» [3. С. 114]. Этот обычай существовал во всей Европе, в том числе и у славян. Так называемый «Божий суд» в Европе был запрещён уже в XI – XII веках. **На Руси же он существовал ещё долго. По свидетельству А.Н. Афанасьева, к божьему суду прибегали в деревнях ещё в середине XIX века** [3. С. 114]. Данный факт, возможно, позволяет частично объяснить то, что в тематической подгруппе «Божий суд. Закон. Божья правда» больше русской фразеологии (18), чем латинской (4) (см. таблицу в конце статьи). Кроме того, такое соотношение в наполняемости фразеологией рассматриваемой тематической группы говорит о том, что римское право было независимо от религиозных представлений латинского народа.

К тематической подгруппе «Божий суд. Закон. Божья правда» примыкают также пословицы о поле в значении: 1) в Древней Руси и Московском государстве поединок как способ разрешения судебной тяжбы; 2) место, где совершался поединок [13. С. 111].

С.В. Максимов так описывает эти поединки. «Во времена младенчества народа, при разбирательстве споров и тяжб, для выяснения тёмного смысла исков, прибегали к первобытному способу по закону *Кто сильнее, тот и правее*. Противники хватали друг друга за волосы, и кто первым перетягивал, тот и признавался правым (отсюда и поговорка *В поле две воли – кому Бог поможет*). В Москве сохранилось место, а в предании указывается на берегу речки Неглинной (скрытой теперь в трубе), где соперники, при свидетелях (послухах) из добрых или лучших людей и под наблюдением судных мужей (вроде присяжных заседателей), решали спор проявлением физической силы в потасовке. Один становился на правом берегу узенькой речки, второй на левом. Наклонив головы, они хватались за волосы. При этом, по преданию, побеждённый обязан был взять соперника на спину и на закорках перенести его через речку; этим и кончались всякие претензии и прямые взыскания. Противники должны были выходить на битву рано утром, натошак, как бы на присягу, надев на себя доспехи, то есть железные латы и шишаки. Они обязаны были сражаться одинаковым оружием: большею частью ослопами или дубинами. Людям слабым или неумелым в боях дозволялось приглашать наймитов или наёмных бойцов, не разбирая того, что боярину доводилось биться с каким-либо холопом или купцу с черносотным мужиком или скоморохом. Так и говорят пословицы: *В поле съезжаются, так родом не считаются* (а дерутся), *Коли у поля стал, так бей наповал*, а судебный устав указывал: «а посудятся до поля (если нечем решить тяжбу, как Божьим судом, то пусть дерутся), да не став у поля помирятся» (то есть допускается и мировая). Так выражается и поговорка: *До поля воля, а в поле по неволе* (то есть если вышел на место поединка, то уже и дерись, хотя бы только даже за святые волоса). Если кто был убит на поединке, то его противник получал лишь одни доспехи убитого и лишался всякого другого удовлетворения. Стало быть, в исках было прямое побуждение щадить жизнь своего противника, что доказывается и указанным выше старанием уравновесить силы соперников. Для соблюдения законных условий при поединках всегда обязаны были (по Судебнику Грозного) присутствовать:

окольничий, дьяк и подьячий. В пользу их, как и в пользу казны, взималась пошлина.

Ещё псковская Судная грамота доказывает стремление законодательства по возможности ограничить и смягчить судебные поединки. Поэтому более лёгкая форма, кажущаяся нам теперь забавною и едва вероятною и выразившаяся потасовками, имела основание удержаться в обычаях народа. Она сумела просуществовать даже до того времени, когда отменены были (в 1556 году) поединки, а дела ведено решать по обыскам» [10. С. 324 – 325].

Во многих отобранных нами пословицах наравне с Богом выступает и Царь: *Правда Божья, а суд царев, Суди меня Бог да государь! Бог помилует, царь – пожалует!* Все их (7) мы отнесли в тематическую группу «Царь, правитель», так как, по нашему мнению, упоминание о Боге здесь используется намеренно для того, чтобы подчеркнуть величие и значимость царя в жизни русского народа. В то же время «русские цари всегда являли живой и яркий пример истинно-христианского благочестия. Ни одно важное дело не предпринималось ими без испрошения благословения Божия» [9. С. 89]. В разделе Домостроя «Как царя или князя чтить и во всём им повиноваться, и всякой власти покоряться, и правдой служить им во всём...» следующим образом выражаются идеи: «царь – наместник Бога на земле» и «вся власть от Бога»: «Бойся царя и служи ему верно, всегда о нём Бога моли. И лживо никогда не говори с ним, но с почтением правду ему отвечай, как самому Богу, во всём ему повинуйся. Если земному царю с правдою служишь и боишься его, научишься и небесного царя страшиться: этот – временен, а небесный вечен, он – судья нелицемерный, каждому воздаст по делам его. Также и князьям покоряйтесь, воздавая им должную почесть, ибо посланы Богом карать злодеев и награждать добродетельных. Князя своего прими и власти свои, не помысли на них зла, ибо говорит апостол Павел: «Вся власть от Бога», – так что кто противится власти, тот божью повелению противится...» [7. С. 117]. Из всего выше сказанного следует, что в сознании русского народа Бог и царь часто сближались и воплощали собой представление об их суде

как о суде Высшем, справедливом, о Высшей правде. Такое представление связано с тем, что в России не было сильных правовых традиций. На протяжении всей российской истории правитель (царь или генсек) всегда стоял над законом, а законы просто служили инструментом правления, то есть судьбами народа вершил не закон, а правитель, стоящий во главе государства (см. об этом также в диссертации [2]).

Отобранная нами русская фразеология, вошедшая в тематическую группу «Царь, правитель», подтверждает, что «народная Русь исстари веков стояла на служении верой и правдой «батюшке-государю» и была связана со своим верховным вождём неразрывными узами верноподданической любви» [9. С. 84]. Русский человек видел в царе олицетворение справедливости (*Где царь – тут и правда!*), говорил о его самодержавии никем и ничем – кроме Бога – неограниченном (*Правда Божья, а суд царев!*). При этом смягчал своё представление о грозном царе, желая видеть его прежде всего царём ласковым, милостивым и великодушным – несмотря на всю нелицеприятную правду о реальном царе: *Кто Богу не грешен, царю не виноват, Бог помилует, царь – пожалует!* [9. С. 86]. Такое отношение народа позволяет нам отнести большее количество русских пословиц и поговорок о царе в подгруппу с положительной коннотацией (8 из 13).

Обратимся к латинской картине мира, которая, по известным причинам (см. выше), служит нам образцом для сравнения. Что касается латинских выражений: *Novus rex, nova lex* «новый царь – новый закон», *Quod principi placuit, legis habet* «что угодно повелителю, то имеет силу закона», *Regis voluntas suprema lex* «воля монарха – высший закон» (их только 3), – то они относятся, по видимому, к эпохе Империи в истории Римского государства (I – V вв. н.э.), когда вся власть, и административная, и законодательная, и судебная, сосредотачивалась в руках одного человека – императора, или же в руках его агентов. «В ту эпоху не существовало никаких законов, кроме тех, которые исходили от императора. Законом являлось то, что государь *сказал*, или что он *написал*, или же то, что он *ответил* на обращённый к нему запрос чиновника. Закон был ничто иное, как воля императора» [4. С. 444].

Мнение о том, что судьбами народа вершит не закон, а правитель, стоящий во главе государства, является не единственной особенностью русской правовой культуры. Во многих русских пословицах и поговорках прослеживается мысль о том, что сами законы не виноваты, а хорошими или плохими, справедливыми или несправедливыми их делают служители закона, а именно законодатели, судьи, юристы: *Законы святы, да законники супостаты*. Так, 140 отобранных нами русских фразеологизмов, что составляет почти половину всей русской фразеологии концептосферы «Право – Закон – Суд – Наказание – Милосердие», были отнесены в тематическую группу «Суд. Судья». О недоверии русского народа к служителям закона говорит то, что количество фразеологизмов с отрицательной коннотацией (98) в четыре раза больше, чем фразеологизмов с положительной коннотацией (24) (не считая пословиц из подгруппы «Божий суд. Закон. Божья правда»). Большое количество русской фразеологии с отрицательной коннотацией в тематической группе «Суд. Судья» позволило нам, опираясь на мнение Е.И. Головановой [5. С. 25], выделить несколько тематических подгрупп, среди которых: 1) «Судья – несправедливый» (15): *Не бойся суда, бойся судьи, Не всяк судит по праву, иной и по криву*; 2) «Судья – мздоимец» (33): *Пред Бога с правдой, а перед судьей с деньгами, Утиного зоба не накормишь, судейского кармана не наполнишь*; 3) «Подьячий без души, подьячий – пройдоха» (11): *У подьячего светлая пуговка души заместо, Подьячий – породы собачей; приказный – народ пролазный*. Кроме того, были выделены подгруппы: «Суд – неправда» (26), «Суд – взятка» (13), где суд рассматривается как государственный институт судопроизводства. В этих тематических подгруппах многочисленны пословицы, в которых говорится о стяжательстве, лихоимстве тех, кто сам должен бороться с этими пороками (46), и пословицы о «несправедности» судей (41). Сюда вошли также пословицы о дьяке и подьячем, так как слова *подьячий* и *дьяк* могли использоваться как при описании приказных, то есть собственно канцелярских служащих, так и при описании судебных чиновников [5. С. 25]. Конкретизируем, что стоит за каждым из этих наименований. *Судья* – должностное лицо, «за-

нимающееся разбором мелких гражданских и уголовных дел» [5. С. 25]. *Дьяк* – писец, делопроизводитель князя в Древней Руси; с XIV в. до реформы Петра I – **должностное лицо, занимавшее ответственные посты в государственных учреждениях** [9: 46]. *Подьячий* (в Московском государстве) – низший чин приказной администрации; лицо в этом чине, выполнявшее под руководством дьяков основную делопроизводственную работу в центральных и местных учреждениях [13. С. 111].

Сравнивая русскую фразеологию с латинской в тематической группе «Суд. Судья», можно отметить как количественную, так и качественную разницу. Во-первых, латинская фразеология, вошедшая в данную тематическую группу, составляет 24 единицы, и это почти в шесть раз меньше русской (140). Во-вторых, из 24 единиц латинской фразеологии 17 с положительной коннотацией и только 7 с отрицательной, в то время как среди русской фразеологии (это отмечалось выше) – количество фразеологизмов с отрицательной коннотацией (98) в четыре раза больше, чем фразеологизмов с положительной коннотацией (24) (не считая пословиц из подгруппы «Божий суд. Закон. Божья правда»). Качественная разница подчёркивает остроту проблемы судопроизводства в русской правовой культуре. Качественная разница говорит о том, что для латинского народа *Judex est lex loquens* «судья – говорящий закон», *Res judicata pro veritate habetur* «судебное решение должно приниматься за истину» (Ульпиан), для русского же народа *Судья – что плотник: что захочет, то и вырубит, а Порожними руками с судьёй не сговоришь*.

В настоящее время в Российской Федерации идёт обновление системы законов, принятых при советской власти. Однако в правовой культуре нашего общества и поныне бытует неприязнь и недоверие к судам, прокуратуре, милиции. Причины такого отношения мы усматриваем именно в исторически сложившейся правовой культуре современного русского человека, для которой, несмотря на прошедшие столетия, характерными остаются неприязненное отношение к органам правопорядка, недоверие к суду, нежелание и боязнь «связываться» с юридическим делопроизводством [8. С. 221 – 222]. И вновь, спустя многие века,

надеяться русскому человеку остаётся только на Высший справедливый Божий суд или на своего верховного вождя, с которым русский народ исстари связан неразрывными узами верноподданнической любви [9. С. 84].

Таким образом, наше исследование показало, что для русского человека закон – это сила, над которой стоит правитель – что-то не всегда справедливое, оставляющее надежду только на Божий суд. Для римского народа – это сила, но сила справедливая, над которой ни человек, ни судья, ни царь, ни Бог не имеют власти: *Dura lex, sed lex* «закон суров, но это закон», *Lex valet in omnes* «закон властен над всеми», *Pereat mundus, fiat justitia* «пусть погибнет мир, но да свершится правосудие» (Фердинанд I). Наглядно результаты сравнительного рассмотрения фразеологических систем, относящихся к концептосфере «Право – Закон – Суд – Наказание – Милосердие», можно представить в виде таблицы (в таблицу вошли только тематические группы «Божий суд. Закон. Божья правда» и «Царь, правитель», большая по объёму тематическая группа «Суд. Судья» не включена в целях экономии места).

Сравнительная таблица представлений о Боге и Царе как вершителях закона в классической латинской и русской фразеологии

№	тематическая группа	Латинская фразеология		Русская фразеология	
		Положительная коннотация	Отрицательная коннотация	Положительная коннотация	Отрицательная коннотация
1	Божий суд. Закон. Божья правда	<p>1. Dis aliter visum «боги судили иначе»</p> <p>2. Repetit Deus possepem «бог находит виновного»</p> <p>3. Jure divino; jure humano «по Божеским законам; по человеческим законам»</p> <p>4. Jus divinum «божеское право. Согласно религиозным законам»</p>		<p>1. Божий суд</p> <p>2. На суде Божьем право пойдёт направо, а криво налево.</p> <p>3. Страшный суд</p> <p>4. Он посрамлен будет в день Страшного суда</p> <p>5. Не нам попов судить, на то черти есть</p> <p>6. Судный день и судный час</p> <p>7. Мир никем не судится, одним богом. Мир судит один Бог</p> <p>8. Мир один Бог судит</p> <p>9. Кто повинился, того суди Бог</p> <p>10. Бог вам (тебе, ему и т.д.) судья</p> <p>11. Всё сказал, как перед Богом (как на исповеди или: как на страшном суде)</p> <p>12. Неправого Бог попутает (или: покарет)</p> <p>13. Правда суда не боится. Правда бессудна (или: несудима). На правду нет суда</p>	

2		<p>1. Nulla potentia supra leges debet esse «не царь является законом, а закон является царём»</p> <p>2. Tu, Caesar, civitatem dare potes hominibus, verbo non potes «ты, Цезарь, можешь дать права гражданам, но не людям, но не словам»</p>	<p>1. Novus rex, nova lex «новый царь – новый закон»</p> <p>2. Quod principis placuit, legi's habet «что угодно повелителю, то имеет силу закона»</p> <p>3. Regis voluntas suprema lex «воля монарха – высший закон»</p>	<p>1. Суди меня Бог да государь! Суди Бог да великий государь!</p> <p>2. Воля царя – закон. На всё святая воля царская</p> <p>3. Царское осуждение бессудно (или: суду не подлежит)</p> <p>4. Карать да миловать – Богу да царю</p> <p>5. Не судима воля царская</p> <p>6. Виноватого Бог простит, а правого царь пожалует</p> <p>7. Бог помилует, царь – пожалует!</p> <p>8. Где царь – тут и правда!</p>	<p>14. На посливицу, на дурака да на правду – и суда нет</p> <p>15. За правду не судись; скинь шапку, да поклонись!</p> <p>16. Божеское право</p> <p>17. Оправь Бог правого, выдай виноватого</p> <p>18. В поле две воли – кому Бог поможет</p>	
				<p>1. У них ни царя, ни закона (т.е. неурядица)</p> <p>2. Воля Божья, а суд царев</p> <p>3. Не Москва государю указ, государь Москве</p> <p>4. Правда Божья, а суд царев. Суд царев, а правда Божья</p> <p>5. До Бога высоко, до царя далеко!</p>		

Список литературы

1. Беловинский Л.В. Энциклопедический словарь российской жизни и истории. – М.: ОЛМА-ПРЕСС Образование, 2004.
2. Галиева Д.А. Концептуальное поле «Право и Закон» как основа учебного идеографического профессионально ориентированного словаря: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Уфа: БашГУ, 2000.
3. Гвоздарёв Ю.А. Язык есть исповедь народа...: Кн. для учащихся / Ю.А. Гвоздарёв. – М.: Просвещение, 1993.
4. Гиро П. Быт и нравы древних римлян / П. Гиро. – Смоленск: Русич, 2001.
5. Голованова Е.И. *Поп, подьячий и судья* в русском языковом сознании // Прагматика и семантика слова и текста: Сборник научных статей / Отв. ред. и сост. Л.А. Савелова. Архангельск: Поморский университет, 2006. С. 22 – 26.
6. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х т. Т.1. – М.: Русский язык, 2000.
7. Домострой / Сост., вступ. ст., пер. и коммент. В.В. Колесова и М.В. Пименовой. – М.: Сов. Россия, 1990.
8. Кармин А.С. Культурология / А.С. Кармин. – СПб: Питер, 2004.
9. Коринфский А.А. Народная Русь / А.А. Коринфский. – Самара: Самарский областной центр народного творчества, 1995.
10. Максимов С.В. Крылатые сло-

List of literature

1. Bieloviinskij L.V. Entsiiklopediicheskiij sloviri rossiijskoj zhiiznii ii iistoriihi. – М.: OLMA-PRIESS Obrazovaniije, 2004.
2. Galiijeva D.A. Konthieptualinoje polie «Pravo ii Zakon» kak osnova uchiebnogo iideografichiesko-go profiessiihonalino oriiientiirovan-nogo slovaria: Autoref. of Master of Phil.. – Ufa: BashGU, 2000.
3. Gvozdariov JU.A. Jazyyk jesti iispoviedi naroda...: Kn. dlia uchashihiixsia / JU.A. Gvozdariov. – М.: Prosvieshhie-niije, 1993.
4. Giiro P. Byyt ii nnavyy drevniix riimlian / P. Giiro. – Smoliensk: Rusiich, 2001.
5. Golovanova JE.II. Pop, podijachiiij ii sudija v russkom jazykovom soznaniihii // Pragmatiika ii sie-mantiika slova ii tieksta: Sborniik nauchnyyx statiej / ed. L.A. Savielova. Arxan-gielisk: Pomorskiij uniiviersiitiet, 2006. pp. 22 – 26.
6. Dali V.II. Tolk-ovyyj sloviri zhiivogo vieliikoru-sskogo jazyyka: V 4-x t. V.1. – М.: Russkiij jazyyk, 2000.
7. Domostroj / Sost., vstup. st., pier. ii kommiient. V.V. Koliesova ii M.V. Piimienovoj. – М.: Sov. Rossiija, 1990.
8. Karmin A.S. Kuliturologiija / A.S. Karmin. – SPb: Piitiet, 2004.
9. Koriinfskiiij A.A. Narodnaja Rusi / A.A. Koriinfskiiij. – Samara: Samarskiiij oblastnoj thientr narodnogo tvorchiestva, 1995.
10. Maksiiimov S.V. Krylylatyyje slo-

- ва и выражения русского народа / С.В. Максимов. – М.: Издательство ЭКСМО-Пресс, 2001.
11. Нерсесянц В.С. Общая теория права и государства: Учебник для юридических вузов и факультетов. – М.: НОРМА, 2000.
12. Преображенский А.Г. Этимологический словарь русского языка: В 2-х т. Т.2. – М.: ГИС, 1959.
13. Словарь русских историзмов: Учеб. пособие / Т.Г. Аркадьева, М.И. Васильева, В.П. Проничев и др. – М.: Высшая школа, 2005.
14. Современный философский словарь / Под общ. ред. В.Е. Кемерова. – М.: Академический проект, 2004.
15. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. – М.: Академический проект, 2001.
16. Фразеологический словарь русского языка / Сост. А.Н. Тихонов, А.Г. Ломов, Л.А. Ломова. – М.: Высшая школа, 2003.
17. Шипков К.А. Правовая картина мира в системе национальной языковой картины мира // Проблемы концептуализации действительности и моделирования языковой картины мира: Сборник научных трудов. Вып. 2 / Отв. ред., сост. Т.В. Симашко. – Архангельск: Поморский университет, 2005. – С. 13 – 16.
- va ii vyyrazhieniiija russkogo naroda / S.V. Maksimov. – M.: Iizda-tielistvo EKSMO-Priess, 2001.
11. Niersiesianth V.S. Obsbhaja tieoriiija prava ii gosudarstva: Uchieb-niik dlia juriidiichieskiix vuzov ii fakulitietov. – M.: NORMA, 2000.
12. Prieobrazhenskii A.G. Etiimologi-ichieskii slovari russkogo jazyyka: V 2-x t. V.2. – M.: GIIS, 1959.
13. Sloviri russkiix iistoriizmov: Uchieb. posobiiije / T.G. Arkadijeva, M.II. Vasilijeva, V.P. Proniichiev ii dr. – M.: Vyysshaja shkola, 2005.
14. Sovriemiennyj filosofskii slovari / ed. V.JE. Kiemierova. – M.: Akadiemiichieskii projekt, 2004.
15. Stiepanov JU.S. Konstantyy: Slovari russkoj kulturyy. – M.: Akadiemiichieskii projekt, 2001.
16. Frazieologiichieskii slovari russkogo jazyyka / ed. A.N. Tiixonov, A.G. Lomov, L.A. Lomova. – M.: Vyysshaja shkola, 2003.
17. Shiipkov K.A. Pravovaja kartiina miira v siistiemie nathiihonalinoj jazyukovoj kartiinyy miira // Probliemyy konthieptualiizathiihii diejstviitielinstii ii modeliirovaniija jazyukovoj kartiinyy miira: Sborniik nauchnyyx trudov. Vyyp. 2 / ed. T.V. Siimashko. – Arxangelisk: Pomorskii uniiiversiitiet, 2005. – P. 13 – 16.

ЯЗЫК СМИ

ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ ТЕКСТА В ЖУРНАЛЕ «COSMOPOLITAN»

Э. Р. Каюмова

Статья посвящена изучению особенностей организации текста в журнале «Cosmopolitan». Автором выделены следующие особенности: повышенная эмоциональность, использование заголовков, основанных на знании ментальных фактов; обилие императивных форм глагола, обращение к читателю на «ты», апелляция к истории из жизни или мнению другой женщины, гипертекстовые ссылки и др.

Ключевые слова: организация текста, формирование гендера, глянецвый журнал.

На сегодняшний день женский глянецвый журнал играет важную роль в социализации личности, формировании образа жизни и гендера современной женщины. По верному замечанию С.М. Черменской, «женские глянецвые журналы не столько удовлетворяют определенные потребности женщин, сколько формируют эти потребности» [3. С. 16]. Чаще всего в них априорно, без обсуждения принимаются представления о красоте, моде, здоровье, карьере, сексе, свободе, семье и обществе, индивидуальных особенностях [3. С. 16], в соответствии с которыми формируется тематическое содержание номера.

Перечисленные представления в той или иной мере присутствуют и в журнале «Cosmopolitan». Большая часть материалов посвящена темам красоты, моды, карьеры, здоровья, свободы. «Семейная» тема представлена скупо, да и то лишь в материалах о построении социальных отношений (с родителями, братьями-сёстрами и другими родственниками). Это объясняется тем, что читательница журнала представляется незамужней девушкой.

Следует отметить, что существует некий собирательный об-

раз девушки в стиле Cosmo («*девушка Cosmo*»). Она молода, независима и энергична, сама выбирает свой путь и добивается успеха (недаром девиз журнала «*Cosmo – это успех!*»), не обременена брачными узами, но имеет постоянного партнёра или строит отношения с новым. Таким образом, можно сказать, что «Cosmopolitan» – стилеобразующий журнал.

«Cosmopolitan» не только формирует образ успешной женщины, но и имеет свой собственный стиль, имидж, закрепившийся в сознании его читателей. Во многом образ самого журнала сформировался благодаря языковым особенностям его статей, рассмотрению которых и посвящена наша статья.

Принято считать, что женская речь более эмоциональна, чем мужская [1. С. 123]. Так как авторский коллектив журнала «Cosmopolitan» и его читательская аудитория в основном состоят из женщин, то закономерным является то, что тексты характеризуются **повышенной эмоциональностью**. Она достигается использованием:

– эмоционально-экспрессивной лексики («*швырнул ключи оземь*», «*сидеть гундосить*», «*одержимый обидой*»), в том числе и слов с уменьшительно-ласкательными суффиксами («*маленькая расчёсочка*», «*кухонный шкафчик*», «*пивной животик*»);

– прилагательных в форме сравнительной и превосходной степени («*гораздо проще всё отрицать*», «*добрейший Виктор*», «*милейший Николай Дементьевич*»);

– оценочной лексики («*молодая истеричка*», «*великовозрастные дочери*», «*дорогущие футболки*»);

– окказиональной лексики (*бойфрендоголик* – девушка, у которой всегда есть парень; *интимофоб* – человек, боящийся доводить отношения до интимной связи; *экосексуал* – человек, который заботится об окружающей среде не меньше, чем о себе любимом).

Стремлением к оценочности, поисками экспрессии объясняется использование в языке журнала **заголовков, основанных на цитировании и цитации** (неточном цитировании): «*Свежо приданое*» о модных тенденциях (ср. строчку из комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума» «Свежо предание, а верится с трудом...»); «*Есть мужчины в гамбийских селеньях!*» о мужчинах одного из

гамбийских племён (ср. строчку из поэмы Н.А. Некрасова «Мороз, Красный нос» «Есть женщины в русских селеньях!»); «С позой для тела» – комплекс физических упражнений (ср. поговорку «С пользой для дела»); «Сердце-магнит» о людях, «притягивающих» деньги (метафорическое сравнение из текста популярной песни в исполнении Согдианы); «Чуть помедленнее...» о способности к зачатию (незаконченная строчка из песни В. Высоцкого «Чуть помедленнее, кони...»); советы автолюбительницам в «Тише едешь...» (усечённая форма поговорки «Тише едешь, дальше будешь»); «Аленький цветочек» о цветовых тенденциях сезона (название сказки С.Т. Аксакова).

Большое количество **заголовков основывается на фоновых знаниях**: советы расстающимся парам в «Чтобы помнили...» (название авторской телепередачи Леонида Филатова); развенчание мифа о времени приёма пищи в «На ночь глядя» (название телепередачи Первого канала); опыт посещения школ танца в «Грязных танцах» (название кинофильма); о пользе замороженных ягод и овощей в «Ледниковом периоде» (название мультфильма); об интимной жизни мужчины и женщины в «Интим не предлагать» (клише, используемое в объявлениях женщин о поиске работы); «Собака Павлова» (опыты известного физиолога И.П. Павлова проводились на собаках).

В основе создания подобных заголовков лежит информация, известная всем участникам коммуникации и поэтому не требующая специального вербального пояснения, что позволяет привлечь внимание читателей. При чтении подобных заголовков важен момент узнавания ментальных фактов (концептов, прецедентных феноменов, стереотипов), который вызывает положительные эмоции у реципиентов текста как носителей определённой культурной традиции.

На морфологическом уровне организации текста отметим прежде всего обилие **глаголов в повелительном наклонении**, наблюдающееся как в названиях статей («Учитесь плавать», «Отдохни по-королевски», «Узнай себя лучше»), так и в текстах самих материалов («никогда не начинай отношений с женщиной из жалости», «помни, что услуги психоаналитика стоят дорого», «не

позволяй с собой обращаться как с другом» из статьи «Сердечный друг»; советы в материале «День независимости (от обстоятельств)»: «отключи автопилот», «обнови привычки», «разыгравай окружающих»). Использование императивных форм глагола детерминировано его функциональным своеобразием, а именно «специфической апеллятивной или, шире, призывной функцией, не свойственной остальным глагольным (и именным) формам, которые в своём прямом значении выполняют коммуникативную или экспликативную функцию» [2. С. 11]. Императивность усиливается употреблением глагола в единственном числе. Такая особенность организации текста создаёт тон назидательности, дидактичности, моделируется ситуация типа «старший – младший», «учитель – ученик».

Следует указать и на **обращение авторов статей к читательницам на «ты»**, которое в тексте выражается:

– собственно местоимением 2-го лица единственного числа «ты» («Он расскажет тебе о своём детстве», «С картой твои деньги всегда с тобой», «Если ты знаешь, что у тебя предрасположенность к этому заболеванию, колеси на велосипеде...»);

– притяжательным местоимением «твой» («В результате твоё тело плохо справляется с естественной защитой от ультрафиолета», названия статей «О твоей семье», «Твой отпуск»; названия рубрик «Твоя жизнь», «Твоя карьера», «Твоё здоровье»);

– глаголами в форме единственного числа («Устала от городской суеты?», «Пока всё не перенюхаешь – домой не возвращайся», «Хочешь получить урок игры в гольф, посмотреть на красавцев и одновременно обновить свой летний гардероб?»).

Обращение к читателю на «ты» создаёт атмосферу дружеского разговора, доверительной беседы. Складывается впечатление, что здесь и сейчас есть только автор статьи и девушка Cosmo, читающая журнал, а все остальные находятся за пределами этого искусственно созданного мира.

Для актуализации доверия читателей в журнале используется приём **апелляции к истории из жизни или мнению другой женщины** (в том числе и собственному). К примеру, этот приём продуктивен в материале о взаимоотношениях мужчины и жен-

щины «Сердечный друг»: «*Я тоже мечтала о принце. Потом встретила Пашу...*», «*Похожее сейчас происходит с моей соседкой Анечкой и её другом...*», «*В похожей ситуации оказалась моя подруга Женя...*».

Действенным средством задержания внимания читателей становится приём, создающий связи между страницами номера. Назовём его приёмом **гипертекстовой ссылки** (гиперссылки). Такая организация внутрижурнального пространства способствует порождению гипертекста. Гипертекст определяют как «нелинейный разветвляющийся текст, позволяющий читателю самостоятельно избрать путь чтения по его фрагментам» [4. С. 25]. К примеру, в № 7 за 2008 год на странице с «Письмом редактора» помещена фотография, не имеющая прямого отношения к материалу, но «приправленная» ярким жёлтым ярлычком: «*Те, кто ещё не в курсе, – быстрее на стр. 42!*»; в материале «Девушка Cosmo в эту минуту...» изображение стакана с коктейлем имеет ярлычок «*Не пропусти стр. 148*»; в качестве «приманки» может служить уменьшенное изображение полос со статьями, к которым даётся отсылка «*Читай на стр. 114*». После навязчивого напоминания читатель старается не пропустить материал и, мимоходом просматривая другие страницы, вольно или невольно включается в процесс чтения журнала, и остановится только тогда, когда перевернёт последнюю страницу.

Гипертекст «Cosmopolitan» создаётся не только на страницах печатного издания, но и на его сайте. Участие читателей в форумах и опросах, конкурсах и акциях влияет на тематику сайта и последующих номеров журнала, что расширяет гипертекстовые связи «Cosmopolitan».

Авторский коллектив «Cosmopolitan» умело использует набор определённых языковых приёмов, позволяющих поддерживать интерес постоянных читателей и привлекать внимание новых. К языковым особенностям организации текста в журнале «Cosmopolitan» относятся повышенная эмоциональность, использование заголовков, основанных на цитировании, цитации и фоновых знаниях; обилие императивных форм глагола, обращение к читателю на «ты», апелляция к истории из жизни или мнению другой женщины, гипертекстовые ссылки и др.

Таким образом, журнал «Cosmopolitan» на современном этапе развития российских средств массовой информации, являясь одним из ведущих среди женских глянцевого издания, оказывает сильное влияние на создание образа современной женщины, формирование нового гендерного стереотипа поведения.

Список литературы

1. Земская Е.А., Китайгородская М.А., Розанова Н.Н. Особенности мужской и женской речи // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. – М.: Наука, 1993. – С. 90-136.
2. Храковский В.С., Володин А.П. Семантика и типология императива. Русский императив. – Л.: Наука, 1986. – 272 с.
3. Черменская С.М. Роль глянцевых журналов в формировании гендерных стереотипов современной женщины // Вестник Московского ун-та. Сер. 10. Журналистика. – 2006. – №6. – С. 16-18.
4. Чернявская В.Е. Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность: Учеб. пособие. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 248 с.

List of literature

1. Ziemskaĵa JE.A., Kiitajgorodskaja M.A., Rozanova N.N. Osobiennosti muĵskoj ii zhienskoĵ rieĵii // Russkij jazyk v jeho funkĵionirovaniĵii. Kommuniikatiivno-pragmatiĵieskij aspekt. – M.: Nauka, 1993. – P. 90-136.
2. Xrakovskij V.S., Volodiin A.P. Siemantiika ii tiipologiiĵa iimperatiiva. Russkij iimperatiiv. – L.: Nauka, 1986. – 272 p.
3. Chiermienskaja S.M. Roli glianĵievyyĵ zhurnalov v formirovaniĵii ĵiendernyyĵ stieriotiipov sovremennoj zhiensĵhiiny // Viestnik Moskovskogo un-ta. Ser. 10. Zhurnaliistika. – 2006. – №6. – pp. 16-18.
4. Chierniavskaja V.JE. Liingviistika tieksta: Poliikodovosti, iintiertiekstualinosti, iintierdiis-kursiivnosti: Uchieb. posobiĵe. – M.: Kniizhnyĵ dom «LIBROKOM», 2009. – 248 p.

**РЕАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА «МОДА» В МАССОВО-
ИНФОРМАЦИОННОМ ДИСКУРСЕ**
(на материале журналов «Vogue», «Yes»)

О.А. Малетина, А.Б. Гариб

Эта статья посвящена лингвистическому анализу концепта «мода», который становится все более популярным. Мы выглядим изящно и современно, вот почему мы заинтересованы в моде. Мы читаем статьи в журналах моды, смотрим ТВ программы о современных тенденциях в моде. Мода означает 1. деятельность или бизнес, который включает стили одежды и появление людей (мир моды): а) стиль платья, которое популярно в определенное время; б) формирование или представление моды; 2. факт, что что-нибудь как например стиль платья или деятельности популярно в определенное время. Анализ показал, что метафоры, олицетворения и эпитеты - самые используемые в журналах «Vogue», «Yes».

Ключевые слова: концепт, информационный дискурс, мода, глянцевого журнала.

В настоящее время нас все больше и больше интересует мода, так как «по одежке встречают, по уму провожают», поэтому каждый человек пытается выглядеть привлекательно, то есть одеваться модно и красиво. Селин Мартин, основатель компании SAHLINis Perfumes, утверждал, что ему абсолютно не нравится, как одеваются русские люди: «Короткие юбки, длинные сапоги, куртки с огромным меховым воротником, яркая губная помада. Они ежедневно носят такую одежду, какую французские девушки надевают только один раз, и то на Новый год. У нас все более скромно, тихо, со вкусом как-то. А русские мужчины – прямая противоположность здешним девушкам. Вся одежда у них такая невзрачная, цвета грустные – серые да коричневые. Одним словом, вкусы французов и русских в отношении одежды не совпадают вообще» (<http://www.visitor.ru/journal/detail/3403/>).

У всех разные представления о том, что является модным, но новости, интересные факты, материалы о последних тенденциях моды и стиля всегда интересовали людей. **Мода** (лат. *modus* – мера, правило, образ) – обычно непродолжительное господство определенного типа стандартизированного массового поведения, в основе которого лежит относительно быстрое и масштабное изменение внешнего (прежде всего предметного) окружения людей (<http://workinggroup.org.ua/publsegal.shtml>).

Известно, что мода в современном понимании появилась в Европе в 14–15 вв. Природе моды свойственны: **релятивизм** (быстрая смена модных форм), **цикличность** (периодическая обращенность в прошлое, то есть к традициям), **иррациональность** (мода обычно обращена к эмоциям человека, и ее предписания не всегда соотносятся с логикой или здравым смыслом), универсальность (сфера деятельности современной моды безгранична).

Мода – это своего рода внешнее оформление внутреннего содержания жизни общества, так как выражается уровень и особенности вкуса общества в определенное время. Она позволяет формировать вкусы, прогнозировать, распространять и внедрять определенные ценности и образцы поведения. Мода является средством социализации, так как, дополняя традиционные формы культуры, позволяет создавать новое окружение человека. Следует отметить, что мода также представляет собой и социальный маркер, поскольку способствует идентификации и дистанцированию (мода разных социальных слоев отличается).

Современная мода размывает национальные стили на основе массовой культуры и универсального стиля, а также мода опережает физический износ товара моральным и повышает спрос на новое, расширяя рынки сбыта. Современная мода ориентирована на ритм смены стилей, поэтому сейчас модный стиль держится в среднем 7–10 лет. В основе стремления человечества соответствовать моде находится подражание (быть как все), стремление к собственному величию (возможность достичь того же, что и другие члены социальной группы), желание быть значительным (способность выделиться), обретение социальной опоры (принадлежность к определенной социальной группе обязывает оде-

ваться в соответствии с принятыми стандартами) (http://slovari.yandex.ru/dict/phil_dict/article/filo/filo479.htm?text=%D0%BC%D0%BE%D0%B4%D0%B0). Мода также создает социальные границы между людьми, формируя социальные группы.

Концепт «мода» является сложным ментальным образованием, в котором, как и в любом концепте, выделяются образная, понятийная и ценностная составляющие. Образный компонент концепта представляет собой создание прототипного образа в памяти, который занимает промежуточное положение между общим понятием и его конкретными репрезентациями, включает представления о ситуациях, в которых человек передаёт эмоции и чувства, отражающие этот концепт (Карасик 2002).

Синонимичные ряды концепта «мода» в английском языке включают в себя следующие понятия: *style* (взаимозаменяемое понятие с «*fashion*», предполагает элегантный и утончённый стиль в одежде, манере поведения в определённый временной промежуток), *mode* (главным образом указывает на расцвет модных тенденций в одежде и манере поведения, характеризуется быстротечностью и изменчивостью), *fashion* (господствующий, общепринятый обычай), *vogue*, *fad* (кратковременная мода, которая характеризуется непостоянством и быстрым переключением интересов на более популярные объекты), *rage and craze* (близкое значение с понятием «*fad*» в плане быстротечности, но им свойственно более интенсивное влияние на широкие круги масс, предполагающее повальное увлечение какими-либо модными явлениями), *dernier cri* (*cry*) (иногда используется с французской частицей **le**, и в английском языке обозначает и подчёркивает элемент экстермизма и желание следовать определённым тенденциям в моде с особым энтузиазмом (часто встречается в искусстве и моде на одежду)). Все вышперечисленные синонимы имеют следующее значение: определённый способ или манера поведения, следование стилю в одежде, приверженность тем или иным вкусам и интересам в бытовой сфере, но как кратковременное и быстропроходящее явление. Синонимы отличаются друг от друга по следующим признакам: 1) характер оценки моды в зависимости от временных установок, 2) свойства одежды и манеры одеваться

(хороший вкус противопоставляется броскости и экстравагантности), 3) стиль и характеристика модных тенденций.

Синонимичные ряды концепта «мода» в русском языке включают в себя следующие понятия: 1) привычка, обыкновение; 2) мера, способ, правило; 3) непрочная, быстропроходящая популярность (<http://Linguists/>).

Рассмотрим примеры:

Looking serious is no fun in the sun, so indulge in summer's taste for tacky (V, July 2003:42).

В вышеприведенном примере используется аллитерация и ритм, чтобы привлечь внимание читателей к изменению летних тенденций.

В следующих примерах наблюдается элемент индивидуально-ощущения стиля, субъективной оценки описываемого явления (ladylike – behaving in a quiet polite way that was traditionally considered suitable for a woman; pool-side – a) used about things that are at the side of a swimming pool, b) the area beside a swimming pool). Анализ значений лексических единиц «ladylike look» и «pool-side chic» (женственный внешний вид, шик купальных принадлежностей) показывает, что внешний облик и шик характеризуются с точки зрения индивидуального восприятия.

1) Inspired by film stars of yesteryear, the *ladylike* look is back in fashion, says Tamara Sturtz-Filby (V, July 2003:86).

2) These pretty, wearable swimsuits are the ultimate in *pool-side* chic (V, July 2003:20).

Олицетворение достаточно часто используется на страницах журналов «Vogue», «Yes»:

1) It used to be that *life imitated art* (V, July 2003:24).

2) Fashion *is* also *finding* themes in real life (V, July 2003:24).

3) Мода в очередной раз *переживает* расцвет хиппи-шика. (У, ноябрь 2008:64)

В первом примере говорится, что жизнь имитирует искусство (to imitate – to copy something). Во втором примере пишут, что мода находит темы в реальной жизни (to find – to discover something or see where it is by searching for it).

Следует отметить, и использование метафоры:

1) Mix up Indian, African and European looks in *an irresistible fashion melting pot* (V, March 2005:81).

Melting pot – a situation in which there are many different types of people, ideas, religions etc existing together.

2) *Dig the scene* (V, July 2003:24).

To dig – a) to make a hole in earth or sand using hands, a machine, or a tool, especially a spade; b) to try to find out information about someone, especially when they do not want you to.

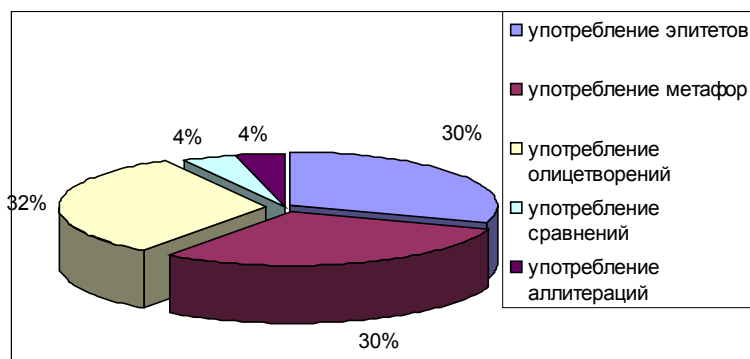
3) Summer in the city needn't mean a style *meltdown* (V, July 2003:48).

Meltdown – a) an accident in a nuclear reactor in which the temperature increases in the nuclear fuel until it melts through its container and radiation escapes; b) a sudden and complete failure of a company, organization, or system.

4) Этот эклектичный городской тренд, вдохновлённый *поэзией “детей цветов”*, позволяет множество интерпретаций (Y, ноябрь 2008:64).

В первом примере «melting pot» имеет значение соединение, то есть значение вырабатывается по аналогии с основным значением слова. «*To dig the scene*» не означает копать сцену, а означает искать новые образы. В последнем примере слово «meltdown» имеет значение смешение стилей.

Страницы журналов изобилуют использованием следующих лексических единиц – *to make it go the distance with the right accessories; full and flowing shapes; to do tomboy chic and flirty Fifties*

style, to boom; covetable bags; vacuuming down the catwalk; pick of; wearable:

1) Splash out on one great dress this summer, then **make it go the distance with the right accessories**, says Jackie Dixon (V, July 2003:45).

2) We show you four different ways to wear fashion's new **full and flowing shapes** (V, March 2005:114).

3) How **to do tomboy chic and flirty Fifties style** (V, March 2005:95).

4) Recession looms – but some things are still **booming** in the bust time (By Jo Craven)(V, July 2003:36).

5) Introducing spring's most **covetable bags** (V, March 2005:103).

6) At its last show, Imitation of Christ sent models **vacuuming down the catwalk** (V, July 2003:23).

7) Vogue's **pick of** what to see, wear and do in July (V, July 2003:23)

8) The only shop in London at which **wearable gloves** could be bought (V, July 2003:23).

Проанализированный материал показал, что метафоры, эпитеты и олицетворения являются наиболее частотными при описании концепта «мода».

Список литературы

1. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. – 477с.

Список словарей

1. Addison Wesley Longman. Longman Dictionary of English Language and Culture. Barselona: Cayfosa, 1998. – 1568 p.
2. New Webster's Dictionary. Delhi: Surjeet Publications, 1988. – 1824 p.
3. В.К. Мюллер Новый Англо-Русский Словарь. М.: Русский язык, 1995. – 880 с.

List of literature

1. Karasiik V.II. Jazykovoij krug: liichnosti, konthieptyy, diiskurs. Volgograd: Pieriemiena, 2002. – 477 pp.

List of the used dictionaries

1. Addison Wesley Longman. Longman Dictionary of English Language and Culture. Barselona: Cayfosa, 1998. – 1568 p.
2. New Webster's Dictionary. Delhi: Surjeet Publications, 1988. – 1824 p.
3. V.K. Miullier Novyyj Anglo-Russkij Slovari. M.: Russkijj jazyuk, 1995. – 880 pp.

**ПРИНЦИПЫ И СПОСОБЫ НОМИНАЦИИ РОССИЙСКИХ
СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ**

О. И. Федосова

Статья посвящена исследованию одного из периферийных разделов русской ономастики - названиям средств массовых информационных (гемеронимам). С опорой на теоретические исследования в области номинации специальной лексики выделяются основные принципы номинации гемеронимов: идентифицирующие гемеронимы, условно-символические, символические. Внутри каждого принципа рассматриваются основные словообразовательные модели гемеронимов и приводится их процентное соотношение в названиях российских средств массовой информации.

Ключевые слова: средства массовой информации, номинация, принцип номинации, способ номинации, идентифицирующие, условно-символические, символические.

Появление названий средств массовой информации, получивших в ономастике специальный термин – гемеронимы (Подольская 1988, Крюкова 2004), относится к тому периоду развития лексической системы языка, и в особенности имен собственных, когда целенаправленное имятворчество становится особенно актуальным и жизненно необходимым. Причиной тому является небывалый рост числа информационных источников, различных по своему адресно-целевому назначению, и необходимость в их наречении.

Для обозначения и регистрации вновь возникших средств массовой информации творческой группой специалистов придумываются, разрабатываются и создаются новые, порой не совсем обычные названия. И хотя при этом именуемые субъекты интуитивно опираются на объективные языковые закономерности и модели естественной номинации, в целом можно говорить о номинации гемеронимов как о процессе искусственном, мотивированном и рациональном.

Для названий средств массовой информации характерна повышенная связь с экстралингвистическими факторами, в частности – с историко-культурным наследием и различного рода законодательными актами. Экстралингвистический аспект значения сообщает гемеронимам определенную эмоциональную окрашенность, идеологическую насыщенность, а также отражает в большей или меньшей степени особенности национальной культуры.

Поскольку гемеронимы представляют собой подвижную, подверженную частым изменениям группу в ономастическом пространстве, некоторые авторы предлагают изучать основные номинационные процессы в данном разряде онимов, исходя из понятий принципа и способа номинации (см. Крюкова, 2004).

В.М. Лейчиком были теоретически разработаны и обобщены способы номинации в области специальной лексики (онимы, термины, номенклатура). По мнению автора, для данной лексики характерны следующие способы:

- словообразовательный;
- семантический (включая заимствования и переход из одного стиля в другой);
- синтаксический;
- фонетический (складывание отдельных звуков языка в новые комбинации);
- комплексный (сочетание разных способов) (Лейчик, 1982: 47-48).

Считаем, что данные способы номинации, предложенные В.М. Лейчиком, можно распространить и на названия средств массовой информации.

Под принципом номинации понимаются «своеобразные ономастические модели, обобщающие наиболее характерные аспекты и признаки, по которым происходит называние однородных предметов» (Голев 1981: 12).

Принципы номинации, предложенные И.В. Крюковой для анализа периферийных разрядов ономастики, в самом общем виде сводятся к трем основным (Крюкова, 1997: 169-170):

- идентифицирующий;
- условно-символический;

- символический.

Проанализировав, особенности номинации 800 российских названий средств массовой информации, мы выявили особенности искусственного и целенаправленного использования отмеченных выше принципов и способов в такой малоисследованной области ономастики, как гемеронимия.

По нашим данным, к идентифицирующим названиям следует отнести гемеронимы, мотивированные следующими признаками:

- основная идея или тематика печатного издания, телеканала, телепередачи;
- место, где данное средство массовой информации издается или выходит в эфир;
- лица, для которых данное средство массовой информации предназначено;
- организация, создатели, ведущие.

Возможно также сочетание двух или более указанных выше мотивировочных признаков. Анализ показал, что идентифицирующий принцип является основным в российской гемеронимии – он положен в основу номинации 50% названий.

А) Самую большую группу составляют гемеронимы, указывающие на тематику издания.

В первую очередь это названия, образованные лексико-синтаксическим способом и представляющие собой словосочетания с сочинительной связью. Например, газеты: *Недвижимость и строительство, Бизнес и банки, журналы Информатика и образование, Природа и охота*. Иногда сочинительный союз могут заменять в названии графические знаки + или &. Например, газеты *Кот & пес, Футбол. Плюс. Хоккей*; журналы *Обустройство & Ремонт, Интерьер + Дизайн, Сад & садик*.

Кроме того, к данной группе гемеронимов относятся словосочетания с бессоюзной связью, включающие в свой состав более двух компонентов. Например, журналы: *«Дом, семья, досуг»*; *«Финансы, инвестиции, недвижимость, законодательство»*.

Также наиболее традиционными моделями являются словосочетания со словами:

- *мир* – в значении «какая-либо сфера деятельности или область явлений в природе» (Словарь русского языка..., 1983, т. II: 275): «*Мир электроники*», «*Мир ПК*», «*Мир Интернета*», «*В мире животных*», «*Мир новостей*»;

- *вопросы* – в значении «положения, обстоятельства как предмет изучения и суждения, задачи, требующие решения, проблемы» (Ожегов, 1990: 101): «*Вопросы литературы*», «*Вопросы психологии*», «*Вопросы образования*»;

- *жизнь* – в значении «деятельность общества и человека в тех или иных ее проявлениях» (Словарь русского языка..., 1983, т. I:484) «*Сельская жизнь*», «*Спортивная жизнь*».

Большинство идентифицирующих гемеронимов образовано лексико-семантическим способом путем онимизации аппелятивов. Чаще всего онимизируются номенклатурные термины, специальные слова, употребляемые в той или иной отрасли науки или техники и тем самым указывающие на тематику данного средства массовой информации (газета «*Налого*»; журналы «*Главбух*», «*Спецназ*»; телепередачи «*Дежурная часть*», «*Дорожный патруль*»; телеканал «*Культура*»).

Б) Гемеронимы, указывающие на место, где средство массовой информации издается или выходит в эфир, и / или на его тематику.

В первую очередь сюда относятся названия газет и журналов, образованные лексико-синтаксическим способом. Это атрибутивные словосочетания с согласованием, в состав которых входят оттопонимистическое прилагательное и родовое определяемое («*Петербургский финансовый вестник*», «*Русский медицинский журнал*», «*Уральский медицинский журнал*»).

Однако следует отметить, что среди названий российских печатных средств массовой информации существует очень большая по количеству группа названий газет, мотивированных только одним признаком – указанием на место издания («*Российская газета*», «*Русский журнал*»).

В российской гемеронимии помимо широко распространенных родовых определяемых (*газета, журнал, программа, шоу*) следует различать и ложные родовые определяемые (*правда, ве-*

сти, вестник, ведомости). Эти родовые определяемые не являются общепризнанными номенклатурными терминами, но они уже давно связаны в русском языке с понятием «периодическое печатное издание».

Названия, имеющие в своем составе перечисленные выше ложные родовые определяемые, также следует отнести к идентифицирующим гемеронимам. В такие гемеронимы обычно входят прилагательные, указывающие на место издания, на основную тематику издания или на лиц, для которых данное средство массовой информации предназначено («*Российские вести*», «*Уральский вестник*», «*Волгоградская правда*»). Лексико-семантическим способом путем трансонимизации образованы следующие гемеронимы (общенациональная газета «*Россия*», Газета «*Вечерний Волгоград*», журналы «*Москва*», «*Нева*», «*Урал*», ; телеканалы «*Московия*», «*Ахтуба*»)

К идентифицирующим названиям можно отнести и гемеронимы-аббревиатуры, за которыми стоит развернутое словосочетание информационного характера (*ОРТ / Общественное Российское телевидение*, *РТР / Радио и телевидение России*).

В) Гемеронимы, указывающие на адресата, которому это средство массовой информации предназначено.

Здесь следует отметить достаточно большую группу гемеронимов, образованных лексико-синтаксическим способом. Это двухкомпонентные атрибутивные словосочетания с согласованием («*Детская газета*», «*Курортная газета*», «*Учительская газета*», «*Детская роман-газета*», «*Женские истории*»). Отмечены также атрибутивные словосочетания с управлением («*Газета для женщин*», «*Журнал мод*»).

К адресату также обращены названия, имеющие форму побудительных предложений или приветствий. Это помогает адресатам ощутить сопричастность с передаваемыми материалами: («*Возможно все!*», «*Доброе утро, Россия!*», «*С легким паром!*», «*Спокойной ночи, малыши!*»). Некоторые из этих названий не называют прямо тематику телепередачи и занимают промежуточное положение между идентифицирующими и условно-символическими названиями.

Онимизируются также аппелятивы, обозначающие лиц по профессии или по роду деятельности и благодаря этому показывающие, для кого предназначено средство массовой информации (газеты «Дачники», «Ведунья»; журналы «Автомеханик», «Инженер»).

Г) Гемеронимы, указывающие на некоторые темпоральные признаки средств массовой информации:

- на периодичность издания или выхода в эфир;

Образованы лексико-семантическим способом (газета «День», телепередача «Сегодня») и лексико-синтаксическим способом с дополнительным указанием на тематику СМИ (телепередачи «Скандалы недели», «Катастрофы недели»).

- на время выпуска печатного издания или выхода телепередачи в эфир;

Образованы лексико-синтаксическим способом (газета «Вечерняя Москва», телепередачи «Утренняя почта», «Ночные новости», «Утро в большой стране», «Сегодня утром», «Доброе утро, Россия»).

- на продолжительность передачи;

Образованы лексико-синтаксическим способом (телепередачи «Парламентский час», «Час суда. Дела семейные», «Час суда с Павлом Астаховым»).

Г) Гемеронимы, указывающие на организаторов, создателей, ведущих телепередач.

Образованы лексико-семантическим способом путем трансонимизации антропонимов (например, журнал «Долорес» – по имени создателя «Центра красоты «Велла-Долорес» Долорес Кондрашевой).

Образованы лексико-синтаксическим способом. Это словосочетания с подчинением характерные для названий телепередач (телепередачи «Вечер с Т. Кеасояном», «Рыбалка с Радзишевским», «Настроение» с Евгением Гришковцом», «Час суда с Павлом Астаховым», «Репортер» с Михаилом Дегтярем», «Кино в деталях» С Федором Бондарчуком»).

Появление таких названий в гемеронимии обусловлено экстралингвистическими факторами: усиление роли ведущего теле-

программ, появление авторских передач, разнообразных по своей тематике

Под условно-символическими гемеронимами будем, вслед за И.В. Крюковой, понимать такие названия, которые, «не называя реальных свойств объектов, отражают их косвенно (или условно) посредством метафоры» (Крюкова, 1997: 169).

Сюда относятся в первую очередь гемеронимы, дающие намек на тематику или основную идею средства массовой информации. Среди проанализированных российских гемеронимов условно-символические составляют около 33%. Для верной идентификации многих условно-символических названий нужен определенный набор фоновых знаний.

Большая часть гемеронимов данной семантико-мотивировочной модели образована лексико-семантическим способом («Сигнал» – журналы для автолюбителей; «Сударушка» – газета для женщин). Достаточно большое количество журналов для женщин образовано путем трансонимизации антропонимов («Ярославна», «Лиза», «Настя»).

Некоторые условно-символические гемеронимы образованы словообразовательным способом, преимущественно путем словосложения (журнал для любителей компьютерных игр «Игромания», журналы «Автопилот», «Виномания», «Фотомагазин») или усечения и словосложения, в которых первый компонент сложного слова указывает на тематику средств массовой информации (журналы «КомпьюАрт», «КомпьюЛог», «Компьюложка», «Компьютера»).

К данному принципу номинации относятся также гемеронимы, имеющие форму побудительных предложений (детский альманах «Почитай-ка!», журнал для досуга «Отдохни!»).

Отдельно следует остановиться на условно-символических названиях средств массовой информации, рассчитанных на детей и подростков. Эти гемеронимы стремятся любой ценой привлечь внимание адресата и заинтриговать.

С этой целью в качестве названий используются:

- слова разговорного характера (телепередача для детей «Умники и умницы»),

- слова, подражающие детской речи (журналы «*Шарландия*», «*Балагаша*»)

- междометия – газета «*Эй!*»;

- личные местоимения – журнал «*Мы*».

Следует отметить, что большинство условно-символических гемеронимов – это названия радио- и телепередач («*Модный приговор*», «*Контрольная закупка*», «*Кулинарный поединок*», «*Линия жизни*»). При этом предполагаются осознанные номинативные усилия со стороны субъекта номинации и интерпретаторские усилия со стороны адресата. Здесь в возникающих названиях прослеживается тенденция к поиску нетрадиционных, эмоционально маркированных средств выражения и языковой игры

И, наконец, еще одну группу образуют гемеронимы, представляющие собой символические названия. К символическим относятся названия «с общим значением положительности, не имеющие никакой смысловой связи с именуемыми объектами» (Крюкова, 1997: 170). Анализ российских гемеронимов показал, что они составляют около 18% от всех наименований.

Основной способ образования символических гемеронимов – лексико-семантический. Имеют оценочную семантику, указывающую на престижность, следующие названия средств массовой информации: юмористический журнал «*Во!*», еженедельник бесплатных объявлений «*Ваша удача*», журнал «*Да!*», телепередачи «*Время удачи*», «*Дорогая передача*»)

Традиционными символическими гемеронимами являются слова, имеющие общую сему «звук» (журналы «*Колокольчик*», «*Свирель*», «*Эхо*») или общую сему «огонь», «свет»: (русские журналы «*Костер*», «*Огонек*», «*Луч*»).

В заключение отметим, что большая часть гемеронимов – это идентифицирующие названия, они несут определенный минимум информации о содержании средств массовой информации, об основных проблемах, задачах, а общее количество условно-символических и символических названий достаточно невелико. Эти данные принципиально отличаются от полученных ранее результатов ономаσιологического анализа других периферийных разрядов ономастики – словесных товарных знаков, торжествен-

ных мероприятий, коммерческих предприятий (см. Ван Мяо, 2008: 208-211, Врублевская, 2006, Трифонова, 2002). Можно сделать вывод, что информативная насыщенность названия, его максимальная понятийная нагруженность является основной отличительной чертой гемеронима. Многие гемеронимы не только информативны, но и выразительны, оригинальны, эстетически красивы с точки зрения восприятия. Это объясняется тем, что названия являются элементом творчества конкретных именуемых субъектов, имеющих, как правило, определенный уровень образования и опыт работы со словом. Отмеченные особенности позволяют рассматривать гемеронимы не только с позиций ономазиологии, но и с позиций прагмалингвистики.

Список литературы

1. Ван Мяо. Мотивационные модели русских и китайских прагматонимов // Проблемы общей и региональной ономастики: материалы VI всероссийской науч. Конф. – Майкоп: Изд-во АГУ, 2008 - С.208-211
2. Врублевская О.В. Названия торжественных мероприятий: прагмалингвистический аспект (на материале русских и немецких номинаций): автореф. дис.....канд. филол. наук. - Волгоград, 2006.
3. Голев Н.Д. О некоторых общих особенностях принципов номинации в диалектной лексике флоры и фауны // Русские говоры Сибири. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1981. – С.12-20.
4. Крюкова И.В. Основные номинационные процессы в периферийной зоне ономастического пространства // Ономастика Поволжья: Материалы VII конференции по ономастике Поволжья.

List of literature

1. Van Miao. Motiivathiihonnyye modielii russkiih ii kiitajskiih pragmatoniimov // Problemyy obshchie ii riegiihonalinoj onomastiikii: materiihaly VI vsierossijskoj nauch. Konf. – Majkop: Iizd-vo AGU, 2008 - P. 208-211
2. Vrublievskaja O.V. Nazvaniija torzhiestviennyx mieropriiatiiij: pragmaliiingviiistiichieskiiij aspiekt (na materiiihalie russkiih ii niemietkiiix nomiinathiiij): Autoref. of Master of Phil.- Volgograd, 2006.
3. Goliev N.D. O niekotoryyx obshhiix osobiennostiax priinthetaipov nomiinathiihii v diihaliiektnoj lieksiikie floryy ii faunyy // Russkiiije govoryy Siibiirii. – Tomsk: Iizd-vo Tomskogo un-ta, 1981. – P.12-20.
4. Kriukova I.I.V. Osnovnyye nomii-nathiihonnyye prothiessyy v pierii-fieriiijnoj zonie onomastiichieskogo prostranstva // Onomastiika Povolzhija: Materiihaly VII konfierientiiihii po onomastiikie Povolzhija.

- Москва, 1997. – С. 168-172.
5. Крюкова И.В. Рекламное имя: от изобретения до прецедентности. – Волгоград: Перемена, 2004.
6. Лейчик В.М. Люди и слова. – М.: Наука, 1982.
7. Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М.: Русский язык, 1990.
8. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. – М.: Наука, 1978.
9. Словарь русского языка: в 4 томах. 2-е изд. испр. и доп. – М.: Русский язык, 1982-1984.
10. Трифонова Е. А. Названия деловых объектов: семантика, прагматика, поэтика (на материале русских и английских эргонимов): автореф. дис. ... канд. филол. наук. - Волгоград, 2006.
- Moskva, 1997. – pp. 168-172.
5. Kriukova I.I.V. Rieklamnoje iimija: ot izobrietieniija do priethiedientnosti. – Volgograd: Pieriemena, 2004.
6. Liejchiik V.M. Liudii ii slova. – M.: Nauka, 1982.
7. Ozhiegov S.I. Sloviri russkogo jazzyka. – M.: Russkiij jazzyk, 1990.
8. Podoliskaja N.V. Sloviri russkoj onomastiichieskoj tiermiinologii. – M.: Nauka, 1978.
9. Sloviri russkogo jazzyka: v 4 tomax. 2-je iizd. iispr. ii dop. – M.: Russkiij jazzyk, 1982-1984.
10. Triifonova JE. A. Nazvaniija dielovyyx obyektov: siemantiika, pragmatiika, poetiika (na matie-riihalie russkiix ii angliijskiix ergonii-mov): Autoref. of Doctor of Phil.-Volgo-grad, 2006.

ЛИНГВИСТИКА И ПЕРЕВОД

МОДАЛЬНЫЕ СЛОВА И МОДАЛЬНЫЕ ЧАСТИЦЫ В РАКУРСЕ КАТЕГОРИИ МОДАЛЬНОСТИ И ЗА ЕЕ ПРЕДЕЛАМИ (на материале немецкого языка)

М. Е. Соколова

*В данной статье предпринята попытка провести демаркационную линию между модальными словами и модальными частицами на примере двух словарных единиц: МС *vielleicht* и МЧ *vielleicht*, тождественных по звучанию, но различающихся, в первую очередь, своей семантикой, функциональными особенностями, а также коммуникативно-прагматическими характеристиками.*

Ключевые слова: модальные слова, модальные частицы, категория модальности.

Вопрос о том, являются ли модальные слова и модальные частицы родственными классами слов, находящимися в каких-либо отношениях друг с другом, или же их объединяет одна лишь терминологическая общность до сих пор остается открытым.

Если начальный этап в исследовании данных неоднозначно трактуемых языковых единиц проходил под углом зрения интеграции их (а, точнее, модальных слов и «частиц» в широком смысле, куда первоначально относили предлоги, союзы, наречия, а также собственно модальные частицы) (Erben 1961: 278), то в настоящее время наметилась тенденция к дифференцированному рассмотрению каждой из групп с выявлением их существенных характеристик (Helbig 1990: 30). Тем не менее, в целом ряде работ высказывается мысль о том, что модальные слова (МС) и модальные частицы (МЧ) не только имеют много общего (что верно только на поверхностном уровне), но и находятся в отношениях взаимозаменяемости (Гудкова 1999; Görnik-Gerhard 1985). Подвергая сомнению данную точку зрения, мы в данной

статье предприняли попытку провести демаркационную линию между модальными словами и модальными частицами на примере двух словарных единиц: МС *vielleicht* и МЧ *vielleicht*, тождественных по звучанию, но различающихся, в первую очередь, своей семантикой, функциональными особенностями, а также коммуникативно-прагматическими характеристиками.

Прежде чем остановиться на различиях, рассмотрим некоторые весьма существенные общепризнанные положения, на основании которых данные единицы рассматриваются в едином ключе как элементы равнозначные.

Совершенно очевидным является факт, что МС и МЧ объединяет общий признак *морфологической* неизменяемости (Калягина 1999: 9). *Коммуникативно - синтаксически* оба класса имеют рематическое значение, т.к. маркируют границу темы и ремы, оба не подвергаются отрицанию (Helbig 1990: 26). В *прагматическо-коммуникативном* плане ни МС, ни МЧ не являются частью пропозиции, т.е. не могут быть интерпретированы на том же семантическом уровне, что и сама пропозиция (Helbig 1990: 27), а относятся ко всему высказыванию. *Семантически* они ничего не называют и не утверждают, но, являясь элементами модуса ментального плана, выражают различные отношения к тому, что составляет содержание высказывания. В терминах категории модальности оба класса являются выразителями *субъективной модальности*, т.к. характеризуют не тот актуальный мир, о котором говорится в высказывании, а выражают отношение к возможной характеристике этого мира (там же, с. 27).

В этой связи необходимо сразу указать на то, что проблемным классом являются именно МЧ, пребывавшие практически до последнего времени на периферии исследовательского интереса в силу объективной сложности их описания. Поэтому вопрос о принципиальной разнице между исследуемыми классами оставался без ответа даже при более детальном рассмотрении общепризнанных различий, наиболее существенными из которых являются следующие: в просодическом плане МЧ, в отличие от МС, всегда атональны и не несут на себе логического ударения; в коммуникативно-синтаксическом плане они не способны к транс-

формации в предложении; МЧ не образуют ответ на вопрос, как общего, так и специального типа; не могут стоять в препозиции, а также не являются членами предложения. Для иллюстрации сказанного рассмотрим два примера иницирующих и реагирующих реплик коммуникантов в составе диалогов, взятых из драматических произведений современных немецких авторов:

1) *Münsterer: Dann will ich aber auch lachen.*

*Rosskopf: Du wirst lachen, du wirst **vielleicht** nicht gleich lachen, später im Bett wirst du lachen (Spectaculum 13: 119).*

Согласно выработанным критериям разграничения лексема *vielleicht* является здесь модальным словом, т.к. оно, прежде всего:

- способно к элиминации в высказывании: *Du wirst nicht gleich lachen (Ты не сразу будешь смеяться ...)*

- способно к субституции другими МС, например, *wahrscheinlich*, не меняющими пропозиционального содержания предложения: *Du wirst **wahrscheinlich** nicht gleich lachen.... (Ты, наверное (возможно, вероятно и др.), не сразу будешь смеяться ...).*

- может нести на себе логическое ударение и стоять в препозиции: ***Vielleicht** wirst du nicht gleich lachen.... (Возможно, ты не сразу будешь смеяться...)*, но, самое главное, выражает определенную степень уверенности говорящего в возможности осуществления действия, описанного в пропозиции высказывания: *(ты не сразу будешь смеяться)*. Таким образом, при всех синтаксических трансформациях МС *vielleicht* продолжает оставаться специализированным средством выражения *субъективной модальности*, а именно, *модальности достоверности*, измениться может лишь степень проявления данного модального значения, при элиминации же модальное значение не проявляется вообще, не затрагивая основного содержания высказывания.

Совершенно иную картину можно наблюдать во втором примере, где лексема *vielleicht* является МЧ. Здесь любое изменение синтаксической дистрибуции приводит к семантической дефектности конструкции, поэтому для понимания специфической роли МЧ необходимо обратиться к характеристике самой коммуникативной ситуации.

2) *Münzer: Mein Gott, bin ich **vielleicht** ein Wirt! Otti! Wein und Imbiß! Legt ab, Brüder, setzt Euch! Vergebt mir!* (Wolf 1995: 496).

В примере 2: «Боже мой, ну что я за хозяин!» говорящий внешне ловит себя на мысли, что его нерадушное поведение, т.е. несоблюдение правил гостеприимства, противоречит сложившемуся ритуалу: гостей необходимо сначала накормить-напоить, а потом развлекать разговорами. Это порождает отрицательную оценку собственных действий (аксиологический момент), а также модальную реакцию недовольства и укора самому себе (эмоционально-экспрессивный момент). Очевидно, что в данной реплике МЧ, выражая некоторое модальное отношение к содержанию высказывания, привнося определенные эмоционально-экспрессивные оттенки, не является в то же время оператором модальности **достоверности**, а имеет совершенно другую семантическую доминанту.

а) *Mein Gott, bin ich ein Wirt!* (Боже мой, я – хозяин!)

б) *Mein Gott, **vielleicht** bin ich ein Wirt!* (Боже мой, **возможно** я хозяин!)

в) *Mein Gott, bin ich **etwa** ein Wirt!* (Боже мой, **разве же** я – хозяин!)

г) *Mein Gott, bin ich **doch** ein Wirt!* (Боже мой, **я же ведь** – хозяин!)

Как видно из приведенных примеров, каждая новая трансформация приводит к тому, что значение начальной реплики полностью выпадает из вышеописанного коммуникативно-прагматического контекста, являясь в данной ситуации семантически аномальным. Очевидно, что постановка МЧ в препозицию (пример б) автоматически переводит ее в разряд модальных слов со значением достоверности. Элиминация МЧ *vielleicht* (а), равно как и замена ее другими МЧ (в, г), не изменяя содержания пропозиции, идет вразрез с контекстными и прагматическим условиями данного высказывания.

Таким образом, функциональный аспект применительно к МЧ и МС позволяет лишь поверхностно отграничить их друг от друга, но не имеет сам по себе решающего значения для уяснения содержательной специфики этих классов. Проблема осложняется

также тем, что, если семантической доминантой МС практически единогласно признается их способность выражать различные значения субъективной модальности достоверности, то модальным частицам, которым долгое время было отказано даже в «праве гражданства» в языке как элементам семантически пустым и потому рассматривавшимся как вторичные элементы языковой системы, также приписывается выражение модальных значений. Остается неясным, какие-же модальные значения способны выражать МЧ, не дублируя при этом специфику модальных слов?

Известно, что в принципе любая МЧ может соучаствовать в передаче практически неограниченного количества таких субъективно-модальных значений в высказывании, как, например, удивления, (а также восхищения, недоумения): «*Also, du machst vielleicht Sachen!*» («*Ну, ты даешь!*»), насмешки или сожаления: «*Du bist vielleicht ein armer Kerl!*» («*Бедняга!*») и др. Отсюда следует, что передача такого рода модальных оттенков значения не является прерогативой модальных частиц и данные модальные отношения не могут квалифицироваться, на наш взгляд, как «значения» МЧ, так как не будучи «узаконены» в самой языковой системе (в парадигматике), они могут быть интерпретированы лишь как модальные оттенки значений, реализуемые конкретным субъектом речи в конкретных прагматических условиях.

На основании сказанного мы делаем вывод о том, что об отношении модальных частиц к выражению модальности можно говорить лишь с той оговоркой, что данный вид частиц отнюдь не маркирует возникновение субъективно-модальных значений в высказывании, а лишь является вспомогательным средством реализации эмоционально-экспрессивного состояния говорящего субъекта.

С нашей точки зрения, непротиворечивую базу для описания содержательной специфики МЧ, которую с переменным успехом пытались искать в синтаксисе, в модальности, в прагматике, представляет комплексный семантико-прагматический подход к с учетом теории пресуппозиций. Согласно данному подходу МЧ являются не модальными операторами (Пророкова 1991), не иллокутивными индикаторами (Helbig-Kötz 1985), **не компонентами связанных синтаксических конструкций** (Кривоносов 1982), а маркерами результата

сверки прагматических пресуппозиций собеседников с описываемой коммуникативной ситуацией. В этой связи немецкие МЧ представляют собой не номинативные (в силу отсутствия назывной функции), а *дейктические* элементы языка, способные не просто указывать на наличие пресуппозиций (имплицитных пластов информации) в высказывании, а особым образом сигнализировать о положительном либо отрицательном результате этой сверки.

Необходимо заметить, что сопоставление пресуппозиций не является конечной целью говорящего, а является лишь первой ступенью к достижению таковой. Сопоставление пресуппозиций на предмет совпадения/несовпадения в рамках конкретного дейктического поля (т.е. речевой ситуации) с дальнейшей его оценкой (аксиологической и модальной) является неизменным элементом любого акта коммуникации, т.к. человеческая потребность в вербальном выражении своих мыслей обуславливается предыдущим коммуникативным опытом, диктуется достигнутым ли недостигнутым результатом общения. Поэтому каждый новый коммуникативный акт или каждая последующая реплика предваряется осознанием результата предыдущей, сопоставлением его с реальными параметрами новой ситуации, оперативной оценкой для говорящего полученного результата сопоставления, сопровождаемого, как правило, его эмоциональной реакцией. Все это, безусловно, необходимо говорящему для оказания воздействия на собеседника, для достижения задуманного перлокутивного эффекта, но, не в меньшей степени в этом нуждается и собеседник. Ему это необходимо для понимания коммуникативного замысла адресанта и адекватной интерпретации сообщения.

Языковые факты подтверждают, что весь корпус МЧ распадается на две относительно равные подгруппы, с семантическими доминантами совпадения (положительный результат), и несовпадения (отрицательный результат). Исследуемая нами МЧ относится ко второй подгруппе, наряду с такими МЧ как: *doch, denn, etwa, bloß, nur* и др.

В следующих примерах (3 и 4) мы покажем, как происходит описанная сложная ментальная операция кодирования и декодирования сообщения коммуникативными партнерами с помощью

МЧ. Данные диалогически блоки вычленены из естественных диалогов немецкоязычных информантов

3. B: *Ich hab dich hinterher gesehen mit irgend jemandem, aber da wollt ich dann au nich stören (lacht).*

C: *Ach nee, da war nix zu stören.*

B: *(lacht) Eben.*

C: *Ja, aber hättsde das direkt gesagt, wärn wer direkt tanzen gegangen. Du bist ja auch **vielleicht** ne Type! (Brons-Albert 1984: 151-152).*

Пример 3 – это классический случай реализации МЧ *vielleicht* результата несовпадения преуппозитий коммуникантов при определенных условиях речевой ситуации. Если вскрыть подоплеку актуализации МЧ *vielleicht*, то окажется, что МЧ необходима говорящему (молодому человеку), прежде всего, для указания на свое несогласие с поведением собеседника (знакомой ему девушки), постеснявшейся на дискотеке подойти к нему, т. к. он разговаривал с другой. Тот факт, что девушка, не разделив пресуппозитии молодого человека, считающего, что разговаривать можно с кем угодно и это никаким образом не отражается на его симпатиях, к нему не подошла, представляется говорящему не столько странным, сколько неправильным. Поэтому МЧ *vielleicht* в реплике: «Ну, ты странная!» – это, прежде всего, косвенный сигнал слушающему, что он действует против общепринятых норм (знание которых является само собой разумеющимся в данном социуме), затем – оценка факта (не знать это – плохо, по меньшей мере, странно) и уже потом – определенная реакция говорящего – удивление (как можно это не знать и не понимать!). Поэтому, вердикт, выносимый говорящим своему партнеру относительно его неадекватного поведения преследует перлокутивную цель – согласовать свои пресуппозитии с ситуацией и изменить свое поведение

4. A: *Unda hab ich da den Rotwein von der Gegend getrunken, den Dole, ich hatte vorher ein Bier getrunken!*

B: *Oh!*

A: *Und mir war so übel, also die ersten drei Stunden hab ich nur jammern im Auto gesessen und mir meinen Magen gehalten, mir war so schlecht, aber ich konnte auch nicht kotzen. Da war **vielleicht** ne schöne Fahrt! (Brons-Albert 1984: 18).*

Как видно уже из примеров 3 и 4, весьма типичным для устной диалогической коммуникации в условиях социального партнерства (в наших случаях) является особый эмоциональный статус коммуникантов – статус повышенной экспрессивности, эксплицируемый различными языковыми средствами: от лексико-грамматических – до просодических, в рамках которых модальным частицам отводилась ранее роль выражения различного вида эмоций разной шкалы интенсивности. На первый взгляд МЧ здесь – есть средство выражения эмоционального состояния удивления (3): «*Ну, ты странная!*», разочарования (4): «*Вот это поездка была!*». При детальном же рассмотрении МЧ – есть лишь подручное средство конкретной модальной аранжировки высказывания, реализуемое говорящим наряду с базовыми лексическими средствами, имеющими отрицательные коннотации, такими как: «eine Туре» – (субъект, типчик, странный человек) или материализующихся в переносном значении: «eine ‘schöne Fahrt’» – («прекрасная» в обратном смысле поездка), сопровождающихся шутило-фамильярным оттенком и соответствующей интонацией.

Поэтому наличие МЧ *vielleicht* является, прежде всего, сигналом критического осмысления говорящим всех прагматических нюансов предшествующей коммуникативной ситуации, следствие осознания ее сильных и слабых сторон в целях адекватного воплощения своего иллокутивного намерения. Эмоции же зарождаются в момент сверки пресуппозиций говорящих и соотнесения их результата с условиями речевого акта, а также оценки этого результата для себя лично: хорошо это или плохо, удобно или неудобно, полезно или вредно и т.д. Уникальная способность МЧ соотносить ожидаемое и действительное, способствовать оценке данного результата и формированию на этой основе дальнейших стратегических планов с целью последующего доведения их до слушателя в сжатой и лаконичной, но максимально экспрессивной форме, делает их незаменимыми помощниками любого вида диалогического общения, особенно неформального.

Отмеченные нами особенности актуализации МЧ *vielleicht* обуславливаются, как уже замечалось выше, различными прагматическими характеристиками высказывания, накладывающимися

ся на базовый компонент семантики МЧ. Одной из главных характеристик, с учетом сказанного, является позиция говорящего, его коммуникативная установка, складывающаяся как результат взаимодействия всех ситуативных и надситуативных факторов конкретного отрезка речевого общения, предопределяющая выбор говорящим иллокуции своего высказывания и подходящих в данной ситуации синтаксических форм выражения

Вышеприведенный анализ показал, что данные общие характеристики не позволяют сделать вывод не только о возможной унификации исследуемых классов, но и об их частичной взаимозаменяемости, т.к. каждый из них обладает своей семантической доминантой и своим функциональным потенциалом. В этой связи считаем, что термин МЧ не только объективно не отражает их сущности, всего лишь отдаленно указывая на их возможные потенции, но и вносит определенную путаницу в исследовательскую практику. Наиболее удачными нам представляются в этой связи термины дейктические или пресуппозитивные частицы, способные сместить в определенном плане ракурс рассмотрения данных языковых единиц.

Список литературы

1. Гудкова, Л.В. Синонимия модальных частиц ja, aber, auch, etwa и модальных слов в современном немецком языке. Автореф. дис... канд. филол. наук. – Иваново, 1999. – 18 с.
2. Калягина, И.Г. функционирование модальных слов в контекстах разных типов. Автореф. дис... канд. филол. наук. – С.-Петербург, 1999. – 22. с.
2. Кривоносов, А.Т. Модальные частицы как средство логико-грамматического членения предложения в немецком языке // Вопросы языкознания – 1982, № 3.
3. Пророкова В.М. Слова – «при-

List of literature

1. Gudkova, L.V. Siinoniimija modalinyx chastiith ja, aber, auch, etwa ii modalinyx slov v sovrie-mienom niemiethkom jazyykie. Avtorief. diis...kand. fiilol. nauk. – Iivanovo, 1999. – 18 p.
2. Kaliagiina, II.G. funkthiihoni-irovaniije modalinyx slov v kontekstax raznyyx tiipov. Autoref. Of Master of Phil. – S.- Pietierburg, 1999. – 22 p.
2. Kriivonosov, A.T. Modalinyje chastiithy kak sriedstvo logiiko-grammatiichieskogo chlienieniija priedlozhieniija v niemiethkom jazyykie // Voprosy jazyykoznaniija – 1982, № 3.
3. Prorokova V.M. Slova – «priip-

правы», слова – «заплатки». Модальные частицы в немецкой разговорной речи. – М.: Высшая школа. – 1991. – 127 с.

4. Erben J. Abriß der deutschen Grammatik. – Berlin: Akademie Verlag, 1961. – 226 S.

5. Görnik-Gerhard H. Zu den Funktionen der Modalpartikel schon und einiger ihrer Substetuentia. – Tübingen, 1981. – 141 S.

6. Helbig, G. Lexikon Deutscher Partikeln. – Leipzig, Enzyklopädie, 1990 – 258 S.

7. Helbig, G., Kötz W. Die Partikeln. – Leipzig, VEB-Verlag, 1985.

Источники примеров

1. Brons-Albert, Rh. Gesprochenes Standarddeutsch. Telefondialog, Band 18. – Gunter Narr Verlag. Tübingen, 1985 – 195 S.

2. Wolf, F. Gesammelte Dramen, B.4. – Aufbau-Verl., Berlin, 1955. – 583 S.

3. Spectaculum 13. Moderne Theaterstücke. – Suhrkamp Verlag, Frankfurt am Main 1970. – 292 S.

ravyu», slova – «zaplatkii». Modalinyye chastiithyy v niemiethkoj razgovornoj riechii. – M.: Vysshaja shkola. – 1991. – 127 p.

4. Erben J. Abriß der deutschen Grammatik. – Berlin: Akademie Verlag, 1961. – 226 p.

5. Görnik-Gerhard H. Zu den Funktionen der Modalpartikel schon und einiger ihrer Substetuentia. – Tübingen, 1981. – 141 p.

6. Helbig, G. Lexikon Deutscher Partikeln. – Leipzig, Enzyklopädie, 1990 – 258 p.

7. Helbig, G., Kötz W. Die Partikeln. – Leipzig, VEB-Verlag, 1985.

Sources of examples

1. Brons-Albert, Rh. Gesprochenes Standarddeutsch. Telefondialog, Band 18. – Gunter Narr Verlag. Tübingen, 1985 – 195 S.

2. Wolf, F. Gesammelte Dramen, B.4. – Aufbau-Verl., Berlin, 1955. – 583 S.

3. Spectaculum 13. Moderne Theaterstücke. – Suhrkamp Verlag, Frankfurt am Main 1970. – 292 S.

ЭВФЕМИЯ В ИСПАНСКОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ

О. В. Федосова

Автор статьи рассматривает проблему происхождения термина «эвфемизм» и его существование от дологических, первобытных времен до современного бытования в культуре на примере испанской разговорной речи, анализируя соотношение ценностных представлений общества с употребляемыми эвфемизмами различных типов («физиологическими эвфемизмами») и их связь с народной смеховой культурой.

Ключевые слова: эвфемизм, лингвокультурология, испанская разговорная речь.

Слово ‘эвфемизм’ (исп. *eufemismo*) пришло в испанский язык из латинского (*euphemismus*), которое, в свою очередь, восходит к греческому *eupheme* (εὐφήμι) производному от двух корней *eu* (εὖ) ‘хороший’, ‘благоприятный’ и *pheme* (φήμι) ‘речь’ (русск. ‘благая речь’). В испанском языке имеется прямой этимологический антоним слова *eufemia* → *blasfemia*, восходящий к греческому *blapto* (βλάπτω) ‘вредить, наносить урон’ и *pheme* (φήμι) ‘речь’, то есть первоначально *blasfemia* – ‘слова, наносящие вред’, ‘зло-речие’. Сегодня *blasfemia* в испанском языке имеет значение ‘богохульство, кощунство; хула, поношение’ – так это слово хранит память о дологической, восходящей к первобытной культуре вере человека в силу слова и может служить ключом к пониманию истоков эвфемии как явления речи, имеющего своей целью «не навредить словами». Эвфемия как речевой прием был известен еще во времена античности. Известно, что древние греки и римляне избегали упоминать в повседневной жизни имена богов, а также обитателей подземного царства, поэтому изобрели для их обозначения десятки эвфемизмов. Эвфемистические слова и выражения широко употреблялись и в Библии, где запретными для прямых наименований выступают упоминания Бога, смерти, язычников и половых отношений. Для замены слова «Бог» употребляются,

например, эвфемизмы «Всевышний», «Милосердный», «Благословенный», глагол «умереть» чаще всего заменяется глаголом «уснуть», об отношениях между мужчиной и женщиной иносказательно говорится «познать», «касаться», «быть вместе» и так далее.

Использование тех или иных эвфемизмов в каждом лингвокультурном сообществе диктуется принятой в этом сообществе системой ценностей, в основе которой лежат представления об истинном как соответствующем или не соответствующем истине (идеальной, рациональной, «эпистемической»). Шкала оценок в различных обществах может отличаться (и отличается) довольно значительно. Эвфемизмы возникают тогда, когда необходимо обозначить понятия, противоречащие общепринятым представлениям об истинном. Таким образом, в эвфемизме обязательно присутствует оценка, но эта оценка не субъективна, как в гиперболе; ее отправная точка – норма общепринятой морали и эстетики. Такая оценка относительно стабильна: ее колебания зависят не от различия в позициях субъектов, а от изменений нормы, устанавливаемой обществом.

Решающим фактором в формировании системы морально-нравственных ценностей современных европейских наций явилось христианство. Основы мировоззрения европейских сообществ закладывались в эпоху средневековья и Ренессанса, когда шел процесс интенсивного формирования европейских литературных языков. Именно христианское мировоззрение того времени, определявшее сознание европейцев, легло в основу ценностной шкалы, обозначившей морально-нравственные ориентиры общественного сознания и нашедшей свое отражение в языке. Начиная с 16-17 вв., а в Испании уже с 15 в., государство в западноевропейских обществах, берет на вооружение доктрину христианской морали и активно насаждает ее в обществе, формируя общую систему ценностей. С точки зрения этой морали, тело, телесная жизнь, как и все, что связано с так называемым «материальным», или «производительным низом» (термины М.М. Бахтина) [3] признавалось постыдным и запретным, что привело к табуированию в речи прямых наименований материально-телесных образов и

их функций и запустило процессы активной эвфемизации в европейских языках. Ни войны, ни сексуальная революция в Европе, никакие изменения в сознании европейцев последнего столетия не смогли переломить эту ситуацию. Анализируя тему секса как одну из систем запрета в европейских языках, М. Фуко пишет: «Попытка говорить о сексе свободно и принимать секс в его реальности столь чужда основной линии всей, теперь уже тысячелетней, истории и к тому же враждебна присущим властям механизмам, что затея эта, прежде чем достичь успеха в своем деле обречена на долгое топтание на месте» [6. С. 106]. К испанскому языку все сказанное относится в полной мере и даже более того, если вспомнить, что испанское общество в 20 в. – это общество гораздо более закрытого типа, по сравнению, например, с французским или английским. Несмотря на все изменения «в сторону открытости», произошедшие в нем после смерти Франко, оно не знало сексуальных революций и остается более традиционным, чем все другие европейские общества. Сложившаяся система ценностей обусловила в испанской разговорной речи эвфемизацию всей сексуальной стороны жизни человека. Так, возникли десятки эвфемизмов для обозначения мужских (*órgano viril, aparato, paloma, pájaro, pajarito, minga, nabo, pilila, pito, pistola, polla, glande, cipote, chorra*) и женских (*bacalao, conejo, bollo, panocha, pepe, cueva, concha, almeja, chichi, chochete, cholín...*) половых органов. Испанский исследователь П.А. Фуэртес Оливера пишет по этому поводу: «*Las catalinas, las teresas, las margaritas* – всего лишь некоторые из многих наименований, которые испанцы используют для обозначения женской груди» (Перевод наш. – О.Ф.) [8. С. 128]. Множество эвфемистических наименований употребляется для непрямых номинаций сексуальных отношений и всего, что с ними связано: табу *copular, fornicar* → эвфемизмы: *salir, acostarse con alguien, cohabitar, tener relaciones, hacer el amor, liarse, echar un casquete, echar un polvo, empiernarse, mojar (el churro), medir el aceite, montar, quilar, tabicar...*; табу *coito, copula* → эвфемизмы: *ayuntamiento, accesión, acceso, acto, acto sexual, polvete, congreso*; табу *preservativo* → эвфемизмы: *calcetín, ángel de la guardia, profiláctico* и др. Непрямые номинации в изобилии используются в

разговорном испанском для обозначения ежедневных потребностей тела и связанных с ними мест: табу *orinar* → эвфемизмы: *hacer sus necesidades, hacer (aguas) menores, cambiarse el agua al canario/ a las aceitunas, tirar el agua, hacer pipi, desbeber, echar una firma...*; табу *cagar, defecar* → эвфемизмы: *hacer (aguas) mayores/ hacer de vientre/ aliviarse, hacer caca*; табу *culo* → *trasero, posaderas, ojete, pompis, hucha, bul, El de atrás*. Целый ряд эвфемистических наименований породило понятие *retrete* 'туалет' → *aseo(s), servicio(s), baño, lavabo, váter; inodoro, tigre, evacuatorio, Señor Roca* и др.

Приведенные примеры демонстрируют неоднородность эвфемизмов с точки зрения стилистической окрашенности и эмоциональной выразительности. Наряду с нейтральными единицами, такими как *salir, cohabitar, tener relaciones, hacer el amor, liarse* в разговорной речи фигурируют более выразительные единицы, основанные, на метафоре конкретных образов материального мира и имеющие травестийную, смеховую основу, уходящую корнями в народную культуру (*mojar (el churro), medir el aceite, echar un polvo, cambiarse el agua al canario/ a las aceitunas, calcetín, ángel de la guardia...*). Эвфемизмы такого типа являются характерными для разговорного стиля испанского языка. Их превращение в дисфемизмы связано с переходом в иной функциональный стиль или обусловлено теми же факторами, которые влияют на переход в категорию дисфемизмов любых эвфемистических наименований вообще, т. е. длительной речевой эксплуатацией. Будучи широко представленными в семантической сфере «материально-производительного низа», они вовсе не являются исключением в иных сферах человеческой жизни и деятельности. Обязательное присутствие таких «народных» эвфемизмов в испанской разговорной речи обусловлено активным влиянием на процессы эвфемизации стихии коллективного народного сознания, для которого характерна своя система оценок. Эти оценки основаны на соотношении с истиной рациональной, эмпирической и поэтому часто бывают прямо противоположны общепринятым установкам. Так, материально-телесная стихия в понятийном пространстве коллективного народного сознания,

как показал М.М. Бахтин, является началом *глубоко положительным* (курсив наш. – О.Ф.), и воспринимается здесь «не в частно-эгоистической форме и вовсе не в отрыве от остальных сфер жизни. (...) Материально-телесное начало здесь воспринимается как универсальное и всенародное и именно как таковое противопоставляется всякому отрыву от материально-телесных корней мира, всякому обособлению и замыканию в себя, всякой отвлеченной идеальности, всяким претензиям на отрешенную и независимую от земли и тела значимость» [3]. Народное коллективное сознание проявляет себя в живых формах карнавальной культуры, жанрах устного народного творчества и, безусловно, в народном языке, влияние которого на испанский литературный язык бесспорно. Карнавал, празднество, другие зрелищные формы народной культуры являются неотъемлемой и важнейшей частью жизни испанского народа. Эта сторона народной жизни чужда всякому официозу, всякой строгой морали. Ее отличительной чертой является восприятие мира в смеховом аспекте, который находит свое выражение в конкретно-чувственных, часто приземленных и гротескных образах. Смеховое начало, вольность в обращении со словом, гротеск, тяготение к материально-телесному низу – все это также черты народного языка, активно влияющего и на разговорную испанскую речь. Именно поэтому в рядах эвфемистических синонимов обязательно присутствуют лексические единицы, отражающие народно-карнавальное восприятие жизни, основанные на гротескно-смеховом начале. Такие эвфемизмы выполняют двойную функцию: собственно эвфемистическую, и смеховую, карнавальную, функцию, результатом которой является гротескное принижение обозначаемых объектов, в результате чего эти объекты лишаются всякой серьезности, перестают пугать, приручаются, «отелесниваются»

Особое место в системе «физиологических эвфемизмов» занимают иносказательные слова и выражения, связанные с обозначением понятий женской физиологии. Эвфемия в области словоупотреблений этой сферы берет свое начало еще в книгах Ветхого Завета. В условиях средневекового европейского общества, основанного на религиозно-христианской морали, эта языковая

тенденция приобретает новое идеологическое обоснование. Как известно, средневековая католическая церковь признавала женскую природу изначально низменной и порочной, что надолго закрепило в европейских обществах бесправное и униженное положение женщины. Впоследствии развитие буржуазных отношений в западных обществах способствовало продвижению именно активного властного мужского начала. Сегодняшняя западная культура имеет выраженный маскулинный характер: фундаментальные установки западной ментальности выражаются в акцентировании активизма формального мужского начала. В рамках испанской культуры соединились черты маскулинности западного и восточного типа, что нашло свое выражение в специфической идеологии мужского превосходства, так называемого *мачизма* (исп. *machismo*) от исп. *macho* 'мужик, мужчина'. Отношение к женщине со стороны маскулинного, мачистского, по своей сути общества в речи и языке отразилось в табуировании прямых номинаций основных явлений женской физиологии, каковыми являются «беременность», «роды» и «менструация». Так, в испанской разговорной речи табуируется прямое наименование *preñada* 'беременная'. Вместо него употребляются эвфемизмы: *embarazada, encinta, en estado (de buena esperanza), genitriz, ocupada* и др. То же происходит и с другими словарными единицами этой семантической сферы: табу *parir* 'родать' → эвфемизмы *dar a luz, alumbrar, despachar, desembarcar, librar...*; табу *menstruación* → эвфемизмы: *esos días, la regla, el tomate, la mujer de rojo, la prima rusa, el chorrito, el inquilino comunista, La tía María, La tía Pepita, Juana Meneses, el gallo rojo* и др.

Эвфемизации в разговорной испанской речи подвергаются также прямые номинации реалий, ассоциирующихся с точки зрения религиозно-христианской морали с грехом, в особенности с грехом содомским. К этой сфере принадлежат эвфемизмы, семантических полей «проституция», «гомосексуализм», «лесбиянство», «пьянство». Понятия этой сферы образуют длинные ряды эвфемистических синонимов в испанском языке. Так, например, для обозначения понятия 'prostituta' (синонимы: *ramera, puta, golfa*). В. Бейнхауэр приводит не менее десятка эвфемизмов: *mujer*

pública, zorra, fulana, cualquiera, socia, prójima, pesetera, pendón/pendona, pelandusca, furcia [7. С. 176]. К этому ряду сегодня можно добавить *mujer de la vida alegre, buscona, meretriz, mujerzuela, pingo, lumi, perra* и многие другие. Еще большее число эвфемистических наименований в разговорной речи породило понятие *borrachera* ‘пьянство’ → *piripi, cogorza, colocón, curda, cucudrulo, cirimosca, empanada, marejada, lagartijera, jaula, melopea, merluzo, moco, moña, melopea, trompa, torrija, tranca, turca, tajada, viaje*. В семантической сфере «гомосексуализм» вместо прямого наименования ‘homosexual’ в разговорной речи используются эвфемизмы *gay, maricón, marica, afeminado, apio, mariposa, palomo cojo, chapero, que pierde aceite*.

Существенным для явления эвфемии является тот факт, что в народном коллективном сознании сохранилась вера в существование глубинной связи между обозначаемым и обозначающим. Так, хотя в сознании среднего европейца слово уже давно перестало быть связанным с тем, что оно обозначает, на бытовом уровне и в народной культуре все еще остается живой вера в тайную связь между словом как знаком и обозначаемым им объектом действительности. Эта особенность народного сознания проявляет себя в разговорной речи в виде суеверий в отношении употребления тех или иных слов. Так, в испанской речевой традиции, восходящей своими истоками к Библии, не принято упоминать прямое обозначение ‘diablo’, что нашло свое отражение в известной поговорке: *hablando del rey de Roma, por la ventana se asoma* (букв. ‘когда говорят о короле Рима, он лезет в окно’), которая содержит эвфемистический перифраз *el rey de Roma*. Смысл этой поговорки понятен: когда мы упоминаем в наших разговорах дьявола, он приходит к нам. В более широком смысле, эта поговорка отражает народную веру (или суеверие) в то, что слова оказывают непосредственное влияние на жизнь человека. Так, вместо ‘diablo’ в пиренейском варианте испанского языка наиболее распространены эвфемистические наименования *diacho, dianche, diantre* или *diantres*.

Испанцы также очень суеверны в отношении денег. Деньги как символ богатства вообще являются одним из ключевых кон-

цептов в современной культуре западного типа. Так, только в рамках западного меркантилизма могло родиться утверждение, что «золото и серебро – это самая чистая наша кровь и основа наших сил» [5.С. 205]. Деньги в буржуазных обществах приобретают статус некоего божества, поэтому не принято употреблять слово ‘деньги’ всуе. В испанской разговорной речи его обычно заменяют всевозможными эвфемистическими синонимами, ряд которых постоянно пополняется. Так, сегодня активно функционируют эвфемизмы как для обозначения самого понятия *dinero* ‘деньги’ (*tela, calas, pelas, pasta, harina, manteca, parné, narpé, guita, plata, mosca, monei/ monei/ moni, viruta*), так и для связанных с ним ситуаций, например: *pagar* ‘платить’ → *hacer de pagano/ hacer el pagano, hacer el Paganini/ de Paganini* и др.

Тема смерти также связана с явлением эвфемии в испанском языке, что, с одной стороны, восходит к библейской традиции, а, с другой – связано с естественным страхом человека перед этим явлением. Западный философ Ф. Ариес выдвинул теорию пяти этапов восприятия смерти в западноевропейской культуре: от «прирученной» смерти (архаика, 12 в.), когда человек считал смерть естественной и был готов к встрече с ней, до «перевернутой» смерти (20 в.), когда общество стыдится смерти, скрывает и бананизирует ее [4]. В языке подобное отношение к смерти породило активные процессы эвфемизации в данной семантической сфере: табу *morir* ‘умереть’ → разг. эвфемизмы *enfriarse, felparse, palmarse, pelar gallo, petatearse, pirarse, torcerse, quedarse tieso, cascarla, caducar, irse al hoyo, quedarse frito, ir a criar malvas, entregar el equipo, chupar farros, colgar los tenis, colgar los guantes, doblar el petate, entregar la piel...*; *estar muerto* ‘умереть, быть мертвым’ → разг. эвфемизмы: *estar criando malvas, haber estirado la pata, haber hincado el pico, haber pasado a mejor vida, estar en el bolsillo de cura, haberlas espichado* и т.д. Ни одно понятие в испанской разговорной речи не породило столько эвфемизмов, сколько *la muerte* ‘смерть’ → *la afanadora, la bien amada, la cabeza, la canica, la china, la chiripa, la desdentada, la enlutada, la grulla, la hilacha, la hora suprema, la igualadora, la libertadora, la mera hora, la pachona, la parca, la pelona, la dientona, la llorona, la rasera, la*

segadora, la tembleque, la tilinga, la apestosa, la calavera, la patrona, la amada inmóvil, la chupona, la jodida, la malquerida, la catrina, la chingada, la curamada, la dama del velo, la estirona, la indeseada, la hora de la hora, la mocha, la pelleja, la huesuda, la teznada, и др.

Еще одна часть человеческой жизни, которая подвергается эвфемизации в испанской разговорной речи и языке – это *vejez* ‘старость’. Понятия семантического поля «старость» относятся к категории эвфемизмов новейшего времени, поскольку порождены ближайшим эпистемическим контекстом. Понимание старости и отношение к ней в современном испанском обществе, равно как и других обществах культуры западного типа, определяется уже не религиозно-христианской моралью, а современными социальными условиями, ставящими во главу угла законы производства и потребления. В новой формирующейся системе ценностей западного общества во главе угла находится молодость, красота, здоровье, деньги. Эти качества приобретают особую значимость, поскольку они «экономически выгодны». Старость же в рамках такой новой морали является обузой для общества. О предубеждении против стариков и их дискриминации много пишется сегодня на страницах испанской печати. В романе современной испанской писательницы Р. Монтеро «Инструкции для спасения мира» события разворачиваются на фоне не прекращающихся сообщений об убийствах невинных стариков. Эту цепь преступлений против стариков связывают с действиями некоего молодого человека, поймать которого не удастся, поскольку в его поступках отсутствует конкретный корыстный умысел: он просто ликвидировал стариков. Эта тема не является центральной в романе, это всего лишь фон, отражающий духовное состояние общества. В романе присутствует еще один герой – эмигрант, каких немало в Испании, совсем еще молодой юноша, оказавшийся в конце террористом-смертником, совершившим свой бессмысленный и жестокий акт в салоне обычного городского автобуса. Это тоже совсем не главный герой. Но он произносит ключевые для нас слова. В ответ на вопрос «Откуда ты?», он отвечает: «Я из Марокко. Там не случается таких вещей. ... Там не убивают стариков. И старики не живут одни. Старики очень важны в моей

стране. И в семье. Но здесь.... Вы думаете, что знаете все, а не знаете ничего» (Перевод наш. – О.Ф.) [10.С. 35-36]. Так, отношение к старикам становится точкой, в которой проявляют себя две культуры. Две культуры и две совершенно разные системы ценностей. Номинативные единицы *viejo* ‘старый’, *envejecer* ‘постареть’ сегодня воспринимаются как оскорбления и подвержены табуированию, в результате чего во множестве возникают эвфемизмы: ‘envejecer’ → *encanecer, madurar, entrar en la tercera edad, entrar en Villavieja*; ‘viejo/ anciano’ → *maduro, veterano, matusalén, vetusto, senil, la tercera edad, el mayor, décrepito, persona de edad avanzada/ de edad dorada/ de la Gerontología, persona en años de cosecha, persona cronologicamente dotada, Adulto Mayor, geronte*, а также дисфемизмы *achacoso, carca, carroza* и др.

Обращает на себя внимание тот факт, что разговорные эвфемизмы иногда кажутся более грубыми, чем прямые номинации понятий. Это особенно видно на примере семантических сфер «смерть» и «старость». Таковыми являются, например, *ir a criar malvas, estirar las patas, quedarse frito, diñarla, palmarla* для обозначения понятия ‘morig’. Такому «огрублению» эвфемистической лексики, по нашему мнению, есть несколько причин. Первая из них, и важнейшая, связана с влиянием денотата на сигнификат. Обозначаемое понятие само по себе не может быть плохим или хорошим, оно становится таковым в результате той оценки, которую человек непременно переносит на все объекты и реалии окружающего мира. Так, сами по себе названия органов человеческого тела и даже любые поступки человека вне отрыва от общества и его морали не являются плохими или хорошими. Плохими или хорошими они становятся в результате оценки человека, которая, в свою очередь, диктуется ему системой общественных ценностей. С другой стороны, сами по себе слова как сигнификаты также не являются ни плохими, ни хорошими. По-выражению Ш. Балли, они не более чем «этикетки» обозначаемых понятий. Плохими или хорошими они становятся в нашем восприятии в результате той оценки, которой мы меряем обозначаемые ими объекты или явления окружающей действительности. Поэтому любой денотат, если он оценивается человеком и обществом как

презренный и недостойный, со временем окрашивает обозначающее его слово в деспективные тона, и слово приобретает грубую, даже обценную окраску. Так, например, слово *zorra* (русск. 'лисица'), употребляемое первоначально в качестве непрямого эвфемистического наименования вместо *prostituta*, само по себе не несло отрицательной окраски, однако, закрепившись в языке в устойчивой ассоциации с обозначаемым родом занятия, оно приобрело деспективную окраску и грубое звучание, перестав, в конце концов, выполнять функцию эвфемизма. Другой причиной, которая обусловила часто более грубое звучание эвфемистической лексики, нежели прямых наименований в данных областях антропосферы, является факт ее заимствования из жаргона. Как известно разговорная речь легко заимствует жаргонную лексику, в которой находит дополнительный источник экспрессии и демократизации вокабуляра. Однако жаргонизмы заимствуются разговорной речью также и для выполнения функций эвфемизации. Важно подчеркнуть, что в жаргонах соответствующая лексика выполняла принципиально иную функцию, а именно, функцию кодификации коммуникативных посланий. Переходя же в разговорную речь, а затем и стиль языка она меняет свои функции, но при этом сохраняет присущую ей сниженную окраску.

Список литературы

1. Балли, Ш. Французская стилистика / Пер. с фр. М.: УРСС, 2001.
2. Бахтин, М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М.: Худож. лит., 1990 / [Электронный ресурс] // http://www.philosophy.ru/library/bahtin/rable.html#_ftnl.
3. Новейший философский словарь. – 3-е изд. – Мн.: Книжный Дом, 2003.
4. Фуко, М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / Пер. с фр. СПб: А-сэд, 1994.

List of literature

1. Ballii, SH. Franthuzskaja stiiliistiika / Pier. s fr. M.: URSS, 2001.
2. Baxtiin, M.M. Tvorchiestvo Fransua Rablie ii narodnaja kulitura sriednieviekovija ii Rienies-sansa. M.: Xudozh. liit., 1990 / http://www.philosophy.ru/library/bahtin/rable.html#_ftn1.
3. Noviejshiiij fiilosofskiiij slovani. – 3-je iizd. – Mn.: Kniizhnyyj Dom, 2003.
4. Fuko, M. Slova ii vieshhii. Arxieologiiija gumaniitarnyyx nauk / Pier. s fr. SPb: A-cad, 1994.

5. Фуко, М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет / Пер. с фр. М.: Касталь, 1996.
6. Beinhauer, W. El español coloquial. Madrid: Gredos, D.L., 1978.
7. Fuertes Olivera, P.A. Mujer, Lenguaje y Sociedad. Los estereotipos de género en inglés y en español. Madrid: Ayuntamiento de Alcalá de Henares, 1999.
8. García L., Manuel J. Diccionario de eufemismos y de expresiones eufemísticas actuales. Madrid: Editorial Verbum, S.L., 2000.
9. Montero, R. Instrucciones para salvar el mundo. Madrid: Alfaguara, 2008.
5. Fuko, M. Volia k iistiinie: po tu storonu znaniija, vlastii ii sieksualnostii. Raboty raznyx liet / Pier. s fr. M.: Kastali, 1996.
6. Beinhauer, W. El español coloquial. Madrid: Gredos, D.L., 1978.
7. Fuertes Olivera, P.A. Mujer, Lenguaje y Sociedad. Los estereotipos de género en inglés y en español. Madrid: Ayuntamiento de Alcalá de Henares, 1999.
8. García L., Manuel J. Diccionario de eufemismos y de expresiones eufemísticas actuales. Madrid: Editorial Verbum, S.L., 2000.
9. Montero, R. Instrucciones para salvar el mundo. Madrid: Alfaguara, 2008.

**ВАРИАНТНОСТЬ АДЪЕКТИВНЫХ КОМПАРАТИВНЫХ
ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ**
(на материале английского, немецкого и норвежского языков)

А.Н. Любова, Т.Н. Федулёнок

Статья посвящена дифференцированию и описанию главных видов изменчивости в сфере сравнительной германской фразеологии, а именно в пределах современного английского языка, немецкого языка и норвежских языков. В ходе структурного и семантического анализа выясняются морфологические, лексические и количественные варианты во фразеологических подсистемах Германских языков.

Ключевые слова: фразеологические единицы, вариантность, адъективный, компаративный.

1. Подходы к проблеме вариантности в фразеологии

Способность фразеологических единиц (ФЕ) при воспроизведении образовывать различные варианты именуется вариативностью. Термины «вариативность» и «вариантность» трактуются неоднозначно. Вариативность – понятие более широкого плана, которое включает в себя как узуальные, так и окказиональные изменения ФЕ. Характерным признаком ФЕ является вариативность ее компонентного состава [11. С. 20]. Вариантность – есть явление языковой системы: она не порождается контекстом, хотя выбор может определяться характером контекста. Под вариантностью подразумеваются лишь узуальные модификации компонентного состава ФЕ.

Фразеологические варианты – это разновидности одной и той же ФЕ, которые, различаясь, отдельными компонентами лексического состава и грамматического строя, сохраняют единство образного и предметно-логического (денотативного) компонентов в структуре своих значений [1. С. 317].

Вопрос о вариантах слова в советском языкознании впервые поставил В.В. Виноградов [4. С. 33], выделив фономорфологические и

этимологические варианты слов. Дальнейшей разработкой проблемы вариантности слова занимался А.И. Смирницкий [13. С. 11], который под вариантами слова понимал «определенные слова в определенной грамматической форме и в определенной звуковой оболочке, в которой выражается одно определенное лексическое значение» и которые различаются не как разные грамматические формы.

В современной фразеологии существует два подхода к проблеме вариантности. При *узком* подходе варьирование ограничивается рамками формально-структурных изменений.

Компонентная вариантность ФЕ допускается при неременном тождестве значения, отсутствии различий в коннотативных оттенках и абсолютной взаимозаменяемости, то есть при абсолютном тождестве семантики вариантов фразеологизма. Варианты ФЕ при таком подходе рассматриваются как закрепленные нормой видоизменения этой единицы, происходящее в рамках одной и той же структурной модели, не нарушающие ее семантического тождества и характеризующиеся единством внутренней формы [8. С. 24].

При *широком* подходе к вариантности фразеологизмов данное явление рассматривается как семантическое. Сторонники этого подхода, также как и первого, исходят из наличия у языкового знака как плана выражения, так и плана содержания. Но при данном подходе исследуется варьирование плана содержания фразеологизма при более или менее неизменном плане выражения. Тождество единиц сохраняется в том случае, если различия в плане выражения и плане содержания не образуют самостоятельных знаков функции, не изменяют референтной соотнесенности единицы и ее системной значимости [15. С. 12].

Наиболее широкий подход к проблеме вариантности ФЕ обнаруживает работа Л.А. Болговой. Автор рассматривает семантическое варьирование как широту фразеологического значения и его специализацию, выражающуюся в варьировании его референтной соотнесенности за счет включения конкретизирующих сем. Варианты, по мнению автора, – это реализованное значение, «обогащенное» наличием второстепенных сем [3. С. 168].

Разнообразные трактовки проблемы вариантности фразеологических единиц представлены в работах Н.Л. Каменецкайте

(1960), Г.И. Краморенко (1962), В.Н. Телия (1968), О.А. Ширниной (1989), И.И. Юрасовой (1995).

Нередко проблема фразеологической вариантности рассматривается в связи с проблемой тождества целостного значения фразеологизма [2. С. 137; 5. С. 27; 6. С. 71; 7. С. 166; 10. С. 26; 18. С. 50]. Межъязыковая вариантность интернациональных фразеологизмов основывается на межъязыковом тождестве. Как отмечает Т.М. Шихова, «своеобразие фразеологического тождества, обеспечивающегося относительной стабильностью целостного фразеологического значения, и различия, проявляющегося в вариантности, являются следствием таких важных свойств фразеологизмов, как раздельнооформленность и семантическая слитность, представляющих собой единство противоположностей» [19. С. 141].

Рассматривая вопрос о различии узуальных (языковых) и окказиональных (речевых) вариантов ФЕ, под последними Т.Д. Каргина подразумевает нерегулярные структурно-семантические изменения, затрагивающие и семантику исходной ФЕ и относящиеся не к традиционным вариантам языка, принадлежащим к языковой системе, а к авторским преобразованиям как наиболее эффективным приемам преобразования ФЕ для раскрытия прагматического содержания художественной коммуникации. Такие варианты, по мнению исследователя, неизбежны и необходимы, поскольку из вариантности рождается норма [8. С. 65].

Основное отличие между фразеологическими вариантами и структурными синонимами, по мнению А.В. Терентьева, – наличие/ отсутствие общей образной основы [16. С. 8]. Варианты представляют собой разновидности фразеологической единицы с единой образной основой, не отличающиеся по стилистической отнесенности и дистрибуции.

Анализируя фразеологию восточнославянских языков, Т.М. Шихова отмечает, что вариантность различных типов основана преимущественно на синонимических отношениях [19. С. 143]. Исследователь приводит примеры следующих видов вариантности фразеологизмов:

1) варианты фонетического типа (геркулесовы столпы/ столбы),

2) варианты словообразовательного типа (геркулесов/ геркулесовский труд),

3) варианты грамматического типа (голубая мечта/ голубые мечты),

4) варианты лексического типа (делать хорошую/ веселую мину при плохой игре).

Вариантность фразеологических единиц может рассматриваться на разных уровнях: фонетическом, лексическом, морфологическом, синтаксическом. Некоторые исследователи считают возможным выделить комбинаторные (смешанные), словообразовательные, позиционные, парадигматические и количественные варианты. Так, исследуя особенности китайской и русской фразеологии, С. Тянь (2001) рассматривает фонетические, морфологические, словообразовательные и структурные варианты.

Считаем, что фразеологические варианты представляют собой разновидности ФЕ с единой образной основой, не отличающиеся по стилистической отнесенности и дистрибуции. При определении вариантности компаративной фразеологии используем классификацию вариантов номинативных и номинативно-коммуникативных, или глагольных, ФЕ, предложенную А.В. Куниным в своем фундаментальном диссертационном исследовании английской фразеологии [9. С. 443].

На основе структурно-семантического и компонентного анализа избранных фразеологических единиц выясняем, что компаративные фразеологизмы английского, немецкого и норвежского языков подвержены следующим видам вариантности: морфологической, лексической и количественной.

2. Морфологическая вариантность

Под морфологической вариантностью понимаем наличие изменений в парадигматическом оформлении компонентного состава изучаемых фразеологизмов, т.е. изменение окончаний, артиклей и т.п.

Вариантность АКФЕ на морфологическом уровне сопровождается:

1) Изменением числа компонентов ФЕ, например, единственное число меняется на множественное или наоборот: англ. *as bold*

as a coot/ as bold as coots (букв. гладкий как лысуха) – необычайно гладкий; *as brown as a berry/ as brown as berries* (букв. черный как ягода) – очень темный, загорелый, шоколадного цвета; *as safe as houses/ as safe as a house* (букв. безопасный как дома/ дом) – абсолютно надежный, безопасный, ≅ как за каменной стеной; *as busy as a bee/ as busy as bees* (букв. суетливый как пчелка) – проворный, трудолюбивый человек; сравним, например: (a) *She's as busy as a bee from morning to night.* (b) *Isn't this a programme the children like watching? Yes, but they're upstairs, busy as bees making puppets, so I am not going to draw their attention to it!* (Cowie ODOEI, p.17).

В немецком языке: *pünktlich wie ein/ die Maurer* (букв. точный как каменщик/ каменщики) – очень точный, пунктуальный; *weich wie Wachs in j-s Händen/ Hand* (букв. мягкий как воск в чьих-л. руках/ руке) – чрезвычайно мягкий; *emsig/ fleißig wie eine Ameise/ die Ameisen* (букв. прилежный, трудолюбивый как муравей/ муравьи) – очень трудолюбивый.

В норвежском языке: *gammel som haug/ haugene* (букв. старый как холм/ холмы) – старый как мир.

2) Вариациями конструкций с артиклем/ без артикля: англ. *as cold as stone/ as cold as a stone* (букв. холодный как камень) – 1) холодный как лед, 2) бессердечный, черствый, бесчувственный, холодный; *as hard as a stone/ as hard as stone* (букв. твердый как камень) – жесткий, бессердечный человек; норвеж. *sikkert som en lås/ lås* (букв. надежный как замок) – совершенно точно; *sterk som krutt/ kruttet* (букв. крепкий как порох) – крепкий (о кофе).

В норвежском языке артикли являются также родовыми показателями: *en* – показатель мужского и женского родов, а *et* – среднего рода.

Для немецких адъективных КФЕ данный тип вариации не характерен.

3) Варьированием определенного или неопределенного артикля/ и нулевого артикля: англ. *as free as the air/ as free as air* (букв. свободный как воздух) – не обремененный обязательствами человек; *as crazy as a bed-bug/ bedbug* (букв. сумасшедший как постельный клоп) – совсем спятил, рехнулся; ≅ не в своем уме, не все дома; нем. *wie ein/ der Fisch auf dem Trockenen* (букв. как рыба

на суше) – как рыба выброшенная на берег; норвеж. *uskyldig som barnet/ et barn i mors liv* (букв. невинный как ребенок в маминой жизни) – невинный как младенец; *tórr som knusken/ en knusk* (букв. сухой как порох) – сухой как пыль.

4) Варьированием предложных или союзных компонентов: англ. *as changeable as a weathercock / more changeable than a weathercock* (букв. изменчивый/ более изменчивый как флюгер) – переменчивый (о настроении, мнении); *as different as chalk from cheese / as different as chalk and cheese* (букв. разные как мел и сыр) – абсолютно непохожие, сравним, например: (a) *The two brothers resembled each other physically, but were **as different** in their natures **as chalk from cheese***. (b) *Attending a cookery class once a week, and running your own house are **as different as chalk and cheese**, my girl, and you'll very soon find out.* (Cowie, ODOEI, p.19).

Для норвежских адъективных КФЕ также характерно варьирование предложных и союзных компонентов, например: *sikkert som banken* (букв. надежный как банк) – *sikkert som i banken* (букв. надежно как в банке) – весьма надежный; *sikkert som/ som at to og to er fire* (букв. надежно как/ как будто дважды два четыре) – верно как дважды два четыре.

Для немецких адъективных компаративных фразеологических единиц данный тип варьирования не характерен.

5) Модификацией существительного и его уменьшительной формы, что свойственно только немецким АКФЕ: *still wie eine Maus/ still wie ein Mäuschen* (букв. тихий как мышь/ мышонок) – тихий, спокойный; *artig wie ein Hund/ artig wie ein Hündchen* (букв. послушный как собака/ песик) – очень послушный, например: *«Ich will **wie ein kleines Hündchen** sein, so **artig!**» beteuerte Herr Olsen* (В. Kellermann «Der 9. November», S. 435) – *«Я буду таким послушным, как маленький песик!» заверил господин Олсен.*

3. Лексическая вариантность

Под лексической вариантностью понимаем способность компонентов изучаемых фразеологизмов к взаимозаменяемости. Лексическая вариантность наблюдается в следующих видах замены:

а) замены субстантивных компонентов: англ. *as common as dirt / as common as muck* (букв. банальный как грязь) – плебейский, грубый, вульгарный; *as clear as day / daylight* (букв. ясный как день) – очень понятный; *as cold as ice / as cold as an iceberg* (букв. холодный как лед) – бесчувственный человек; сравним, например: (a) *The central heating had been switched off and the room was as cold as ice.* (b) *You won't melt Sally's heart, it's as cold as an iceberg* (Cowie, ODOEI, p. 18).

Адъективные КФЕ данной подгруппы могут иметь более трех вариантов, которые не имеют синонимического родства, например: *as neat as a bandbox / a new pin / ninepence / wax* (букв. чистенький, аккуратненький как картонка для шляп / новая булавка / девятипенсовая монета / воск) – очень чистенький, аккуратный, все блестит; ≅ с иголки; *as thin as a lath / a rail / a rake / a thread-paper / a whipping-post* (букв. худой как планка / рейка / грабли / нитяная бумага / хлыст для порки) – страшно тощий, кожа да кости.

Необходимо отметить, что фразеологизмы (*as mad as a hornet / as a March hare / as a wet hen / a baited bear; crazy as a bedbug / as a coot / as a loon*) отличаются по силе выразительности и по стилистическому использованию. Например, употребление фразеологизма (*as mad as a hornet*) не будет означать серьезного повода для беспокойства, однако его вариант *mad as a wet hen* может свидетельствовать о беде. Фразеологизм *crazy as a bedbug* чаще употребляется в разговоре со сверстниками, при общении с взрослым человеком (родителями) – *as crazy as a coot*, с незнакомым человеком – (*as mad as a March hare*). То есть, употребление одного из вариантов зависит от характера коммуникативной ситуации (см. также: [12. С. 117]).

В немецком и норвежском языках также встречается замена субстантивных компонентов, например: нем. *gespannt wie ein Regenschirm / Flitzbogen* (букв. напряженный как зонтик / лук (детская игрушка) – сгорать от любопытства; *unbeständig wie eine Wetterfahne / ein Wetterhahn* (букв. непостоянный как флюгер / флюгер в виде петуха) – быть непостоянным, ветреным; ≅вертеться как флюгер; норвеж. *så våt som en katt / druknet mus* (букв. мокрый как кошка / промокшая мышь) – мокрый насквозь;

kald som en is/ tapp (холодный как лед/ сосулька) – холодный как лед (о человеке); *røde som blod/ roser* (букв. красный как кровь/ розы); например: (a) *På den grå stenvmur over seg så Kristin underlige, flagrende lysflekker, røde som blod og gule som øl, blå og brune og grønne* (S. Undset, «Kristin Lavransdatter Kransen», s. 37) – На серой каменной стене увидела Кристин страшные пятна, *красные, как кровь* и желтые, как пиво, голубые и коричневые, и зеленые. (b) *Hun hadde det fragreste og søteste ansikt, hvitt og rødt som roser og liljer* (S. Undset, «Kristin Lavransdatter Kransen», s. 63) – У нее было самое цветное и сладенькое лицо, *красное как розы* и лилии.

Для немецких и норвежских АКФЕ данного типа свойственно диалектное употребление одного из вариантов, например: нем. *frisch wie ein Apfel/ Appel im März* (букв. свежий как яблоко в марте) – свеженький, хорошо выглядящий, где *Appel* является диалектным словом; норвеж. *så sikkert som amen i kirken/ kjerka* (букв. такой уверенный, надежный как аминь в церкви) – абсолютно точно, вне всякого сомнения; как пить дать. Слово *kjerka* является диалектным. В немецком языке существует АКФЕ с тем же значением: *so wahr wie das Amen in der Kirche*. Однако она не имеет вариантов, поэтому такие фразеологические единицы можно считать частично эквивалентными.

В исследуемых нами германских языках возможна замена компаративного фразеологизма на свободное сочетание, например:

англ.: *as busy as a bee/ a busy bee* (букв. занятый как пчелка) – очень трудолюбивый: (a) *She had no sooner done this, than off she was again; and there she stood once more, as brisk and busy as a bee...* (Сытель, с.112) – Едва успев выполнить одну работу, она приступала к новой и работала, не покладая рук. (b) «*I've discovered that Mr Hauser has a jet at a private airfield nearby*», said Buchanan. «*You have been a busy bee*», Newman was thinking. (Longman, p.22) – «Я выяснил, что у мистера Хаузера есть самолет на соседнем аэродроме», сказал Бухэнэн. – «Шустрый малый», подумал Ньюман.

нем. *schlau wie ein Fuchs/ ein schlauer Fuchs sein* (букв. хитрый, ловкий как лиса) – хитрый, искусный: *Im eigentlichen Sinn intelligent ist er sicherlich nicht. Aber er ist schlau wie ein Fuchs/*

ein schlauer Fuchs. Vielleicht ist so eine Findigkeit, Schläue, Gerissenheit auch eine Form von Intelligenz (Schemann, S. 214). – В прямом смысле он, определенно, не умный. Но он – продувной малый. Возможно, находчивость, хитрость, пронырливость тоже своего рода ум.

норвеж. *ródt som roser/ rosenródt* (букв. красный как розы) – ярко красный (о лице): (a) *Hennes åsyn var meget rynket, men så skjært hvitt og rosenródt som et barns...* (S. Undset «Kristin Lavransdatter Kransen», s 53) – На ее лице было много морщин, но тем не менее оно оставалось бело-красным как у ребенка... (b) *Hun hadde det fagreste og søtteste ansikt, hvitt og rødt som roser...* (S. Undset «Kristin Lavransdatter Kransen», S. 63) – У нее было самое живописное и сладенькое личико, белое и красное как розы...

б) замены адъективных компонентов: англ. *as big/ as round as saucers* (букв. огромные как площадки) – очень большие (о глазах); *as bold/ as brave as a lion* (букв. бесстрашный как лев) – очень смелый; *as proud/ vain as a peacock* (букв. гордый/ тщеславный как павлин) – спесивый, горделивый, тщеславный, важный как павлин; *as large/ big as life* (букв. большой как жизнь) – 1) в натуральную величину; 2) действительный; 3) собственной персоной; *as clever/ as smart as paint* (букв. умный как краски) – чрезвычайно сообразительный; сравним, например: (a) *Mary, as clever as paint and much admired in academic circles, was clearly destined for a brilliant career.* (b) *He's as smart as paint, that boy, and the best apprentice I ever had – I never had to show or tell him anything more than once* (Cowie, ODOEI, p.18).

Варианты с заменой адъективных компонентов существуют и в немецком языке, например: *groß/ stark/ kräftig wie ein Baum* (букв. большой/ сильный/ мощный как дерево) – сильный, крепкий; *voll/ blau wie eine Haubitze* (букв. полный/ синий как гаубица) – вдрызг пьяный; *verschwiegen/ stumm/ still wie ein Grab* (букв. молчаливый, скрытный/ немой, безмолвный/ тихий, молчаливый как могила) – тихий, хранящий молчание; *gesund /stark wie ein Bär* (букв. здоровый/ сильный как медведь) – ≅ здоров как бык; *kalt/ kühl/ gleichgültig wie eine Hundeschнауze* (букв. холодный/ прохладный/ равнодушный как собачья мордочка) – ≅ черств как сухарь.

В норвежском языке замена адъективных компонентов – менее распространенное явление: *pakket [stappet] som sild i en tønne* (букв. упакованный/ набитый как сельдей в бочке) – набито как сельдей в бочке.

Основание сравнения в АКФЕ немецкого языка может быть факультативным, например: *hart wie Stahl* – твердый как сталь; *steif wie ein Stock* – одеревенелый; *dünn wie ein Strich* – худой как щепка; *hüßlich wie die Sünde* – глуп (или ленив) сверх всякой меры; *schön wie der junge Tag* – прекрасен как молодой бог. Факультативным может быть и прилагательное в объекте сравнения, например: *gespannt wie ein (alter) Regenschirm* (букв. напряженный как (старый) зонтик – сгорающий от любопытства).

В английском языке существует две ФЕ с компонентом «пчелка»: *as busy as a bee* (букв. занятый как пчелка) – занятый и *as brisk as a bee* (букв. хлопотливый как пчелка) – хлопотливый. Оба английских фразеологизма представлены в фразеологических словарях как самостоятельные фразеологические единицы [22. С. 112; 21. С. 74, 117; 24. С. 17], в то время как в немецком языке фразеологизмы с компонентом «пчелка» являются вариантами одной ФЕ [20. С. 84; 26. С. 74; 25. С. 52]: *emsig/ fleißig wie eine Biene* (букв. прилежный/ усердный как пчелка) – прилежный, старательный.

Фразеологическая вариантность в изучаемых языках представлена по преимуществу вариантами лексического типа. Типология лексической вариантности во фразеологии основывается на понятии парадигмы в семантике (Телия 1968).

Вариантность компонентного состава на лексическом уровне предполагает:

1) синонимическое родство варьируемых компонентов, например: *as black as Hades/ night* (букв. черный как царство теней/ ночь) – безрадостный, беспросветный, в темном свете; *as dull as ditchwater/ dishwater* (букв. скучный как стоячая вода/ помои) – тоска зеленая; скучный, занудный; нем. *ängstlich/ furchtsam wie ein Hase* (букв. боязливый, робкий/ трусливый как заяц) – боязливый, трусливый; *beladen/ bepackt wie ein Esel* (букв. нагруженный как осел) – нагруженный как ишак; норвеж. *stó/ fast som fjell*

(букв. упругий/ крепкий как гора) – несокрушимый, непреклонный, стойкий, *tett/ trangt som i en sardinboks* (букв. плотно/ тесно как в коробке сардин) – как сельди в бочке;

2) тематическое родство варьируемых компонентов, например: англ. *as swift as lightning/ the wind* (букв. быстрый как молния/ ветер) – с быстротой молнии; в мгновение ока, мгновенно, молниеносно; *as soft as silk/ velvet* (букв. мягкий как шелк/ бархат) – мягкий как пух, как шелк, нежный; *as black as thunder/ a thunder cloud* (букв. черный как гром/ грозовая туча) – мрачнее тучи, \cong туча-тучей; *as dark as midnight/ night* (букв. темно как полночь/ ночь) – совершенно темно, непроглядная тьма, тьма крошечная; ни зги не видно, хоть глаз выколи, норвеж. *falsk som skum på vann/ hav* (букв. фальшивый как пена на воде/ море) – насквозь фальшивый, лицемерный.

Исследуя адъективные компаративизмы, отмечаем неоднозначность их фразеографической трактовки: в одном слове ФЕ представлена как безвариантная, в то время как в другом этот фразеологизм указывается с несколькими вариантами. Так, например, в словаре А.В. Кунина фразеологизм *as black as pitch* имеет 10 вариантов: *as black as hell/ jet/ my* или *your hat/ night/ midnight/ the grave/ a burnt log/ inside of the cow or dog* (букв. черный как ад/ черный янтарь/ моя или твоя шляпа/ ночь/ полночь/ могила/ сгоревшее полено/ внутри коровы или собаки) – совершенно темно, непроглядная тьма, тьма крошечная, \cong хоть глаз выколи [21. С. 86], а в словаре Л.Ф. Шитовой и Т.Л. Брускиной АКФЕ *as black as pitch* представлена как безвариантная единица. В словаре А.В. Кунина [21. С. 698] компаративная единица *as smart as paint* (букв. хваткий как краска) имеет два варианта: *as smart as a steel trap/ a whip* (букв. быстрый как стальной капкан/ хлыст) – очень ловкий, находчивый, пронизательный; \cong умен как черт, в то время как в словаре Л.Ф. Шитовой АКФЕ *as smart as a whip* представлена как безвариантная единица [23. С. 142].

Количественное соотношение указанных вариантов ФЕ в фразеологических словарях также различно, например: *as white as chalk/ a ghost/ a sheet* – бледный как смерть (3 варианта) [23. С. 33] – *as white as a ghost/ a sheet/ ashes/ death/ the driven snow* – бледный как полотно, смертельно бледный (5 вариантов) [21. С. 819].

4. Квантитативная вариантность

Считаем, что необходимо различать лексические и квантитативные варианты фразеологических единиц. Лексические варианты есть вариация того или иного компонента ФЕ, представляющего собой лексему (*as horse as an old crow / as horse as a crow* – невыносимо хриплый), а не их синтагму, или синтаксически связанную последовательность компонентов-лексем.

Квантитативные варианты фразеологической единицы, как правило, есть результат элиминации группы компонентов или части синтагмы исходной ФЕ [17. С. 150]: англ. *as like as two peas / as like as two peas in a pod* (букв. похожи как две горошины / две горошины в стручке) – очень похожи; нем. *stumm wie ein Fisch / stumm wie ein Fisch im Wasser* (букв. немой, безмолвный как рыба / как рыба в воде) – немой, безмолвный, хранящий молчание; норвеж. *rar som steik / rar som steik midt i uken / rar som steik til hverdags* (букв. 1) странный, примечательный, чудной, необъяснимый, 2) привлекательный, приятный, 3) редкостный, редко встречающийся как жаркое, бифштекс / бифштекс в середине недели / бифштекс на каждый день, будни) – быть необычным, странным, быть своеобразным.

Потенциальная возможность варьирования компонентного состава возрастает прямо пропорционально степени частотности употребления ФЕ, то есть чем выше частотность употребления ФЕ, тем выше и потенциальная возможность варьирования ФЕ.

Проведенный структурный анализ компаративных фразеологических единиц трех германских языков позволяет сделать следующий вывод: компаративным фразеологическим единицам английского, немецкого и норвежского языков свойственна морфологическая, лексическая и квантитативная вариантность. Однако в каждом из указанных видов вариантности существуют типы, присущие только АКФЕ одного из языков и подчеркивающие его специфичность.

Список литературы

1. Алефиренко, Н.Ф. Теория языка: Введение в общее языкознание / Н.Ф. Алефиренко. М.: Академия, 1998.

Список литературы

1. Alefirenko, N.F. Teorija jazyka: Vvedenie v obwee jazykoznanie / N.F. Alefirenko. M.: Akademija, 1998.

2. Архангельский, В.Л. Устойчивые фразы в современном русском языке. Ростов н/Д.: РГУ, 1964.
3. Болгова, Л.А. Фразеологическая вариантность и механизмы фразеобразования (на материале периферийных слоев фразеологического фонда соврем. нем. яз.): дис. ... канд. филол. наук. М., 1974.
4. Виноградов, В.В. О формах слова // Известия Акад. Наук СССР / АН отд. литры и языка. М., 1944. Вып. 1; т. III. С.33-36.
5. Гвоздарев, Ю.А. Основы русского фразеобразования. Ростов н/Д.: РГУ, 1977.
6. Диброва, Е.И. Вариантность фразеологических единиц в современном русском языке / под ред. Л.А. Введенской. Ростов-на-Дону: Ростовский университет, 1979.
7. Жуков, В.П. Русская фразеология. М.: Высш. шк., 1986.
8. Каргина, Т.Д. Трансформация фразеологических единиц как авторский прием выражения прагматической направленности в художественной коммуникации (на материале французского языка): дис. ... канд. филол. наук. М., 1994.
9. Кунин, А.В. Основные понятия английской фразеологии как лингвистической дисциплины и создание англо-русского фразеологического словаря: дис. ... д-ра филол. наук. М., 1964.
10. Мокиенко, В.М. Славянская фразеология. М.: Высш. шк., 1989.
11. Прокопьева, С.М. Вариатив-
2. Arhangel'skij, V.L. Ustojchivye frazy v sovremennom russkom jazyke. Rostov-na-Donu: RGU, 1964.
3. Bolgova, L.A. Frazеologicheskaja variantnost' i mehanizmy frazeobrazovaniya (na materiale periferijnyh sloev frazeologicheskogo fonda sovrem. nem. jaz.): Dis. ... kand. filol. nauk. M., 1974.
4. Vinogradov, V.V. O formah slova // Izvestija Akad. Nauk SSSR / AN otd. litry i jazyka. M., 1944. Vyp. 1; t. III. pp.33-36.
5. Gvozdarev, Ju.A. Osnovy russkogo frazeobrazovaniya. Rostov-na-Donu: RGU, 1977.
6. Dibrova, E.I. Variantnost' frazeologicheskikh edinic v sovremennom russkom jazyke / pod red. L.A. Vvedenskoj. Rostov-na-Donu: Rostovskij universitet, 1979.
7. Zhukov, V.P. Russkaja frazeologija. M.: Vyssh. shk., 1986.
8. Kargina, T.D. Transformacija frazeologicheskikh edinic kak avtorskij priem vyrazhenija pragmaticheskoj napravlenosti v hudozhestvennoj kommunikacii (na materiale francuzskogo jazyka): Dis. ... kand. filol. nauk. M., 1994.
9. Kunin, A.V. Osnovnye ponjatija anglijskoj frazeologii kak lingvisticheskoj discipliny i sozdanie anglo-russkogo frazeologicheskogo slovarja: Dis. ... d-ra filol. nauk. M., 1964.
10. Mokienko, V.M. Slavjanskaja frazeologija. M.: Vyssh. shk., 1989.
11. Prokop'eva, S.M. Variativnost'

- ность фразеологических единиц как прагматический феномен: дис. ... канд. филол. наук. М., 1980.
12. Рыжова, Э.И. Компаративные фразеологические единицы с названием животного в американском варианте английского языка // Культурно-языковые контакты: материалы зональной межвузовской конференции, посвященной 40-летию факультета английской филологии ДВГУ / Дальневосточный университет. 1999. Вып. 1. С. 115-123
13. Смирницкий, А.И. Лексикология английского языка. М.: МГУ, 1956.
14. Телия, В.Н. Вариантность лексического состава идиом как структурных единиц языка: Дис. ...канд. филол. наук. М., 1968.
15. Телия, В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М.: Наука, 1986.
16. Терентьев, А.В. Адъективные компаративные фразеологические единицы как языковая универсалия: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород: НГЛУ, 1997.
17. Федуленикова, Т.Н. Квантитативные versus лексические варианты фразеологических единиц // Язык, культура, общество: Материалы IV международ. конф. М.: РАН, Российская Академия лингв. наук, научный журнал «Вопросы филологии», 2007. С. 150.
18. Шанский, Н.М. Фразеология современного русского языка / Н.М. Шанский. М.: Высш. шк., 1985.
19. Шихова, Т.М. Интернациональ- фразеологических edinic kak pragmaticheskij fenomen: Dis. ... kand. filol. nauk. M., 1980.
12. Ryzhova, Je.I. Komparativnye frazeologicheskie edinicy s nazvaniem zhivotnogo v amerikanskom variante anglijskogo jazyka // Kul'turno-jazykovye kontakty: materialy zonal'noj mezhvuzovskoj konferencii, posvjawennoj 40-letiju fakul'teta anglijskoj filologii DVGU / Dal'nevostochnyj universitet. 1999. Vyp. 1. P. 115-123
13. Smirnickij, A.I. Leksikologija anglijskogo jazyka. M.: MGU, 1956.
14. Telija, V.N. Variantnost' leksicheskogo sostava idiom kak strukturnyh edinic jazyka: Dis. ...kand. filol. nauk. M., 1968.
15. Telija, V.N. Konnotativnyj aspekt semantiki nominativnyh edinic. M.: Nauka, 1986.
16. Terent'ev, A.V. Ad#ektivnye komparativnye frazeologicheskie edinicy kak jazykovaja universalija: Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Nizhnij Novgorod: NGLU, 1997.
17. Fedulenkova, T.N. Kvantitativnye versus leksicheskie varianty frazeologicheskij edinic // Jazyk, kul'tura, obwestvo: Materialy IV mezhdunarod. konf. M.: RAN, Rossijskaja Akademija lingv. nauk, nauchnyj zhurnal «Voprosy filologii», 2007. p. 150.
18. Shanskij, N.M. Frazeologija sovremennogo russkogo jazyka / N.M. Shanskij. M.: Vyssh. shk., 1985.
19. Shihova, T.M. Internacional'naja frazeologija v diahronicheskom i

ная фразеология в диахроническом и синхроническом аспектах / Т.М. Шихова. Архангельск: Поморский государственный университет, 2005.

sinhronicheskom aspektah / Т.М. Shihova. Arhangel'sk: Pomorskij gosudarstvennyj universitet, 2005.

Фразеографические источники

1. Бинович, Л.Э. Немецко-русский фразеологический словарь // Под ред. д-ра Малиге-Клаппенбах и К. Агрикола. М.: Рус. яз., 1975.
2. Кунин, А.В. Англо-русский фразеологический словарь // Лит. ред. М.Д. Литвинова. М.: Рус. яз., 1984.
3. Сытель, В.В. Разговорные английские идиомы / В.В. Сытель. – М.: Просвещение, 1971.
4. Шитова, Л.Ф., Брускина, Т.Л. English idioms and phrasal verbs. Англо-русский словарь идиом и фразовых глаголов. СПб.: Антология, 2003.
5. Cowie, A.P., Mackin, R., McCaig, I.R. Oxford Dictionary of Current Idiomatic English. Vol. 2: Phrase, Clause and Sentence Idioms / A.P. Cowie, R. Mackin, I.R. McCaig. Oxford: Oxford University Press, 1984.
6. Griesbach, Heinz. Mit anderen Worten deutsche Idiomatik, Redensarten und Redeweisen / von Heinz Griesbach und Gudrun Uhlig. München: Iudicium, 1994.
7. Schemann, Hans. Deutsche Idiomatik: die deutschen Redewendungen im Kontext / von Hans Schemann. Stuttgart; Dresden: Klett Verlag für Wissen und Bildung, 1993 (Pons).

Frazeograficheskie sources

1. Binovich, L.Э. Nemecko-russkij frazeologicheskij slovar' // Pod red. d-ra Malige-Klappenbah i K. Agrikola. M.: Rus. jaz., 1975.
2. Kunin, A.V. Anglo-russkij frazeologicheskij slovar' // Lit. red. M.D. Litvinova. M.: Rus. jaz., 1984.
3. Sytel', V.V. Razgovornye anglijskie idiomy / V.V. Sytel'. – M.: Prosvewenie, 1971.
4. Shitova, L.F., Bruskina, T.L. English idioms and phrasal verbs. Anglo-russkij slovar' idiom i frazovyh glagolov. SPb.: Antologija, 2003.
5. Cowie, A.P., Mackin, R., McCaig, I.R. Oxford Dictionary of Current Idiomatic English. Vol. 2: Phrase, Clause and Sentence Idioms / A.P. Cowie, R. Mackin, I.R. McCaig. Oxford: Oxford University Press, 1984.
6. Griesbach, Heinz. Mit anderen Worten deutsche Idiomatik, Redensarten und Redeweisen / von Heinz Griesbach und Gudrun Uhlig. München: Iudicium, 1994.
- Schemann, Hans. Deutsche Idiomatik: die deutschen Redewendungen im Kontext / von Hans Schemann. Stuttgart; Dresden: Klett Verlag für Wissen und Bildung, 1993 (Pons).

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ЯЗЫКА

ФОРМИРОВАНИЕ КУЛЬТУРЫ ОБЩЕНИЯ СТУДЕНТОВ УНИВЕРСИТЕТА

О. В. Севрюгина

В статье рассматривается проблема подготовки будущего специалиста. В условиях социальных, экономических и политических преобразований, происходящих в нашем обществе, востребован человек с высоким уровнем культуры общения. В статье предлагается совокупность педагогических средств, направленных на решение данной задачи в образовательном процессе.

Ключевые слова: подготовка специалиста, образовательный процесс, культура общения.

Культура общения - неизменный атрибут, сопровождавший образованных и интеллигентных людей в течение многих веков. Конструктивное общение, обмен мнениями – необходимые составляющие профессионала. Именно поэтому так важна роль культуры общения в среде представителей молодого поколения, настроенных на получение высшего образования.

Проблема формирования культуры общения, в широком ее понимании, обусловлена необходимостью повышения качества подготовки специалистов, так как усвоение и применение студентами общечеловеческих, гуманистических, этических ценностей и реализация их непосредственно в общении способствуют не только личностному и духовному развитию молодого человека, но и социального, профессионального потенциала специалиста.

Современный выпускник высшего учебного заведения, в соответствии с государственным образовательным стандартом, должен обладать многими знаниями и умениями в области культуры общения. Поэтому, сегодня невозможно решать задачи научного осмысления и построения педагогического процесса без включения в него содержания, предусматривающего обучение студента общению.

В период студенческого возраста особенно выражена проблема выбора жизненных ценностей, а несформировавшаяся система нравственных ориентиров студенческой молодежи делает ее подверженной самым различным влияниям. На первое место выходят ценности потребления. Доброта, милосердие, порядочность, вежливость и другие нравственные ценности общения остаются в стороне. Постепенно складывается образ молодого поколения, которое впитывает в себя отрицательный, нигилистский настрой к культуре.

Понятие – культура (от «cultūra» – «возделывать, обрабатывать»), как сложный феномен, не имеет однозначного толкования и предстает в виде совокупности материальных и духовных ценностей, «второй» природы, человеческого мира, результата и/или способа человеческой деятельности, системного качества общества и т.д.

В других определениях культуры подчеркивается двойственность культуры: с одной стороны, культура – мир социального опыта человека, накопленных им непреходящих материальных и духовных ценностей, с другой – качественная характеристика человеческой деятельности [3, 4, 6 и др.].

Понятие – общение – также отличается сложным и многосторонним пониманием. Один из подходов к общению, имеющий на сегодняшний день достаточно широкое распространение, был развит в трудах Г.М. Андреевой. В соответствии с этим подходом общение выступает как сложный процесс, включающий в себя передачу и обмен информацией, взаимодействие, взаимопонимание людей в сложившейся системе общественных отношений [1. С. 160].

Культура и общение в своем развитии находятся в диалектическом единстве. Общение воспринимается как необходимое условие производства культурных ценностей, в т. ч. и человека, как способ бытия культуры. М.С. Каган замечает: «Межсубъектное взаимодействие – истинный продукт и «механизм» культуры» [2. С. 245].

Постоянно взаимодействуя и, интегрируясь друг с другом, понятия «общение» и «культура» образуют новое в содержательном и структурном плане понятие «культура общения». Базируясь на социально-философском подходе к субъектам культуры общения, можно выделить следующие уровни: человечество в целом; отдельное общество; социальная группа; конкретная личность.

Таким образом, культура общения общества – это степень развития духовных богатств общества в сфере человеческих взаимоотношений: гуманистических принципов и ценностей, этических и этикетных норм, системы знаний в области общения, определенный уровень овладения ими, и степень их использования.

В процессе овладения духовным богатством общества в сфере общения происходит превращение внешних форм регулирования поведения человека во внутренние – требования общества становятся знаниями, убеждениями, потребностями, привычками, которые в единстве с эмоционально-волевыми качествами являются мотивами поведения человека, выступают в роли самооценки, самоконтроля, обеспечивая единство общественных требований и поведения человека. Исходя из этого, можно рассматривать культуру общения личности как сложное личностное образование, характеризующееся степенью усвоения, принятия, применения и обогащения личностью духовных богатств общества в сфере общения (ценностей, норм, научных знаний).

Изучив функции культуры общения, можно сделать вывод о том, что она является неотъемлемой составляющей культуры общества и культуры личности. Культура общения выполняет ряд очень важных функций, в частности: способствует приобщению индивида к культурному опыту человечества, формированию ведущих черт духовного мира личности, созданию в общении оптимальных с психологической точки зрения условий.

С педагогической точки зрения, в культуре общения личности выделяют три основных компонента, гармоничное сочетание которых в структуре культуры общения обеспечивает ее действенное функционирование.

Так, когнитивный компонент составляет знания в области общих положений о культуре общения, этики, этикета, психологии общения.

Личностно-значимый компонент отражает значение культуры общения для индивида, которое находит свое выражение в желаниях, интересах, идеалах, ценностных ориентациях, убеждениях личности. Отсутствие осознания полезности культуры общения как ценности приводит к тому, что индивид, если и следует куль-

турным нормам общения, то делает это вопреки своему влечению и интересам. Личность в этом случае «склоняется перед нормой, но не возвышается до нее» (С.Л. Рубинштейн). Только когда общественно- значимое становится личностно значимым, осуществление культурных поступков является не просто долгом, но и потребностью [5. С. 157].

Поведенческий компонент характеризует реализацию усвоенных ценностей, норм, знаний на практике, в ситуациях повседневного общения, включает в себя умения культурного взаимодействия, рефлекссию культурной стороны общения, творческое отношение к общению. В случае отсутствия данного компонента, когда полученная извне информация хранится во внутреннем багаже знаний личности и не используется ею в жизни, культура общения теряет всякий смысл.

Следовательно, в процессе усвоения культуры общения социума происходит изменение позиции личности от роли стороннего наблюдателя к заинтересованности, от заинтересованности к готовности и убежденности, а затем и к деятельности, соответствующей системе интернализованного опыта общения.

Роль общения в студенческом возрасте связана с тремя основными задачами: формированием личностной самостоятельности, профессионального самосознания и усвоением основ будущей профессии, а также действенной ориентацией в отношениях с противоположным полом и выборе партнера для будущей семейной жизни. На стадии студенчества в условиях усложнения системы отношений, в которую включена личность, перед ней все чаще и в более острой форме встает проблема личностного выбора, требующая осознания своей позиции и принятия того или иного ответственного решения. В процессе учебы особое значение для студента приобретает общение с однокурсниками. Учебная группа для студента – это фокус, концентрирующий его общественные связи.

Уровень культуры общения является результатом следующих объективных факторов: а) экономических, б) социально-политических, в) демографических, г) религиозно-культурных, д) состояния образовательной среды и т.д. Субъективную основу уровня культур общения составляют конкретные параметры лич-

ности: направленность; образованность; воспитанность; социализированность; общая культура; развитость психических процессов и свойств личности. При этом формирование установок толерантного сознания и поведения молодого человека в межличностном общении является приоритетной задачей.

Успешному решению данной задачи будет способствовать соблюдение комплекса организационно-педагогических требований:

- проектирование педагогической деятельности с учетом структуры и содержания культуры общения, возможностей образовательного процесса;

- реализация задач воспитания культуры общения, основывающихся на принципах гуманизма, диалога культур, сотворчества субъектов взаимодействия образовательного процесса;

- привитие целостности знаний о толерантной личности как ценностном качестве, обуславливающей адекватное содержание воспитательного процесса;

- применение форм и методов воспитания проблемно-поискового, имитационно-ролевого характера, способствующих позитивному межличностному взаимодействию.

Реализация задач воспитания культуры общения, основывающаяся на принципах гуманизма, диалога культур, сотворчества субъектов взаимодействия образовательного процесса, позволяет осуществить диалоговое взаимодействие студентов, обеспечивающее их взаимопонимание и духовное взаимообогащение как представителей разных культурных общностей, утвердить ценность человека как личности, его права на свободу, развитие и проявление своих способностей, способствовать развитию инициативы и самостоятельности воспитанников, совместному творческому решению преподавателем и студентами возникающих проблем. На занятиях создается такая форма организации содержания учебного материала, при помощи которой педагогу удается создать творческую ситуацию, прямо или косвенно задать цель, условия и требования учебно-творческой деятельности, в процессе которой студент активно овладевает знаниями, умениями, навыками, развивает творческие способности.

Позитивное взаимодействие студентов- представителей различных культур достигается посредством форм и методов

проблемно-поискового, имитационно- ролевого характера при формировании структурных компонентов: когнитивного, личностно- значимого и поведенческого.

При формировании когнитивного компонента культуры общения используются следующие формы и методы:

- лекция - пресс-конференция, в процессе которой преподаватель предлагает студентам задать интересующие их вопросы по теме. Лекция излагается не как ответы на вопросы, а как связный текст, в ходе изложения которого формируются ответы. В конце лекции преподаватель проводит анализ вопросов как отражение интересов и знаний студентов;

- познавательная игра, например, «Диалог культур», «Агент», применение которой предполагает создание специальных ситуаций, моделирующих реальность, в которых могли бы оказаться студенты в жизни.

На формирование личностно- значимого компонента оказывает влияние:

- семинар-дискуссия, когда на обсуждение выносятся актуальные проблемные вопросы. Сначала студенты индивидуально их обдумывают, затем образуют пары и малые групп, в которых эти вопросы обсуждаются. Смысл состоит в том, что вопросы уже были обсужден в парах, сложились какие-то устойчивые мнения, и дискуссия в малой группе будет более осмысленной. В конце занятия отводится время для общегрупповой дискуссии.

- ролевая игра, например, «Волшебная лавка», «Групповая картинка», в которой разыгрывается определенная ситуация и поведение человека в этой обстановке. Основная задача игры - научить студента ориентироваться в различных жизненных ситуациях, давать объективную оценку своему поведению, устанавливать контакты, уметь становиться на позицию другого.

Формирование поведенческого компонента достигается формами и методами:

-семинар - проблемные ситуации, предполагает рассмотрение проблемных ситуаций, которые могут возникать при общении с представителями различных культур, национальностей, конфессий, социальных групп, взглядов. Задача студента - выстроить

модель своего поведения, найти наиболее оптимальное и верное решение выхода из сложившегося положения;

- Упражнения, например «Паутина предрассудков», «Превращения», «Я - высказывание, Ты - высказывание», направленные на развитие трех сторон общения, проявляющихся одновременно (коммуникация, интеракция, перцепция).

В результате применения указанных форм и методов позитивное взаимодействие участников образовательного процесса проявляется в сотрудничестве (характеризуется равенством позиций в общении, «чувством партнера», умением принять его таким, каков он есть, отсутствием стереотипности в восприятии других), компромиссе (подразумевает совместное определение целей деятельности, совместное ее планирование, распределение сил и средств на основе возможностей каждого) и приспособлении (предполагается в тех случаях, когда позиция партнера является приемлемой, характеризуется вниманием к партнеру, эмоциональной стабильностью по отношению к субъекту взаимодействия).

Список литературы

1. Андреева Г.М. Социальная психология. - М.: МГУ, 1980.- 415 с.
2. Каган, М.С., Эткинд А.М. Общение как ценность и как творчество // Вопросы психологии.- 1988.- № 4.- 340 с.
3. Комаров В.П. Культура межнационального общения учащихся.- Оренбург: ОГУ, 1999.- 130 с.
4. Крылова Н.Б. Формирование культуры будущего специалиста.- М.: ВШ, 1990.- 140 с.
5. Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии. - М.: Педагогика, 1976. - 416 с.
6. Соколова В.В. Культура речи и культура общения.- М.: Просвещение, 1995.- 190 с.

List of literature

1. Andriejeva G.M. Sothiihalinaja psixologijja. - М.: MGU, 1980.- 415 p.
2. Kagan, M.S., Etkiind A.M. Obshhienije kak thiennosti ii kak tvorchiestvo // Voprosy psixologiihi.- 1988.- № 4.- 340 p.
3. Komarov V.P. Kulitura miezhnathihonalinogo obshhienijja uchashhiixsia.- Orenburg: OGU, 1999.- 130 p.
4. Kryylova N.B. Formirovaniije kulitury budushhiego spiethihaliista.- М.: VSH, 1990.- 140 p.
5. Rubiinshtiejn S.L. Problemy obshhiej psixologiihi.- М.: Pedagogiika, 1976. - 416 p.
6. Sokolova V.V. Kulitura riechii ii kulitura obshhienijja.- М.: Prosvieshhienije, 1995.- 190 p.

**ТЕКСТ КАК ОДНО ИЗ ОСНОВНЫХ СРЕДСТВ
ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ
В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ**

Т. И. Шакирова

В статье рассматривается влияние образования, языкового образования и конкретно текста на процесс личностного развития обучающегося и на их роль в патриотическом воспитании. Дается понятие «патриотизм» и сформулированы качества патриотически-устойчивой личности. Приводятся примеры использования текстов с целью патриотического воспитания.

Ключевые слова: патриотическое воспитание, языковое образование, языковая личность.

Обучение всегда включено в целостный учебно-воспитательный процесс, направленный на достижение воспитательного эффекта [1].

Обучение иностранному языку в многонациональном обществе должно быть направлено на формирование глубинного индивидуального и социального уровня граждан общества, осознающих свою принадлежность к определенному этносу, к региону постоянного проживания и к России в целом.

Процесс обучения иностранному языку в свете новых методологических решений есть процесс личностного развития обучающегося, его социальных качеств.

Сфера образования позволяет за счет технологически ориентированных методик, базирующихся на образовательно-педагогических концепциях, наиболее прямолинейно и непосредственно влиять на личность обучающегося таким образом, чтобы сформировать у него социально и индивидуально необходимые человеческие качества, отвечающие требованиям современного поликультурного и полилингвального мира. Именно сфера образования, а, следовательно, и языкового образования способна аккумулировать наиболее ценные компоненты культуры, педагогически и методически интерпретировать их в целях адаптации к индивидуальным возможностям и потребностям всех субъектов

педагогического процесса и создавать тем самым благоприятный контекст для их активной жизнедеятельности и творчества.

Познание, навыки и умения, развитие есть звенья одной цепи – формирования личности. Языковая личность имеет выход на такие качества личности индивидуума, как раскрепощенность, творчество, самостоятельность, способность строить взаимодействие и взаимопонимание, умение совершенствовать человеческое общество.

Если речь идет о личностно развивающих возможностях процесса обучения иностранному языку, то имеется в виду развитие личности в целом, как ее некогнитивных аспектов (эмоциональных характеристик, воли и т.д.), так и когнитивных (интеллектуальных) [2].

Кроме этого, на занятиях по иностранному языку необходимо формировать осознанные ценностные ориентации личности по отношению к культурному наследию России, республики, воспитывать позитивное отношение к культурным различиям, воспитывать уважение к своей истории, культуре, традициям [3].

Наша задача – воспитывать у студентов не просто любовь к Родине, а показать значимость бесспорных ценностей – семьи, родителей, отчего дома, города, села, в котором живем.

Патриотическое воспитание студентов средствами иностранного языка – сложный и длительный процесс, процесс осознанный, потому что только в этом случае возникает необходимый эмоциональный контакт, что находит свое отражение в соответствующем микроклимате, миропереживании и мировосприятии субъекта [4].

Ведущим фактором, определяющим патриотическое воспитание в процессе обучения, является содержание учебного материала.

Огромными возможностями по формированию патриотических ценностей у обучающихся иностранному языку обладает текст. Текст содержит в себе нравственную проблему, которая ставит воспитанника перед необходимостью ее осмысления и нравственного выбора. В процессе обучения педагог должен в первую очередь руководствоваться его воспитательной ценностью.

С помощью чтения отобранных текстов удастся в наибольшей степени апеллировать к чувствам и эмоциям, побуждать к раз-

мышлениям и сопереживаниям. Текст может вызвать определенную эмоциональную реакцию у обучающихся, когда он испытывает потребность отреагировать на прочитанное, высказать свое мнение. Таким образом, текст может способствовать воспитанию личности студента.

Требования, которые могут быть предъявлены к текстам:

1. Соответствие целям и предметному содержанию, заложенным в стандарте и примерных программах.
2. Соответствие интересам студентов.
3. Аутентичность текстов.
4. Коммуникативно-смысловая целостность текста
5. Социокультурная направленность текстов, и наличие в них информации, апеллирующей к чувствам, эмоциям и заданий, побуждающих к оценочной деятельности.
6. Наличие в тексте проблемы, стимулирующей обучающихся занять определенную нравственную позицию или наличие заданий, провоцирующих оценочную реакцию обучающегося [5].

Однако даже качественно отобранные тексты не дают гарантии успеха, если они не сопровождаются отрегулированной соответствующим образом системой упражнений/заданий.

Текст – объединенная смысловой связью последовательность высказываний, основными свойствами которой являются самостоятельность, целенаправленность, связность и цельность.

Тематика учебных текстов определяется учебной программой. Но можно подключить тексты из разных источников с учетом потребностей обучающихся и особенностей учебного заведения. Набор текстов можно расширить и частично видоизменить.

Помимо тематики текстов, необходимо учитывать и тот спектр проблем, которые тексты затрагивают.

Именно проблематика текстов может помочь в решении таких важных задач, как воспитание личности. В настоящее время молодежи бывает очень непросто сформировать такие необходимые каждому гражданину понятия и качества, как патриотизм, ответственность за свои слова и поступки перед близкими и всем обществом, готовность критически оценивать поступающую из различных источников информацию и т.д. Не всегда сегодня бы-

вает просто сделать правильный выбор. Тексты и поднимаемые в них проблемы могут помочь нам в деле воспитания личности, однако один и тот же текст может привести к разным выводам. Поэтому преподаватель играет очень важную роль при работе с текстом.

Остановимся на примерах использования текста для проведения патриотического воспитания. Патриотизм – одна из наиболее значимых, непреходящих ценностей, присущая всем сферам жизни общества и государства, являющаяся важнейшим духовным достоянием личности, характеризующая высший уровень его развития и проявляющаяся в активно-деятельностной самореализации на благо отечества. Патриотизм является многогранным понятием, включающим в свое определение эмоции, чувства, обязанности и права по отношению к Родине, Отечеству, народу, семье, природе. Патриотизм это любовь осознанная, бескорыстная и добровольная. Патриотизм является стимулом развития личности и ее чувства сопричастности с народным «мы». Патриотизм подразумевает уважение и правильное оценивание истории своей страны, знание ее культуры и традиций. Патриот должен активно участвовать в деятельности по укреплению авторитета своей страны, работать на ее благо и творчески привносить достижения другого народа в свою деятельность.

Таким образом, можно прийти к выводу, что четкие критерии данного понятия дать нельзя, так как слишком многообразны патриотические чувства и эмоции, но, тем не менее, мы должны учитывать степень:

1. благожелательности к своей стране к своему народу;
2. активность и желание участвовать в социальной деятельности
3. готовность к межкультурной коммуникации, так как Россия - многонациональная страна [6].

Поскольку патриотизм играет огромную роль в развитии личности, то необходимо указать качества патриотически-устойчивой личности:

- общественная направленность личности, проявляющаяся в сохранности материальных ценностей, мотивов ее участия в

коллективной деятельности, в высокой социальной активности и стремлении своими действиями служить Родине;

- высокая ответственность личности за свои действия и поступки;

- осознание личности прав и обязанностей гражданина РФ, активное стремление реализовать их как патриота в повседневной жизни и деятельности;

- способность активно отстаивать собственные убеждения, стремление личности к преобразованию окружающей действительности [7].

В каждом блоке тем, изучаемых на неязыковых факультетах вузов в соответствии с Типовой программой по иностранным языкам для неязыковых вузов и факультетов, можно использовать тексты и работу над ними с целью патриотического воспитания. В результате изучения истории и культуры страны изучаемого языка, её традиций и обычаев, сравнения и сопоставления с реалиями родной страны у учащихся формируется не только уважение к культурным ценностям страны изучаемого языка, чувство любви и гордости за родную землю, за героические свершения своего народа, а также стремление творчески перенять положительный опыт.

Ильин И.А. писал: «Подлинный патриот не только не слеп к достижениям других народов, но для него характерно стремление к усвоению и овладению ими. Он готов ввести эти достижения в духовное творчество своей родины, чтобы обогатить его жизнь, углубить ее путь и исцелить возможную неполноту ее достижений» [8].

При работе над темой «Великий ученый» мы обязательно обсуждаем тексты, касающиеся российских ученых и их вклада в мировую науку, хотя при подготовке монологического высказывания студенты могут выбирать деятельность любого ученого (российского или зарубежного) в соответствии со специальностью факультета.

Тема «Наша Родина» включает такие аспекты как «Традиции, праздники в России», «Что значит для тебя Родина?». Говоря о праздниках в России, мы обязательно уделяем внимание дням воинской славы России (например, День снятия блокады Ленингра-

да, День окончания Курской битвы, День народного единства). В данной теме мы обсуждаем, также, и религиозные праздники и традиции, так как многие студенты не знают о корнях таких праздников и относятся к ним формально. Выясняя на занятиях в беседах и обсуждениях, что они понимают под словом Родина и что же она значит для каждого, мы даем им понятие о видах патриотизма и предлагаем каждому определить свою глубину патриотизма и его наполнение.

Классические темы «Родной город» и «Москва – столица России» объединены в тему «Города России». Здесь мы предлагаем различный набор текстов для различных видов чтения о многих городах России. В текстах основное внимание уделяется памятникам культуры и архитектуры, историческим местам, известным людям, жившим или бывавшим в данных городах. Содержание текстов, посвященных Калуге, насыщено фактами из героической истории Калужской области, рассказами об уникальных архитектурных памятниках нашего города. Эти знания помогут воспитывать чувство гордости за родной край и стремление сохранить его красоту и самобытность.

При изучении данной темы нельзя сосредотачиваться только на городах, известных во всем мире. Подавляющее число студентов знает много о Москве, Санкт-Петербурге, городах Золотого кольца России. Мы включили, например, аудиотекст, рассказывающий о Туле, который является городом-героем и имеет богатую историю развития уникальных ремесел. Кроме того, Тула – ближайший географический сосед Калуги, и у студентов появляется желание посетить этот город и самому посмотреть достопримечательности, о которых они слышали в аудиотексте.

Мы предлагаем также поговорить о том, что города, которые составляют нашу гордость, находятся не только в центральной части России. Так, мы беседуем о Ростовской области и таких городах как Азов и Таганрог, история которых неразрывно связана с рождением флота в России, Ростов-на-Дону и Аксай, которые славятся своими традициями Донского казачества.

Далее мы включили небольшие тексты, рассказывающие о Казани и Уфе, которые являются столицами республик в составе

Российской Федерации, так как Россия является многонациональным государством, и русская культура тесно связаны с культурой других народов.

Тексты, посвященные Иркутской области, рассказывают как об уникальных, с точки зрения природы, городах и селах, так и о тех поселках, которые связаны с именами декабристов, живших на территории области в ссылке.

Еще одним важным аспектом, который напрямую связан с воспитанием патриотизма, это разговор о Великой Отечественной войне. В настоящее время среди молодежи наблюдается пренебрежение к этому этапу истории России из-за роста националистических движений за рубежом и стремлении зарубежных политиков принизить роль СССР в данном историческом событии. Мы включили тексты, рассказывающие о блокаде Ленинграда, о героической обороне Новороссийска, о Калининграде, о местах боевой славы Курска и Пскова.

При разработке упражнений и заданий мы попытались применить андрагогический метод. Например, в тему включены только о Кремле и Красной площади в Москве, а студента мы просим рассказать еще и о других достопримечательностях Москвы. Другой пример, работая над текстами, рассказывающими о Калуге, мы просим студентов указать, на какой улице находятся те, или иные достопримечательности. Такое задание является домашним, и студенты могут разбиться на группы по месту проживания и поискать месторасположение достопримечательностей. Такой вид работы очень близок к методу проекта.

Элементы патриотического воспитания включены и в другие темы, изучаемые в курсе иностранного языка на неязыковых факультетах и примеров приводить можно много. Все это помогает развитию духовной культуры личности будущего учителя, которое является условием формирования его профессиональной компетентности.

Итак, в процессе изучения языка, работы над текстами у обучающихся формируются понятия патриотизма и качества патриотически устойчивой личности, которые впоследствии будут развиваться и укрепляться.

Список литературы

1. Теоретические основы процесса обучения в советской школе./ Под ред. В.В.Краевского, И.Я. Лернера. – М.: Педагогика. 1989. – 320 с.
2. Гальскова, Н. Д. Гез, Н. И. Теория обучения иностранным языкам.: Лингводидактика и методика: Учеб.пособие для сдуг.лингв. ун-тов и фак.ин.яз.высш.пед.учеб. заведений. – 2-е изд., испр. – М.: Издательский центр «Академия», 2005. – 336 с.
3. Девятова Г.Г. Воспитательный потенциал урока английского языка // Воспитание гражданственности и патриотизма студенческой молодежи в условиях обновленной России. Сб.статей регионально-практической конференции. Магнитогорск, 2005)
4. Райхлина Е.Л. Создание и функционирование педагогической системы патриотического воспитания старшеклассников в процессе изучения литературы. Автореферат канд. дисс. Тула. 2003. 23 с.
5. Андреева М.А. Обучение старшеклассников чтению и обсуждению прочитанного с целью развития ценностных ориентаций. (на материале английского языка). Автореф канд. Дисс. Москва – 2006. 23 с.
6. Гасанов З.Т. Цель, задачи и принципы патриотического воспитания граждан // Педагогика, № 6, 2005. С. 59-63

List of literature

1. Teorietiiichieskiiye osnovyy prothiessa obuchieniija v sovietskoy shkolie./ Pod ried. V.V.Krajevskogo, II.JA. Lierniera. – M.: Piedagogiika. 1989. – 320 pp.
2. Galiskova, N. D., Giez, N. I.. Teoriiya obuchieniija iinostrannyym jazyykam.: Liingvodiidaktiika ii metodiiika: Uchieb.posobiiije dlia sdut. liingv. un-tov ii fak.iin.jaz.vyyssh. pied.uchieb.zaviedieniiij. – 2-je iizd., iispr. – M.: Iizdatieli-skiij thientr «Akadiemiija», 2005. – 336 p.
3. Dieviatova G. G. Vospitiatielinyj potienthiihal uroka angliijskogo jazyyka // Vospitaniije grazhdanstviennostii ii patriihotiizma studienchieskoj molodiezhii v uslovijax obnovliennoj Rossiihii. Sb.statiej riegiihonalino-praktiichieskoj konfi-erienthiihii. Magniiitogorsk, 2005.
4. Rajxliina JE.L. Sozdaniije ii funkthiihoniirovaniije piedagogiichieskoj siistiemy patriihotii-chieskogo vospitaniija starshieklassniikov v prothiessie iizuchieniija liitieratury. Autoref. of Master of Phil. Tula. 2003. 23 p.
5. Andriejeva M.A. Obuchieniije starshieklassniikov chtieniiju ii obsuzhdieniiju prochiitannogo s thieliju razviitiija thiennostnyyx oriijen-tathij. (na matieriialie angliijskogo jazyyka). Autoref. of Master of Phil. Moskva – 2006. 23 p.
6. Gasanov Z.T. Thieli, zadachii ii priinthiipy patriihotiichieskogo vospitaniija grazhdan // Piedagogi-

7. Глазунова И. Н. Патриотическое воспитание старшеклассников в учебно-воспитательной деятельности: Дисс. ... канд. пед. наук. – Липецк, 2002. – 196 с.
8. Ильин И. А. Путь духовного обновления// Ильин И.А. Путь к очевидности. М.; Республика. 1993
- ika, № 6, 2005. pp. 59-63
7. Glazunova I. N. Patrihotičieskoje vospiitaniije starshieklasiiniikov v uchiebno-vospiitatielinoj diejatielinostii: Autoref. of Master of Ped. – Liipiehk, 2002. – 196 p.
8. Iiljin I.A. Puti duxovnogo obnovlieniija// Iiljin I.A. Puti k ochieviidnostii. M.; Riepubliika. 1993.

КОНКРЕТНОСТЬ И КОМПЛЕКСНОСТЬ КАК НЕОБХОДИМЫЕ ТРЕБОВАНИЯ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ЦЕЛЕЙ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В НЕЯЗЫКОВОМ ВУЗЕ

Н. Н. Ширяева

В статье обосновывается необходимость полного и конкретного представления целей обучения иностранному языку в программах высшей школы. Предлагаются пути определения целей с учетом требований полноты и конкретности.

Ключевые слова: обучение иностранному языку, высшее профессиональное образование.

Происходящие изменения во всех сферах жизни общества, вызванные как внутренними социально-экономическими и идеологическими причинами, так и процессом интеграции России в мировое культурно-образовательное пространство, определенным образом влияют на современные тенденции развития высшего профессионального образования, среди которых ведущими являются непрерывность, интегративность и гуманизация.

Современное общество нуждается в специалистах, способных к постоянному обновлению и наращиванию своего интеллектуального и культурного потенциала, ориентации в мировом профессиональном и образовательном пространстве, творческому подъему в области профессиональной деятельности.

Социальный заказ высшего профессионального образования повышает значимость дисциплины «Иностранный язык», и определяет необходимость серьезной лингвистической подготовки выпускников вузов, проявляющейся в уверенном владении языком как средством общения в общекультурном и деловом пространстве.

Уверенное владение иностранным языком как инструментом общения подразумевает сформированность способности к решению широкого спектра коммуникативных задач для достижения целей профессионального взаимодействия, а также комплекса интеллектуальных, творческих, оценочных умений и нравственных

характеристик, необходимых для дальнейшего личностного и профессионального роста и деятельного участия в жизни общества.

Вместе с тем, уровень языковой подготовки специалистов в вузе, как показала практика, не обеспечивает им развития вышеобозначенного спектра способностей.

Одной из возможных причин этого является отсутствие конкретики в постановке целей и задач обучения иностранному языку в вузе, что влечет за собой неравномерное раскрытие целей через содержание обучения.

В результате этого наблюдается несоответствие целей обучения иностранному языку в вузе общим целям высшего профессионального образования и, как следствие, рассогласование содержания обучения на предметном и общеобразовательном уровнях.

Все это указывает на несовершенство вузовских учебных программ по иностранному языку в решении вопросов реализации потребностей общества в компетентных специалистах.

Содержание обучения иностранному языку должно способствовать реализации общих целей вузовского образования.

«Высшее образование имеет целью дать систему знаний в конкретной области и сформировать личность на основе общечеловеческих и национальных ценностей, обеспечить высококультурных интеллигентных специалистов соответствующей квалификации» [4. С. 60].

Состав содержания обучения задается целью обучения, поэтому конструируя содержание учебного предмета, необходимо конкретизировать цели обучения данному предмету.

Определяя цели обучения иностранному языку, необходимо принимать во внимание, языку какой разновидности мы будем обучать и какими знаниями и умениями будут овладевать студенты. Функциональные разновидности языка играют решающую роль при определении содержания обучения иностранному языку в сфере высшего профессионального образования. Обучение иностранному языку в неязыковом вузе подразумевает, главным образом, освоение подязыка специальности. В этой связи, мы полагаем, что при определении целей обучения стоит принять во внимание «принцип контекстуального соответствия» [1], при

котором обучение языку согласуется с социальным контекстом, продиктованным коммуникативными потребностями обучаемого. Вот почему составителям программ следует согласовывать цели и содержание обучения с контекстом будущей профессиональной деятельности обучаемых, что значительно повысит их мотивацию к изучению иностранного языка.

Таким образом, конкретизация целей обучения иностранному языку предполагает:

1) определение функциональной разновидности языка как основы содержания обучения;

2) составление перечня знаний, умений и навыков, которым необходимо овладеть на каждом этапе обучения.

Конкретизация целей обучения помогает четко осознать то, чему мы пытаемся научить, а также проверить, насколько мы продвинулись в решении поставленных задач. Напротив, размытые цели обучения не направляют сознание учащихся на достижение предполагаемых результатов обучения, более того, порождают иллюзию овладения всеми разновидностями языка и различными формами умений за время, отведенное программой. Невозможность реализации подобных ожиданий приводит к утрате интереса к обучению и неверию в свои возможности.

В программах по иностранному языку для вузов неязыковых специальностей основной целью ставится практическое владение языком.

Анализ типовых программ показал, что, к сожалению, цель обучения языку в вузе разъясняется поверхностно и зачастую сводится к умению читать литературу общего и профессионального характера с целью извлечения необходимой информации, общаться на общие и профессиональные темы, оформлять деловую документацию на иностранном языке, а также вести переписку личного и делового характера, быть способным оформлять и представлять научные материалы на международных конференциях.

В этой связи следует отметить, что в программах высшей школы, утвержденных ГОСТом, не разъяснена образовательная цель, обозначенная в некоторых программах как повышение уровня общей эрудиции студентов, не выделены воспитательная и развивающая цели.

Методика преподавания языка

Как определено дидактикой, при разработке учебной программы необходим комплексный подход к целям обучения, который «... требует введения всех аспектов в качестве компонентов цели «на равных правах». ... На «равных правах» означает не равномерное распределение времени на все аспекты, а их равноправие лишь в плане значимости для формирования личности учащегося». [2. С. 84].

Следовательно, тех знаний и умений, что прописаны в программах высшего профессионального образования мало для формирования специалиста и тем более личности. Комплексная реализация всех целей может быть осуществлена только при четкой формулировке умений, стоящих за каждой целью, а также определения функциональной значимости каждого умения, ведь именно функциональная значимость умений отражает функции языка в жизни общества. Функциональная значимость умений способствует более полному раскрытию функций учебного предмета и его роли в системе образования. Представленность умений и их функциональной значимости соответствует дидактическому требованию, предъявляемому к формулировке целей: содержательности, расчлененности, сгруппированности. [3].

Учитывая необходимость комплексного подхода к отбору содержания вузовских программ, мы попытались представить в таблице соотношение целей обучения, умений, приобретаемых студентами в процессе обучения иностранному языку в вузе и функциональной значимости этих умений.

Цели	Умения	Функции
Образовательная	1) умение осуществлять письменную и устную коммуникацию на иностранном языке; 2) умение понимать содержание общих и профессиональных текстов на иностранном языке;	1) установление и развитие личных и деловых контактов, планирование совместных действий; 2) поиск необходимой информации общего и профессионального характера;

	<p>3) умение осуществлять самообразовательную деятельность (умение работать с литературой, составлять библиографию, оформлять и представлять научную и профессиональную информацию и т.д.);</p> <p>4) умение применять страноведческие и лингвострановедческие знания в устной и письменной коммуникации</p>	<p>3) оформлять и представлять научную и профессиональную информацию; участвовать в международных конференциях.</p> <p>4) ведение межкультурного диалога в личных и деловых контактах</p>
Воспитательная	<p>1) умение управлять эмоциями, перестраивать вербальное и невербальное поведение в соответствии со сложившейся коммуникативной ситуацией;</p> <p>2) умение отстаивать свои убеждения;</p> <p>3) умение воспринимать чужую культуру; толерантность.</p>	<p>1) воздействие на мысли, чувства, поведение собеседника для достижения наибольшего понимания, создание благоприятного фона общения;</p> <p>2) способность к самостоятельным суждениям; способность сделать правильный нравственный выбор;</p> <p>3) обмен культурным опытом, пропаганда собственной культуры и уважительное отношение к чужой.</p>

Таким образом, соблюдение требований конкретности и комплексности обеспечивает исчерпывающее установление целей обучения иностранному языку в вузе и определяет место данной учебной дисциплины в системе высшего профессионального образования. Конкретное и комплексное представление целей не

только оптимизирует процесс обучения, но и подразумевает расширение содержания обучения иностранному языку, что является необходимым условием подготовки компетентных специалистов.

Список литературы

1. Munby, J. Communicative syllabus design. – Cambridge University Press, 1978.-232 p.
2. Пассов Е. И., Кузовлев В. П., Коростелев В. С. Цель обучения иностранному языку на современном этапе развития общества // Общая методика обучения иностранным языкам: Хрестоматия/ Сост. А. А. Леонтьев.- М.: Рус. яз., 1991.- С. 83-91.
3. Теоретические основы содержания общего среднего образования / Под ред. В.В.Краевского.- М.: Педагогика, 1983.-352 с.
4. Черниченко, В. И. Дидактика высшей школы: История и современные проблемы. -М.: «Вузовская книга», 2002.-136с.

List of literature

1. Munby, J. Communicative syllabus design. – Cambridge University Press, 1978.-232 p.
2. Passov JE. II., Kuzovliev V. P., Korostieliev V. S. Thieli obuchieniiija iinostrannomu jazyyku na sovriemiennom etapie razviitiija obshhiestva//Obshhaja mietodiika obuchieniiija iinostrannyym jazyykam: Xriestomatiiija/ ed. A. A. Lieontijev.- М.: Rus. jaz., 1991.- pp. 83-91.
3. Tieorietiiichieskiiije osnovyuy sodierzhaniija obshhiiego sriedniego obrazovaniija /Pod ried. V.V.Krajevsckogo.- М.: Piedagogiika, 1983.-352 p.
4. Chierniichienko, V. II. Diidaktiika vuysshiej shkolyy: Iistoriija ii sovriemiennyje probliemyy. - М.: «Vuzovskaja kniiiga», 2002.-136 p.

ABSTRACTS

Alimuradov O.A. Regional model of the concept BEAUTY verbalized by women-communicators

The article is devoted to the investigation of the systemic structure of the concept BEAUTY, represented in the female discourse. The aim of the article is to single out its conceptual domains, to characterize the nature of their bonds, to represent its hierarchy, to single out the conceptual spheres most frequently activated in women's discourse. The analysis lets us confirm that the concept BEAUTY is represented by the unity of its macro-spheres "physical beauty", "spiritual beauty", "natural beauty", "artificial beauty", which in their turn fall into several micro-spheres, represented by the information of each referent object of evaluation, singled out according to the principle of frequency of its verbalization in emotional communication.

Keywords: concept, discourse, language personality, evaluative communication

Bobyreva E.V. Characteristics of religious discourse

The articles is devoted to the analyses of religious discourse and phenomena connected with it. We consider that the whole system of values of the religious discourse may be presented as some oppositions; almost all the notions related to values have their absolute opposite – "antivalue": "good-evil", "life-death", "truth-lie", "earthly-heavenly". Besides, analyzing values of the religious discourse we consider it necessary and interesting to a certain degree to outline different types of modality which are realized in the religious discourse.

Keywords: religious discourse, church, ritual, concept, genre, precedent phenomenon

Bronnikova E.V. About verbal incarnation's peculiarity of motives of memory and oblivion in the novel "Tchevengur" by A. Platonov

The article deals with the nature of memory and oblivion in the novel «Tchevengur» by A. Platonov. After lexical analysis of these

motives the author comes to a conclusion: the memory and the oblivion form two tensely, interactive poles of the art world by A. Platonov. One of them expresses the idea of life and interrelationship, the other represents the substance of death, the tragic disunity of existence.

Keywords: A. Platonov, «Tchevengur», problem of memory and oblivion.

Danilova I. S. About the significance of diachronic research of lexical groups (on the basis of words denoting drugs in fiction literature of VIII-XV)

The article emphasizes the significance of lexical group research in diachronic aspect. It describes the use of words denoting drugs in fiction literature of Old and Middle English. The survey covers the written records of VIII-XV centuries. The etymological reference of the found words is presented. The diachronic analysis demonstrated that drugs didn't exist in Old England and were used as medicine in Medieval England.

Keywords: drug, lexical group, diachronic research.

Dekatova K.I. Specifics of mental representation of features during secondary nomination (based on nominal features of secondary nomination)

The article is devoted to the problems of protoverbal sense structuring of secondary marks. The specific of mental representation of features during secondary nomination are described.

Key words: secondary marks, sense structuring, mental representation.

Dyakova A.A. Secondary representation of textual content in interdiscourse adaptation

The paper researches dependence of second representation of contents of adapting text on conditions of definite discourse carries out juxtapositive analysis of text of juridical discourse and text of media discourse as result of interdiscourse adaptation.

Keywords: secondary representation, interdiscourse adaptation, juridical discourse, media discourse

Isyandavletova G.N. The etymology of words of nobility and knowledge in historical lexicology

Words, which we use in our daily life, form the original world having the features and laws, not opened secrets, the history. The special science of etymology is engaged in explanation of the origin of words. In modern language studies the term “etymology” has different values to an expert. First, it is the section of linguistics studying the origin of words. Secondly, etymology is the origin of a word. In the same meaning such terms as etymology, etymolized, the etymological analysis of a word are used.

Keywords: historical lexicology, etymology, word-changing, semantics

Kayumova E.R. Peculiarities of organization of text in the magazine “Cosmopolitan”

The organization of the glossy magazine ‘Cosmopolitan’ texts is examined in the article. The following peculiarities are singled out: heightened emotionality, titles based on the known mental facts, plenty of imperative verb forms, thou form of addressing readers, appeal to real stories or opinion of other woman, hypertext links and so on.

Keywords: organization of text, formation of gender, glossy magazine

Kremenetskaya I.V. Thematic group as paradigm word unit

The article is devoted to the important problem of modern linguistics, the systematization of vocabulary. The subject under consideration is structural and semantic relations in thematic groups as paradigmatic units. The author tries to prove that words are not only united in these groups on the basis of extra-linguistic factors, but also on linguistic peculiarities.

Keywords: word storage, paradigmatics, thematic groups of words

Kruchinkina N.D. Transposition of verbal nouns

The article describes a phased transposition of the process meaning of motivation verbs in derived verbal nouns. As applied to verbal

nouns, the article deals with the hypothesis stating that semantic history of development of secondary meanings of derivative verbs depends on categorical meaning of a motivating word as part of speech, on its thematic and lexical meaning, and on the degree of the derivative being in demand in speech usage.

Keywords: transposition, verbal noun, word building

Lubova A.N., Fedulenkova T.N. Variantness of ad’ektivnykh komparativnykh phraseological units (on material of the English, German and Norwegian languages)

The paper deals with differentiation and description of the main types of variability in the field of comparative Germanic phraseology, namely within the frame of the modern English, German and Norwegian languages. As a result of the structural and semantic analysis, morphological, lexical and quantitative variants are found out in the phraseological subsystems of the Germanic languages under study.

Keywords: phraseological units, variant, ad’ektivnyy, komparativnyy.

Maletina O.A., Garib A.B. Realization of concept “fashion” in mass media discourse (based on magazines “VOGUE”, « YES »)

This article is devoted to the linguistic analysis of the concept “fashion”, which is becoming more popular nowadays. We try to look smart and modern, that’s why we are interested in fashion. We read articles in fashion magazines, watch TV programmes about modern tendencies in fashion. Fashion means 1. the activity or business that involves styles of clothes and people’s appearance (the world of fashion): 1a) a style of dress that is popular at a particular time; 1b) relating to fashion or involved in fashion; 2. the fact that something such as a style of dress or an activity is popular at a particular time. Our analyzed material shows that metaphors, personifications and epithets are the most used devices in Vogue and Yes.

Keywords: concept, informational discourse, fashion, glossy magazine

Malykh D.S. Definition of a phrasal verb and postposition problem

In article the importance and properties of phrasal verbs for English language is considered, their characteristic signs and properties are allocated. The concept «послеслог» is given and the use problem послеслога is formulated. Examples of formation and use of phrasal verbs are resulted. Which correspond to the general tendency of development of language.

Keywords: postposition, phrasal verb, phraseological units

Prigarina A.S. Confession in the context of the religious discourse: composition and structural features

Each composite part of a confession has its function and is designed to create the right atmosphere, to waken the soul and consciousness of a confessing person, to feel invisible presence of God. All prayers are read in strict order, but nowadays the given ideal of having the ordinance is not always followed.

Keywords: confession, religious discourse, Christianity

Salova D.O. Concepts “Dostoyevsky” and “Turgenev” in English-American linguistic culture (scientific tradition)

The article presents the review of the concepts «Dostoevsky» and «Turgenev» realization in English-American linguistic culture (literature studies tradition). Besides, the courses lists on Dostoevsky and Turgenev in British and American colleges and universities are presented in the article.

Keywords: concept, linguistic culture, Dostoyevsky, Turgenev

Sevryugina O.V. Formation of culture of communication among university students

The article deals with the problem of bringing up of a future specialist. Nowadays our society needs a man with a high level of communicative culture, because of different social, economical and political changes, happening in the society. The author of the article presents some pedagogical methods, solving the given task in the process of education.

Keywords: specialists training, educational process, culture of communication

Sokolova M.E. Modal words and modal particles in the light of category of modality and beyond its limits (in German language)

The article makes an attempt to draw the border line between modal words and modal particles on the example of two vocabulary units: MW vielleicht and MP vielleicht, similar in pronunciation but different in its semantics, functional peculiarities and communicative pragmatic characteristics as well.

Keywords: modal words, modal particles, category of modality

Fedosova O.V. Euphemism in the Spanish spoken language

The author of the article considers the problem of origin of the term “euphemism” and its existence from pre-logical, primeval times up to the modern living in culture on the example of the Spanish spoken language, analyzing correlation of value ideas of society with euphemisms of different types used (“physiological euphemisms”) and their connection with folk humour culture

Keywords: euphemism, linguistic culturology, Spanish spoken language

Fedosova O.I. Principles and methods of nomination of the Russian mass media

A paper is devoted to research of the periphery section of Russian onomastics of names of mass media. It is supported by theoretical research from the area of specific nomination vocabulary by outlining the basic principles of nominative hemeronyms: identification of hemeronyms; conditional-symbolic and symbolic. Within each principle there are examined basic word-formative models of hemeronyms and this results in a percentage correlation in the names of Russian mass media.

Keywords: mass media, hemeronyms, nomination, principle of nomination, method of nomination, identification of hemeronyms, conditional-symbolic, symbolic.

Shaymardanova L.R. Realization of ideas of the Russian folk about law and justice in the images of judge, tsar and God

The present research allows to note some features of Russian legal culture: 1) during all Russian history people had mistrust to bodies of the law and order, therefore for Russian people it was necessary to hope only for the Divine court; 2) in Russia there were not strong legal traditions: the governor always was above the law, and laws simply served as the tool of board; 3) in many Russian proverbs and sayings the idea that laws are not fair is traced or unfair are they done by ministers of law.

Keywords: justice, law, court, punishment, mercy, Femida, God, God's judgment, tsar, judge

Shakirova T.I. Text as one of the main means of patriotic education in the process of learning of a foreign language

The influence of education, language education and the text on the process of the student's personality development and their role in patriotic education is considered in the article. The notion "patriotism" is given and the qualities of patriotic-settled personality are formulated. There are some examples of practical text usage with patriotic purposes.

Keywords: patriotic upbringing, language education, language personality

Shiryaeva N.N. Specificity and complexity as necessary demands to the definition of purposes for foreign language teaching in a non-linguistic university

The article reveals the importance of concrete and complex presentation of FLT purposes in university syllabuses. It also provides a model for specifying FLT purposes in order to meet the stated requirements.

Keywords: foreign language teaching, high professional education

Yuldasheva L.R. Language peculiarities of idiostyle by V.P.Nekrasov

The ideas of the post-modernism as a trend in art influenced the language peculiarities of individual style of the late V. Nekrasov. The main marks of the new style are the following: aspiration for the highest possible naturalness of transmission of speech, creation of a real life atmosphere. Thereto the writer uses the following language means: informal vocabulary, popular language, jargon, unprintable language, informal phraseology, abbreviations, loan words, syntax of the colloquial kind.

Keywords: idiostyle, work by V.P.Nekrasov, poetic by V.P.Nekrasov

Yarina E.S. Composition's peculiarity and the genre's nature of E. Jelinek's novel «Wonderful, wonderful times»

The article deals with the plot's and composition's peculiarities of the E. Jelinek' novel «Wonderful, Wonderful Times» («Die Ausgesperreten»). The montage, inclusion of detective's and upbringing novel's (Erziehungsroman) structures create the synthesis of different genres. This synthesis is realized as a variant of modern novel's identification.

Key words: E. Jelinek, «Wonderful, Wonderful Times» («Die Ausgesperreten»), peculiarities of the plot and composition, nature of genre, synthesis.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Алимурадов Олег Алимурадович – доктор филологических наук, профессор кафедры западно-европейских языков и культур, начальник управления научной работы Пятигорского государственного лингвистического университета.
357532, Пятигорск, пр. Калинина, 9.
alimuole@mail.ru

Бобырева Екатерина Валерьевна – доктор филологических наук, профессор каф. романо-германской филологии Волгоградского государственного педагогического университета.
400005, Волгоград, пр. им. В.И.Ленина, 27.
new_life@mail.ru

Бронникова Елена Вячеславовна – аспирантка кафедры литературы Челябинского государственного университета.
454000, ул. Бр. Кашириных, 129.
bronnikova85@yandex.ru

Гусева Мария Александровна – преподаватель кафедры романо-германской филологии и методики преподавания иностранных языков Армавирского государственного педагогического университета.
352901, Армавир, ул. Р. Люксембург, 159.
Maria_Guseva@mail.ru

Данилова Инна Сергеевна – преподаватель кафедры теории и практики перевода ПГУ им. Т. Г. Шевченко.
i.s.danilova@mail.ru

Декатова Кристина Ивановна – кандидат филологических наук, докторант кафедры общего и славяно-русского языкознания Волгоградского государственного педагогического университета.
400005, Волгоград, пр. им. В.И.Ленина, 27.
dekatovaki@mail.ru

Дьякова Анастасия Алексеевна – аспирант Волгоградского государственного университета.
400062, Волгоград, пр. Университетский, 100.
twinsi@mail.ru.

Кручинкина Нина Дмитриевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры романской филологии Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева
430005, Респ.Мордовия, Саранск, ул. Большевикская, д. 68.
ndk-07@mail.ru

Каюмова Эльмира Ришатовна – аспирант кафедры русского языка Стерлитамакской государственной педагогической академии им. Зайнаб Бишевой.
450076, РБ, Уфа, ул. Заки Валиди, 32.
elmira-kayumova@yandex.ru

Кременецкая Ирина Васильевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Калужского филиала АБиК МФ России.

Любова Анна Николаевна – аспирант Поморского государственного университета имени М.В. Ломоносова.
163002, Архангельск, пр. Ломоносова, 4.
comparat@atnet.ru

Малых Дарья Сергеевна – преподаватель кафедры теории языка Челябинского государственного университета.
454000, ул. Бр. Кашириных, 129.
darya-malykh@yandex.ru

Малетина Оксана Андреевна – кандидат филологических наук, доцент, зам. зав. кафедрой профессиональной иноязычной коммуникации Волгоградского государственного университета.
400062, Волгоград, пр. Университетский, 100.
okmaletina@yandex.ru

Пригарина Анна Сергеевна – начальник отдела логистики, соискатель Волгоградского государственного педагогического университета.

400005, Волгоград, пр. им. В.И.Ленина, 27.

lingua-mobilis@rambler.ru

Салова Дарья Олеговна – бакалавр, студент магистратуры Волгоградского государственного педагогического университета.

400005, Волгоград, пр. им. В.И.Ленина, 27.

danyush7777@yandex.ru

Севрюгина Ольга Вячеславовна – преподаватель английского языка кафедры теории языка Челябинского государственного университета.

454000, ул. Бр. Кашириных, 129.

Nika5@bk.ru

Соколова Марина Евгеньевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-гурманской филологии Волгоградского государственного педагогического университета.

400005, Волгоград, пр. им. В.И.Ленина, 27.

marina-falke@yandex.ru

Федосова Ольга Ивановна – соискатель Волгоградского государственного педагогического университета.

400005, Волгоград, пр. им. В.И.Ленина, 27.

olgefedo@hotmail.com

Федуленкова Татьяна Николаевна – доктор филологических наук, профессор кафедры германской филологии Поморского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

163002, Архангельск, пр. Ломоносова, 4.

fedmaximn@yandex.ru

Федосова Оксана Витальевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры французской филологии Волгоградского государственного педагогического университета.
400005, Волгоград, пр. им. В.И.Ленина, 27.
fedossova@yandex.ru

Шакирова Татьяна Ивановна – старший преподаватель кафедры лингвистики и иностранных языков Калужского государственного педагогического университета им. К.Э.Циолковского.
248023, Калуга, ул. Ст. Разина, 26.
tatyana-shakirova@yandex.ru

Шаймарданова Лилия Ринатовна - аспирант кафедры теории и истории языка Стерлитамакской государственной педагогической академии.
450076, РБ, Уфа, ул. Заки Валиди, 32.
Pjataeva@yandex.ru

Ширяева Наталья Николаевна – преподаватель кафедры иностранных языков Московской финансово-юридической академии.
115191, Москва, Серпуховский вал, д. 17/1.
shiryayeva@bk.ru

Юлдашева Лилия Радиковна – аспирант Стерлитамакской государственной педагогической академии им. Зайнаб Биишевой.
450076, РБ, Уфа, ул. Заки Валиди, 32.
yuldililiya@yandex.ru

Ярина Елена Сергеевна – аспирант кафедры литературы Челябинского государственного университета.
454000, ул. Бр. Кашириных, 129.
lenayarina@yandex.ru

